

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОАНАЛИЗА

Eero Rechardt

LANDMARKS IN PSYCHOANALYSIS

COLLECTED PAPERS

Эро Рехардт

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОАНАЛИЗА

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Москва
«Когито-Центр»
2009

Рекомендовано Ученым советом Института практической психологии и психоанализа в качестве учебного пособия по специальности «Клиническая психология»

УДК 159.964.2
ББК 88
Р 45

Перевод с английского
М. А. Якушиной

Научный редактор перевода
М. В. Ромашкевич

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

Рехадт Эро

Р 45 Ключевые проблемы психоанализа: Избранные труды / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2009. – 331 с. (Библиотека психоанализа)

ISBN 951-847-044-8 (англ.)
ISBN 978-5-89353-275-3 (рус.)

УДК 159.964.2
ББК 88

Эро Рехардт принадлежит к первому поколению финских психоаналитиков. Он внес значительный вклад в развитие психоанализа в Финляндии, в Восточной Европе и в мире в целом. Его книги переведены на многие языки и известны в ряде стран. Работы Рехардта посвящены решению важнейших вопросов теории психоанализа.

В оформлении использован рисунок первого российского психоаналитика И. Д. Ермакова, любезно предоставленный его дочерью М. И. Давыдовой.

© Recallmed Oy, Klaukkala, 2004
© «Когито-Центр», 2009

ISBN 951-847-044-8 (англ.)
ISBN 978-5-89353-275-3 (рус.)

Содержание

Предисловие

Мерья Рехардт

Мой отец принадлежит к первому поколению финских психоаналитиков. Как и многие его современники, он вынужден был специализироваться по психоанализу за границей, поэтому в 1957–1960 гг. наша семья жила в Швеции.

В Финляндии он работал дома. Мой отец всегда был страстно увлечен своей работой. Его глубокая преданность своему делу у нас, детей, вызывала недоумение, замешательство и даже ощущение чего-то великого и увлекательного, происходящего у него в кабинете. Комната казалась овеянной торжественной тайной, и мы иногда даже подглядывали за пациентами, когда они ждали своей очереди в прихожей.

С течением лет мое детское любопытство постепенно поблекло и перешло в профессиональный интерес. Постепенно тайна исчезла, когда я получила психоаналитическое образование. Пару лет назад я неожиданно вновь оказалась в атмосфере моего детства. Отец попал в больницу с внезапным приступом болезни и очень скоро вынужден был оставить работу психоаналитика. Это означало, что дом нашего детства нужно было покинуть. Мне пришлось освобождать кабинет отца. Вновь я подглядывала, как в детстве. Полная любопытства и изумления, я просмотрела все его работы, опубликованные и неопубликованные их части. Казалось, осталось очень многое из того, что я помнила с детства. Делая эту работу, я снова ощутила то прежнее чувство восхищения. Сколько этот человек успел передумать и написать!

Прошлой весной ко мне обратилась группа психиатров, которые намеревались собрать материалы и опубликовать книгу, посвященную трудам всей жизни моего отца. Они предложили мне включиться в эту работу и подобрать подходящие рукописи. Возникло приятное чувство, что материалы, которые я недавно собирала, оценили и они так быстро попали по назначению.

Книга, естественно, включает лишь малую часть написанного моим отцом и состоит в основном из набросков к его основной работе «Танатос, стыд и другие эссе», написанной вместе с Пентти Иконеном и опубликованной только по-фински в 1994 г. Я надеюсь, что эта работа будет переведена на английский язык в ближайшем будущем, чтобы по возможности расширить круг ее читателей.

Я хотела бы поблагодарить команду психиатров Бруно Таайамаа, Тапани Тамминен и Кари Пилккэнен. Без их участия этой книги не было бы.

Я также благодарю Стюарта Макдоуэлла за его любезную помощь.

Я благодарна Пентти Иконену, Хенрику Энкелю, Лене Клокарс и Айре Лайне за их ценный личный вклад.

Научные труды Эро Рехардта

Пентти Иконен

Написать *à croquis** об Эро Рехардте как коллеге по научной работе – задача и приятная, и трудная. Я близко общался с ним в процессе совместной исследовательской работы и написания работ в соавторстве, и именно об этом я хочу рассказать. Все прочие личные приятные моменты, которые работа с Эро принесла мне, таким образом, будут оставлены вне картины.

Я встретился с Эро в Стокгольме в середине 1950-х годов на небольшом празднике, организованном шведскими психоаналитиками и кандидатами. Мы тогда обменялись несколькими словами. Мы познакомились лучше в 1960-е годы, когда в Финляндии была основана Психоаналитическая учебная группа и позднее Финская психоаналитическая ассоциация.

Только в конце 1970-х годов мы начали работать вместе как исследователи и соавторы. Не зная о содержании работ друг друга, мы оба выражали сомнения по поводу концепции агрессивного инстинкта как исходя из собственного опыта, так и на основании обзора аналитической теории, и мы оба искали партнера для того, чтобы исследовать этот вопрос более тщательно. В результате нескольких случайных дискуссий мы поняли, что у нас сходный подход к определенным проблемам, и так началась наша совместная деятельность. Ее первым продуктом был доклад по теории инстинкта смерти на Северном психоаналитическом конгрессе в конце 1970-х годов и его напечатание затем в журнале *Scandinavian*

---

* Эскизно, наброском (*фр.*).

Psychoanalytical Review. Подстегиваемые вдохновением и удовольствием от нашей совместной работы, мы занялись дальнейшими исследованиями. Часть материалов и результатов, которые мы получили, мы включили в доклады, представленные по разным поводам, и статьи, написанные для многих изданий. Поощряемые интересом, который выражали наши слушатели и читатели, мы отредактировали некоторые статьи, внесли в них последние уточнения, а затем издали их в форме книги. Иными словами, наш совместный труд состоял в помощи редактору.

Благодаря годам аналитической работы мы получили в свое распоряжение большое количество материала. Обилие материала и его анонимность очень помогали в исследовании по нашей тематике.

То, как работал Эро, характеризовалось определенным гражданским мужеством и независимостью. Он был способен изменить свою точку зрения. Тот факт, что некоторые находки или предварительные теоретические выкладки не соответствовали принятым стандартам мышления, его не беспокоил. Но, кроме того, он не пестовал и не защищал такие наблюдения, которые могли быть ошибочными, или теоретические модели, которые без подтасовок не вытекали из материала, которым мы располагали. Как будто в своем отношении к нашей совместной работе он все время полагался на старую пословицу: «Бойтесь строителя систем, аки голодного льва».

Когда Эро мысленно перерабатывал что-то, что мы обсуждали, он часто закрывал глаза, откидывался назад и выглядел рассеянным, а то и просто крепко спящим. Некоторые свои комментарии он произносил, по-прежнему не открывая глаз, другие только после того, как открывал их и оглядывался, как бы возвращаясь откуда-то, где пребывал перед этим. Комментарии ясно показывали, как много работы и какого рода он проделал в своем уме.

Если он постигал что-либо в собственном сознании или находил фрагмент теории особенно плодотворным, он быстро разрабатывал это с помощью дополнительных

примеров, расширяя или сужая теоретический фрагмент, изменяя его уровень абстрагированности. Если он не находил обсуждаемого наблюдения в своем сознании или если теоретическая модель казалась ему неподходящей – как будто наблюдение помещено было в прокрустово ложе, – он говорил: «Хмм, я не вполне уверен…», либо оставлял это, либо подходил к этому под каким-нибудь другим углом; у него не было обыкновения немедленно начинать сыпать доводами. Это поддерживало открытую атмосферу исследования и оставляло пространство для беззаботного энтузиазма, но также для критики, которая следила за тем, чтобы энтузиазм оставался в безопасных границах. Когда слишком много энтузиазма или слишком много критики уводили нас в сторону и нам приходилось возвращаться на прямой и узкий путь, он предлагал довольно реалистичное утешение: «Мы заплатим за это стыдом». Подавленность и раздражение, вызванные тем, что мы сошли с правильного пути, от этого слабели.

Насколько я понял, Эро думал, что самая важная вещь в теории – это ее «устойчивость для использования», как важна устойчивость для выходящей в море лодки, какими бы другими великолепными свойствами она ни обладала. В соответствии с этим он скорее ценил тех, кто раскачивал лодку, чем шарахался от них. Будь то тексты или люди, они являлись ценной проверкой устойчивости. Если понимать дело так, то оппоненты могут быть желанны как товарищи, а не носители угрозы.

Нашей совместной работе пришел конец, когда Эро начал свой великий труд по организации и проведению психоаналитического обучения балтийских, эстонских и восточноевропейских специалистов, интересующихся психоанализом.

Нейтральность и воздержанность Эро как исследователя никогда не менялись. Хотя мы работали вместе годами, обсуждая многие вопросы, его взгляды на мир или на жизнь никогда не всплывали ни в каком контексте. Они оставались в стороне. Эта сдержанность помогала создать атмосферу свободы и дружбы в нашем исследовании.

Разновидности Танатоса: о месте агрессии и деструктивности в психоаналитической интерпертации

Пентти Иконен и Эро Рехардт

ВВЕДЕНИЕ

Неудовлетворительное состояние психоаналитической теории агрессии ясно показывают недавние публикации, круглые столы и конгрессы, посвященные этой теме. Ситуация, пожалуй, даже ухудшилась, поскольку психоаналитическая точка зрения часто вытесняется бихевиористским подходом, так что рассматривается агрессивное поведение вместо стоящего за этим поведением намерения (см., например, статью Р. Эджкомб и Дж. Сандлера на эту тему: Edgecumbe, Sandler, 1974). Попытки найти поддержку психоаналитической теории агрессии в биологии оказались столь же бесплодными. Одной из важных причин этой нерешительности и колебаний была неясность наших представлений о природе психоаналитического подхода или научной сущности психоанализа.

Важным толчком для тех мыслей, что будут здесь изложены, послужил ряд недавних исследований относительно научной природы психоанализа (Apel, 1968; Habermas, 1965; Lesche, 1976; Radnitzky, 1970; Ricoeur, 1970) и природы психоаналитической процедуры (Ikonen, Rechardt 1976a). Не вдаваясь в подробности, следует отметить то, что становится все более очевидным и ясным: психоанализ является отдельной наукой, имеет собственную точку зрения, собственный подход и уровень опыта, которые отнюдь не следует путать с точками зрения и подходами, скажем, бихевиоризма или биологии.

Тезисы, которые мы собираемся здесь изложить, основаны на клиническом опыте и на пересмотре трудов Фрейда

в свете того, что было сказано выше. Мы предлагаем в этой работе такую точку зрения: психоаналитическую теорию агрессии не следует ограничивать только отношением к агрессивным и деструктивным формам поведения и соответствующему им психическому содержанию, а следует вернуть ее к ее исходным пределам, вновь сделав ее теорией Танатоса. Под Танатосом здесь будет пониматься упорное, постоянно активное инстинктуальное* стремление к переживанию состояния покоя: попытки избавиться от того, что переживается как нарушающее покой, и/или того, что поддерживает нарушение покоя. Смерть является лишь одной конкретной формой состояния покоя, а разрушение – только одним конкретным средством стремления к состоянию покоя. Центральное и доминирующее намерение Танатоса, его конечная цель – это именно покой в той или иной форме, достигнутый тем или иным способом. В плоскости психоанализа речь идет не о биологическом принципе, который можно показать, а о доминирующем психическом стремлении. Теория либидо открыла новые возможности видения, продемонстрировав, как многочисленные разнообразные формы удовольствия являются на самом деле взаимозаменяемыми проявлениями одного и того же сексуального либидо. Теория Танатоса, в свою очередь, намерена показать, что существует широкое разнообразие психических событий – некоторые из них по своему намерению разрушительны, тогда как другие отнюдь не разрушительны и являются альтернативными формами одного и того же переживаемого стремления к состоянию покоя.

АГРЕССИЯ, ДЕСТРУКЦИЯ И ТАНАТОС В РАБОТАХ ФРЕЙДА

Садизм и инстинкты самосохранения

Фрейд уже в своих первых работах обращал внимание на агрессивные импульсы, направленные на объект. Первоначально он считал агрессию садистическим компонентом

* Здесь и далее сохраняется принятое англоязычными авторами разделение инстинктивного (принадлежащего биологическим инстинктам) и инстинктуального (принадлежащего Ид и, следовательно, психике). – *Прим. пер.*

сексуального инстинкта и разграничивал сексуальные инстинкты и инстинкты самосохранения, причем последние, по его мнению, способны инициировать стремления, противоположные первым. Несколько позже, в своей работе «Три эссе о сексуальности» (Freud, 1905), он представил точку зрения, согласно которой при попытке овладения внешним миром оба типа инстинктов имеют потенциальную способность действовать агрессивно. Фрейд говорил об Эго во многих контекстах, подразумевая под этим термином ту часть психического функционирования, которая стремится к существованию некоего функционального целого. Эго участвует в конфликте между внешним миром и инстинктами; оно связано с инстинктами самосохранения и отвечает за сопротивление. В работе «Психогенные нарушения зрения» (Freud, 1910) Фрейд в первый раз заговорил об эго-инстинктах. Как инстинкт самосохранения, так и вытеснение являются проявлениями эго-инстинктов. На тот момент он считал, что инстинктуальный конфликт – это конфликт между либидо и эго-инстинктами (подробнее см.: Nagera, 1970).

Эго-инстинкты и деструктивность

В работе «Инстинкты и их разновидности» (Freud, 1915) Фрейд доказывал, что агрессия, направленная на объект, является не либидной, а происходит из эго-инстинктов. Агрессия является проявлением инстинкта самосохранения. Эта работа была крайне важной для психоаналитической психологии агрессии. Фактически сегодняшняя психоаналитическая психология агрессии опирается в большей степени на эту статью, чем на то, что Фрейд писал позже, в работе «По ту сторону принципа удовольствия».

В своей статье «Инстинкты и их разновидности» Фрейд утверждает, что первичное, самое раннее по развитию отношение Эго с внешним миром характеризуется равнодушием. Первично Эго любит только себя и находит удовлетворение в своем собственном существовании. Однако неизбежно приходится находить объект, освобождающий от инстинктуального давления и приносящий удовлетворение. Объект есть

источник удовольствия, поскольку он приносит удовлетворение и облегчение, но он также источник неудовольствия и нарушения покоя. Он стимулирует через свое существование инстинктуальные импульсы, жаждущие удовлетворения и таким образом также подкрепляет переживания неудовлетворения. С появлением объекта в состояние первичной любви к себе вторгаются ненависть и желание уничтожить нарушающий покой объект. Первичный отклик Эго на нарушающие покой стимулы внешнего мира характеризуется ненавистью и отвращением. Оно стремится защитить себя от нарушений покоя через равнодушие, уход, бегство или разрушение. Эго постоянно пытается уничтожить независимое, нарушающее покой существование объекта и вернуться к самому раннему безобъектному состоянию. Это проявляется сначала в попытках раннего эго, полностью посвященного удовольствию, инкорпорировать в себе приносящие удовольствие аспекты объекта и относиться враждебно ко всем другим его аспектам: все, что хорошо, находится внутри самого эго, тогда как внешний покой отвратителен и в нем нет ничего, чего стоило бы желать. Эта тенденция все еще заметна в догенитальной сексуальности. Эго оральной стадии склонно съедать и переваривать объект во всей его полноте. Обладать объектом и уничтожать его, чтобы он больше не нарушал покоя, – это одно и то же. В течение анальной стадии собственническое желание эго проявляет себя в попытках полностью овладеть объектом – овладеть так, чтобы иметь возможность решить: владеть им или уничтожить его, и не оставлять ему никакого отдельного и независимого существования. В течение этих стадий субъект не способен провести различия между любовью и ненавистью. Независимое существование объекта лишь постепенно становится терпимым и приемлемым для субъекта.

Либидо и деструктивность как противоположности друг друга

Понятие нарциссизма (Freud, 1914) в некоторой степени затемняет различия между либидинозными инстинктами и инстинктами эго, поскольку оно равнозначно предположению,

что эго может также быть объектом либидо и что в распоряжении эго есть некоторое количество либидо. Инстинкты самосохранения, или стремление эго защитить самое себя, как раз и являются проявлениями нарциссического либидо, содержащегося в эго. Таким образом, различие между эго-инстинктами и либидными объектными инстинктами полностью утратило свое значение. Осталось только противопоставление либидо, направленного на эго, так же как и на объекты, и, с другой стороны, те стремления, что проявляются как, например, равнодушие, попытки овладения и разрушения с целью самозащиты. В своей работе «За пределами принципа удовольствия» (Freud, 1920) Фрейд в конце концов пришел к новой классификации инстинктов – к теории Эроса и Танатоса.

Эрос и Танатос

В работе «За пределами принципа удовольствия» Фрейд вначале рассматривает тот факт, ставший теперь очевидным, что многие психические стремления не следуют принципу удовольствия. Согласно этому принципу, психика обычно стремится получать удовольствие и избегать неудовольствия.

Очевидно, однако, что психический аппарат нередко также стремится к неудовольствию как таковому, причем не только временно, из-за требований, навязываемых реальностью. Дети часто стремятся в своей игре повторить то, что они ранее переживали как неудовольствие и что при повторении также включает переживание неудовольствия Невротик упорно продолжает повторять опыт неудовольствия как в своей жизни, так и в отношениях переноса в психоаналитической ситуации. После травматического переживания мучительная, вызывающая тревогу ситуация будет повторяться в уме человека вновь и вновь. Такого рода повторение, похоже, является предварительным условием для процесса исцеления.

Теперь возникает вопрос, как следует интерпретировать эту своеобразную тенденцию к повторению и каков ее

психологический смысл. Фрейд доказывал, что речь идет о попытках овладения опытом, который вызвал нарушение покоя. Повторение предназначено для того, чтобы связывать, как он полагал, состояние нарциссического возбуждения того рода, которое вызывается либо внешним, либо внутренним стимулом*.

Со связанной энергией можно затем справляться различными психическими средствами, так же как с любым другим психическим содержанием. Возникновению несвязанного нарциссического возбуждения будет противодействовать 1) щит, до некоторой степени прикрывающий от стимулов; 2) состояние подготовленности, или предвкушающего страха, мобилизующего контракатексис (психическое содержание), способный связывать такое возбуждение, и 3) одновременно произошедшая физическая травма, психическое переживание которой будет связывать нарциссическую либидную энергию.

Есть что-то инстинктуальное в самом компульсивном повторении. Оно кажется «действием беспощадной,

---

* Фрейд несколько ранее пришел к выводу, что инстинкт самосохранения представляет собой нарциссическое либидо. Данное Фрейдом описание психологии травматического переживания легче понять, если не забывать о том, что повторение предназначено было связывать вовсе не приток различных сенсорных стимулов, имеющих отношение к травматической ситуации. Речь шла о нарциссическом либидо, стремящемся восстановить психический аппарат до состояния связности и единства, о нарциссическом либидо, которое было мобилизовано этой травматической сенсорной стимуляцией через лишение его возможности удовлетворения, лишение нарциссического объекта. Мобилизованное нарциссическое либидо будет плавать свободно и как бы не связанно. Оно будет поддерживать возбуждение, и его необходимо связать с каким-то психическим содержанием, для того чтобы его можно было успокоить психическими же средствами. Тогда проще понять, почему случившаяся одновременно физическая травма, которая предоставляет либидо некий объект, легко воспринимаемый как объект, и которая способна это либидо связать, предотвращает возникновение травматического невроза.

демонической силы»*. Увлекшись идеей инстинктуального характера компульсивного повторения, Фрейд стал разрабатывать ее далее. Не может ли быть, что существует какой-то инстинкт повторения?

Если судить по биологическим наблюдениям, это представляется вполне возможным. Миграции животных и полеты перелетных птиц – это проявление некоторой инстинктуальной тенденции к повторению. Все случаи повторения имеют эту общую черту: они означают возвращение к более раннему состоянию вещей. Следуя этому, Фрейд рисует картину жизни как нарушение покоя, которое появилось в равновесии неживой природы. Каждая форма жизни есть путь обратно к неорганическому состоянию равновесия. Безжизненность – это самое раннее состояние всей жизни, самое раннее среди всех ранних состояний. В возвращении к безжизненному состоянию, свободному от нарушения покоя, жизнь должна проходить все более долгими окольными путями. Она склоняется к созданию все более крупных целых и к воспроизведению через сращение и генерирует напряжение, расширение и усложненность. Этим тенденциям жизни противодействует потребность снизить напряжение, разложить целое на составляющие и вернуться, наконец, к неорганическому состоянию.

Фрейд оказался перед обескураживающей идеей, что человеком может управлять инстинктуальная потребность уничтожать жизнь и что компульсивное желание повторения, стремление к овладению и к разрушению – это формы проявления этого инстинкта. Оба вида базовых инстинктов, инстинкты жизни и инстинкты смерти, имеют цель, общую для всех инстинктов: они стремятся восстановить более раннее состояние вещей. Инстинкты жизни стремятся повторять попытки, характерные для самых ранних форм жизни,

---

* В плане психоаналитической феноменологии инстинктуальное влечение именно и является беспощадным, неумолимым и продолжающимся стремлением, с которым приходится жить и которое стремится реализовать свою цель в различных формах и с различными объектами. Инстинкт, таким образом, отличается от стимула, который бывает мгновенным (Freud, 1915).

нарушить состояние равновесия путем сращения, повысить напряжение и усложнить возвращение к неодушевленному состоянию. Инстинкты смерти, в свою очередь, пытаются восстановить статическое состояние и равновесие.

Фрейд пытался обосновать свое предположение о существовании инстинкта смерти примерами из биологии, в особенности результатами исследований условий, необходимых для жизни и смерти одноклеточных организмов. Он пришел к выводу, что биология хотя и не поддерживает предположение об инстинкте смерти, но и не противоречит ему. Так что он решил, что имеет возможность применить это предположение к сфере психологии, отложив биологию в сторону. Он цитирует Платона, чьи философские представления о характере жизни были сродни его собственным биологическим размышлениям. Здесь становится понятно, что биологические соображения Фрейда были для него способом попытаться найти модель, применимую к психологии.

После того как он нашел такую модель, он более не нуждался в биологии. Философия и мифология также предлагали ему плодотворные модели. Фрейд упоминает о конкретном фигуральном способе мышления, необходимом в психологии, который, однако, легко можно неверно трактовать.

Наиболее существенным результатом этих размышлений было представление, что в человеческой психике работают две психологически различимые тенденции Эрос и Танатос. На деле эти две тенденции взаимодействуют множеством разнообразных способов, работая одновременно и оперируя либо в одном и том же направлении, либо в направлениях, противоположных одно другому, но одна никогда не будет превращена в другую и не потеряет свое независимое существование, как бы тесно ни они были порой переплетены.

Фрейд предполагал, что в человеческой психике действует тенденция к статическому равновесию. Принцип нирваны и принцип постоянства, попытки снизить напряжение или сохранить его, по крайней мере, постоянным – примеры проявления этой тенденции. Новая теория инстинктов означала возвращение к идеям старым, но теперь значительно

обогащенным. Фрейд чувствовал, что здесь, в новой теории инстинктов, он стоит на более твердой почве, чем раньше. С течением лет он все больше убеждался в правильности этой теории, которая все полнее сочеталась с его системой взглядов.

Позднее Фрейд изменил свое первоначальное представление, согласно которому Эрос также представляет собой стремление к более раннему состоянию вещей. Вместо этого он особенно подчеркивал ту роль, которую Эрос играет как сила, повышающая напряжение, создающая более крупное целое и поддерживающая нарушение покоя. Буря и натиск жизни имеют своим источником Эрос, или инстинкты жизни. Танатос стремится к покою и работает в основном тихо и незаметно. Фрейд также оставляет в стороне вводные соображения, согласно которым Эрос нарушает космическое неодушевленное состояние умиротворенности, тогда как Танатос представляет собой попытки восстановить это состояние. Он обращается с тем и другим, как с психическими устремлениями: Эрос нарушает покой и обогащает жизнь, а Танатос проявляет себя в попытках индивидуума жить спокойно (Freud, 1923).

О РАЗНОВИДНОСТЯХ ТАНАТОСА

Цель Танатоса

Здесь мы переформулируем фрейдовскую теорию Танатоса в следующей, казалось бы, лишь немного модифицированной форме, которая, однако, открывает новые возможности видения: вместо того чтобы быть тенденцией, внутренне присущей всему одушевленному, стремиться к неодушевленному состоянию, Танатос, с точки зрения психоанализа, является упрямым, непрерывным и неумолимым стремлением, внутренне присущим человеку, к переживанию покоя и облегчения тем или иным способом и в той или иной форме. Агрессия есть одна из форм проявления этого стремления, а собственная смерть или уничтожение другого человека могут быть средством, которым индивидуум пытается достичь состояния покоя. Танатос, инстинкт смерти, – это название парадигмы, связанной с психическим функционированием. Исторически

законно, пожалуй, будет сохранить это название, несмотря на то, что оно может порождать обманчивые представления.

Тексты Фрейда о Танатосе принято воспринимать с точки зрения биологии, поэтому их и не принимали в достаточной мере всерьез. Были попытки найти для агрессии биологическую модель, и считалось, что Фрейд основал свою теорию на ненадежных биологических построениях. Вопрос относительно биологических аспектов Танатоса «выходит за рамки» психоанализа; для психоанализа это метафизический вопрос, который не может быть разрешен в пределах его метода*. Что психоанализ может сделать здесь на эмпирическом

* Биологические построения Фрейда, лежавшие в основе его новой теории инстинктов, принадлежали, скорее, к сфере натурфилософии, чем к сфере естественной науки. Фрейда основательно критиковали, поскольку научное мышление прежде не принимало такого метода. Тексты Фрейда воспринимались как безуспешная попытка представить биологические данные в поддержку его взглядов, а не как попытка найти подходящий модус мышления. Недавние исследования по теории науки продемонстрировали квазинатуралистический характер этих научных размышлений Фрейда: они представляют собой естественную науку лишь по форме, а не по содержанию, содержанием является намерение и психика (Апель, Леше, и т. д.). Его биологические рассуждения можно также уподобить строительным лесам: Фрейд использовал их, чтобы выстроить теоретическую модель психики, и, когда сооружение было возведено, их следовало убрать, чтобы не портить вид здания. Если мы поймем это, то мы будем свободны при чтении текстов Фрейда, как и других психоаналитических текстов, подходя к ним с новой, плодотворной точки зрения: как к текстам, представляющим отдельную независимую научную дисциплину; и это поможет исправить некоторые искажения в психоанализе и определенные ошибочные представления о нем. Фрейд также не чурался описания определенных парадигматических принципов работы психики в виде образов, взятых из философии (Платон) и мифологии (миф об Эдипе) (см. также: Ikonen, Rechardt, 1976a). Возникает только вопрос, не следует ли реформировать психоанализ таким образом, чтобы устранить включенные в него биологизмы, легко приводящие к заблуждениям, и заменить их чисто психоаналитической системой понятий (см., например: Schafer, 1975). Это, однако, повлечет за собой опасность, как бы реформатор не отказался

уровне, так это исследовать, как Танатос работает в качестве принципа интерпретации.

Если рассматривать их с этой точки зрения, то Эрос и Танатос – это психические тенденции, независимые одна от другой. Эрос стремится поднять жизнь на новую высоту: он стремится к более крупным целям и к повышению энергетического напряжения. Основное направление его психического намерения – в сторону удовольствия (но не прочь от неудовольствия, а также независимо от нарушения покоя). Танатос стремится устранить то, что повышает энергетическое напряжение, и свести его к максимально низкому уровню (принцип нирваны) или, по крайней мере, сохранять его неизменным (принцип постоянства). Основное направление его психических устремлений – к состоянию покоя или относительного покоя, которое предшествовало нарушившей покой стимуляции (прочь от того, что нарушает покой, не в сторону удовольствия, но в сторону переживания покоя или облегчения).

Цель Танатоса может быть выражена лишь косвенно. Он не удовлетворяется каким-то конкретным объектом или действием, он удовлетворяется только состоянием, которое можно определить лишь негативно, состоянием, в котором не происходит никакого нарушения покоя. Необходимо будет определить нарушение покоя *ad hoc,* т. е. в каждом конкретном случае, и то же самое относится к тому действию, через которое происходит стремление к свободному от нарушения покоя состоянию. Когда мы говорим о «состоянии покоя», это всего лишь позитивное наименование, приблизительно описывающее состояние, которое определить можно только негативно. То же самое, когда мы говорим о состоянии равновесия.

Принцип удовольствия в форме, представленной Фрейдом, как стремление к удовольствию и прочь от неудовольствия (Freud, 1911), оказывается теперь явно вторичным

от какого-либо понятия и/или метафоры или же какой-то модели рассмотрения психики, которую сам он не заметил или не понял. Это относится, например, к энергетическим моделям, которые многие психоаналитики не могут понять правильно.

формированием, комбинацией устремлений Эроса и Танатоса. Фрейд сам утверждает, что это такое проявление принципа Танатоса, как когда он модифицирован Эросом (Freud, 1920). Усилия достичь удовольствия и усилия избежать неудовольствия могут происходить в большей степени в соответствии с первичным процессом или в большей степени в соответствии со вторичным процессом. В первом случае мы сказали бы, что они более совместимы с чистым принципом удовольствия, в противоположность усилиям, совместимым с принципом реальности. В обоих случаях они могут действовать либо относительно отдельно друг от друга, либо быть практически друг с другом слиты.

Теория либидо показала, что широкое разнообразие форм сексуального удовольствия представляет различные формы одного и того же сексуального либидо. Соответственно, мы можем говорить о различных формах Танатоса. С этого момента, однако, мы должны говорить о «разновидностях» в значении более широком, чем Фрейд в его работе «Инстинкты и их разновидности». То, что имел в виду Фрейд, было разновидностями общих для всех инстинктов, таких как обращение на самого себя, переход от активного к пассивному и т. д. Фрейд с осторожностью говорил о возможности превращения одних форм либидо в другие. Существенно, однако, то, что катектическая составляющая варьирует от одного производного к другому. Происходит трансформация в катексисе и динамике, возможности воздействия психоаналитического метода также опираются на этот факт. Когда мы здесь говорим о различных разновидностях Танатоса, это означает, что Танатос имеет много производных, которые могут быть катектированы самыми различными способами. В этом смысле как либидо, так и Танатос в случае каждого индивидуума имеют множество разных возможных форм.

Взгляд Фрейда на агрессивный, или деструктивный, инстинкт был недвусмысленно ясным: это стремление, ставящее целью уничтожить объект или сам субъект. Он называл его одной из форм Танатоса или одним из инстинктов смерти. Когда понятие Танатоса ограничили так, чтобы оно

охватывало только агрессивный инстинкт (Hartmann et al., 1949), это был шаг назад в психоаналитической теории. Мы хотели бы особо подчеркнуть, что, если психоаналитическую теорию агрессии ограничить так, чтобы она относилась только к (нейтрализованным или явным) агрессивным и деструктивным стремлениям, это будет столь же плохо совместимо с клинической работой, как если бы ограничить теорию либидо, скажем, только сосанием и его производными.

Что подразумевается под нарушением покоя и стремлением к состоянию покоя?

Мы предположили выше, что цель Танатоса – это устранить нарушения покоя. Мы предположили это, не подумав, что в точности означает нарушение покоя метапсихологически и переживаемое в опыте.

Мы начнем, как начал Фрейд в работе «За пределами принципа удовольствия», с рассмотрения травматической ситуации и компульсивного желания повторять. Нарушение покоя, вызванное травматической ситуацией, – это поток несвязанной психической энергии (почти вовсе не имеющей психического содержания и формы), который был приведен в движение травматическим стимулом, когда нарциссическое либидо оказалось лишено своего объекта. Таким образом, речь идет именно о либидной энергии. Путем повторения* делается попытка связать эту либидную энергию с образами, активностью, тревогой и, возможно, с другими аффектами. В смысле переживания это значит, что сначала диффузное и постоянное беспокойство, вегетативное возбуждение и неспособность сосредоточиться сменяются периодическими состояниями, в которых правит тревога и болезненные образы, ассоциируемые с травматической ситуацией как в состоянии бодрствования, так и в сновидениях. Успокоение произойдет позднее через связывание этих образов и тревоги путем различных защитных и других мер. Кроме того, те образы,

* То же самое психическое содержание, те же побуждения к действию и аффекты повторяются, когда накапливается нарциссический, свободно мобильный катексис.

которые есть у человека относительно того, что произошло, что могло произойти, что можно было сделать и что следует делать в сходных ситуациях в будущем, будут принимать все более четкую форму. Степень связывания, таким образом, возрастает различными путями. Здесь легко приходит на ум метапсихологическое предположение относительно природы нарушения покоя и того состояния покоя, которого пытаются достичь: нарушение покоя есть соотношение между либидной энергией, связанной менее развитым способом, и либидной энергией, которая связана более развитым способом, а успокоение означает некоторое развитие степени связанности.

Однако нарушение покоя имеет тот же самый характер, что и в нетравматических ситуациях. В таких ситуациях тоже либидная энергия, связанная менее развитым способом, является, с точки зрения либидо, связанного более развитым способом, нарушающей покой. Здесь важны как количественные отношения, так и временной фактор или ритм. Когда количество плохо связанного либидо превышает – благодаря, например, его быстрому нарастанию – способность индивидуума связывать ее далее на данный момент, это будет переживаться как нарушение покоя (Freud, 1920). Таким образом, нарушения покоя – это почти синоним тревоги, но первое более древнее, чем вторая. Тревога как разновидность аффекта является даже формой связывания. То же самое относится к другим аффектам, самый ранний из которых равен привязыванию возбуждения к филогенетическим, досимволическим формам реакций. Фрейд описал это, назвав аффекты примитивной истерией. Когда тревога принимает все больше психического содержания, она постепенно приручается до того, чтобы превратиться в сигнальную тревогу, т. е. психическое формирование, представляющее собой достаточно продвинутую степень связывания. Потому «нарушение покоя» – это не совсем то же самое, что аффект тревоги, его следует рассматривать как особую форму тревоги, а именно такую, которую мы называем травматической или которая переживается как сходная с ней по качеству. Ее изначально переживаемое проявление, которое можно переживать,

по крайней мере, в мягких формах на протяжении всей жизни, – это безымянное беспокойство, которое может даже как таковое перерасти в безымянный ужас панического типа. Как метапсихологическое понятие психическая травма – явление относительное: это значит, что способность индивидуума к связыванию слишком сильно превышена на конкретный момент. Понятие актуального невроза близко к этому: актуальный невроз есть состояние нарушения покоя, вызванное плохо связанным либидо в результате длительной чрезмерной сексуальной стимуляции. Эго переживает как опасность не только наличие дефектно связанного либидо, но и угрозу его появления. Например, актуальный невроз и переживание травмы соответствуют первому из них, а сигнальная тревога – второму. Вышеизложенные метапсихологические соображения проливают свет на различные формы тревоги и на вопросы о тревоге, предложенные Фрейдом, которые оставались нерешенными (Freud, 1926). (По поводу связывания либидо и его соотношения с тревогой см.: Ikonen, Rechardt, 1976b.)

Согласно психоаналитическому пониманию, невротическое или другое психическое нарушение покоя наступает таким образом, что во время ранних стадий развития индивидуума возникают определенные способы овладения некими проявлениями либидо при условиях данного типа, т. е. конкретные методы умиротворения – привязывание его к примитивным способам использования, к ригидному контркатексису и к примитивным защитам. Это психические формации, которые из-за своей ригидности работают дефектно, а когда они становятся сильнее, то плохо сочетаются с психикой в целом. Нарастание давления либидо при таких обстоятельствах приведет к катектированию более ранних психических структур, к большей бедности и жесткости защит, к нарастанию тревоги и к подкреплению пугающих образов. Об угрозе, вызываемой архаическими формами связывания и конфликтами между более ранними и более поздними решениями, писал, например, Сандлер (Sandler, 1974).

Фрейд говорит о трех видах психической энергии, или о психической энергии, появляющейся в трех разных формах: (1) свободно движущаяся (frei beweglich), (2) тонически связанная (tonisch gebunden) и (3) подвижная (mobile) (см.: Gill, 1963)*. Свободно движущаяся энергия связана только предварительным образом (например, катексисы в Ид). Даже когда она связана предварительным образом, с ней можно обращаться в соответствии с чистым принципом удовольствия, подчиняясь первичному процессу, так, чтобы стремиться к немедленному удовольствию и стараться избежать немедленного неудовольствия (например, работа со сновидениями). Когда она становится сильнее, она бывает склонна к «буре и натиску», способствует беспокойству и переживается как беспокойство. Тонически связанная энергия встречается в формах, достаточно жестко связанных с различными психическими содержаниями и событиями, существование которых служит для обеспечения стабильности и текучести различных психических событий; но, когда она появляется в чрезмерном количестве, она способствует схематичности и ригидности. Некоторые случаи такого тонического связывания благоприятны и могут способствовать адаптации, тогда как другие могут поддерживать как бы патологические психические содержания, или психические содержания, предрасполагающие к патологии. Большинство психопатологических симптомов – это формы тонического связывания. Подвижная (мобильная) энергия имеет форму, в которой с ней можно обращаться без напряжений и не вызывая нарушения покоя. Она не была связана заранее ни с каким конкретным психическим содержанием, она нейтральна и готова

---

* В оригинальных текстах Фрейда использование понятий «beweglich» и «mobile» не вполне последовательно. В английских переводах для того и другого использовался термин «mobile». Представляется, однако, что Фрейд в основном использует термин «beweglich» и «frei beweglich», чтобы обозначить катексис Бсз и катексис Ид, тогда как термин «mobile» относится к катексису Псз-Сз и катексису Эго. Мы здесь предлагаем переводить «beweglich» как «движущаяся», а «mobile» как «подвижная».

ассоциироваться при необходимости с чем угодно в качестве гиперкатексисов, например, катексисов внимания*.

Увеличение количества подвижной (мобильной) энергии будет переживаться субъективно как возрастание автономии, эмансипации и как рост доступного набора образов, чувств и действий (Ikonen, Rechardt, 1976a, 1976b). Это увеличение количества энергии также означает освобождение от ригидных защитных структур, которые поддерживаются через контркатексис. Это основа «мобильной функции» Эго (Freud, 1925). Ее проявление – это переживаемое чувство свободы и спонтанности. С помощью подвижного катексиса индивидуум сможет также найти лучшие возможности удовлетворить свои более примитивно связанные и свои свободно движущиеся либидные энергии – свои «желания» – способами, совместимыми с реальными обстоятельствами. Тем самым улучшаются возможности избавиться от нарушения покоя и достичь состояния покоя. Как нам представляется, согласие с реальностью, или осознание принципа реальности, означает, что удовлетворение интегрировано в психику в целом: получение удовольствия не происходит за счет других удовольствий или покоя, а стремление к покою не происходит таким образом, который только увеличит нарушение покоя и будет чрезмерно препятствовать получению удовольствия. Исходя от этой отправной точки, возможно будет развить лучшее определение принципа реальности, чем то, которое используется сегодняшней теорией, а также получить лучший ответ на вопрос, что есть реальность с точки зрения психоанализа.

Формы Танатоса должны развиваться в направлении, при котором реальность в вышеуказанном смысле принимается в расчет все больше. Лучше всего это возможно осуществить через подвижный (мобильный) тип связывания, позволяющий потенциально получить неограниченное богатство идеационного и эмоционального содержания, но на самом деле

---

* Например, медитация в ее разнообразных формах, так же как и некоторые другие эзотерические практики, может, таким образом, быть понята как, например, возрастание и развитие подвижной энергии средствами тренировки внимания (ср.: Ornstein, 1972).

по содержанию пустой. Самая развитая форма либидо – это его генитальный уровень, ответственный за воспроизводство и за сохранение вида (Freud, 1911). Самая развитая форма Танатоса соответствует подвижному связыванию, способности направлять и проявления либидо, и проявления самого Танатоса путем подвижного катексиса – способ, который согласуется с состоянием целого в каждый конкретный момент. Это также означает разрешение парадокса, к которому Анна Фрейд привлекла внимание на конгрессе в Вене (A. Freud, 1972): хотя характеристикой генитального либидо, кажется, является верность одному объекту, зрелые формы агрессии, похоже, характеризуются неверностью, способностью направляться на широкое разнообразие объектов (можно к этому добавить: способностью к широкому разнообразию форм).

О производных Танатоса

Из психоаналитической концепции инстинктов следует, что мы никогда не находимся с инстинктом в прямом соприкосновении, а только через его различные психические проявления. С их помощью мы можем отслеживать разновидности инстинкта и его различных производных. Теперь, когда мы предположили, что Танатос стремится поддерживать и/или восстановить состояние покоя, мы можем спросить, каковы основные типы его психических проявлений, через которые можно отслеживать его разновидности или которые находятся среди его разновидностей. Фрейд упоминает, по меньшей мере, следующие:

- охраняющий щит против стимулов (стимульный барьер)
- повторение
- агрессия и деструкция
- помощь либидо в получении удовлетворения
- мазохизм и садизм
- связывание через контркатексис
- деструктивность Супер-Эго
- негативная терапевтическая реакция
- отрицание (negation).

Мы вернемся к этим разновидностям Танатоса, описанным Фрейдом, ниже, когда будем рассматривать, как наше представление о Танатосе работает в клинических контекстах и интерпретациях. Следует отметить, что Танатос никогда не проявляется в одиночку. Он формирует неизменно присутствующий интерпретационный аспект, но всегда в сочетании с разновидностями либидо или Эроса. Здесь, однако, мы будем рассматривать психические события исключительно с точки зрения Танатоса*. По мнению Фрейда, Танатос – в целом немой инстинкт по сравнению с Эросом. И все же в основном он имел в виду его наиболее шумные проявления: агрессивность, деструктивность и компульсивное повторение.

---

* Следует помнить, что любое, какое угодно психическое событие можно, конечно, рассматривать как проявление и Эроса, и Танатоса. Это даже вытекает из концепции инстинктуального влечения и из динамической точки зрения психоанализа. Когда мы стремимся характеризовать общее направление Эроса и направление Танатоса, мы обнаруживаем, что сформировать представление о Танатосе как об общем принципе без конкретного содержания легче, чем сформировать такое же представление об Эросе. Танатос можно охарактеризовать как общее стремление уйти прочь от того, что нарушает покой. Его переживаемое в опыте выражение обычно характеризуется такими качествами, как «избавиться», «хватит уже», «достаточно», «легко отделаться», «кончено» и т. д. Основное направление Эроса можно характеризовать как ненасытное, безграничное стремление к удовольствию. Типичными для него будут такие качества, как «недостаточно», «еще» и т. д. С этим трудно разобраться в переживании, потому что желание всегда имеет цели и задачи. Ницше в нескольких словах сказал нечто очень существенное об Эроса и Танатосе:

Боль говорит: Исчезни!
И все же всякое желание жаждет вечности, –
– жаждет глубокой, глубокой вечности.

Если мы посмотрим на психические события в соответствии со второй теорией инстинктов, мы будем обращать внимание на то, как и когда там происходят усилия в направлении покоя и как и когда происходит усилие в направлении ненасытимого желания. Проявления Танатоса, которые будут описаны здесь, – это различные психические события, часто представляющие собой целое сравнительно большого объема, содержащее стремление избавиться различными способами от различных типов нарушения покоя.

*Танатос и внешние стимулы**

Против стимулов, приходящих извне, психический аппарат может защитить себя при помощи охраняющего щита (Freud, 1920), тем самым поддерживать состояние покоя. Это явление встречается как в повседневной жизни, так и при проведении психологических экспериментов. Оно переживается как равнодушие и «толстокожесть». Состояние покоя может также быть восстановлено, если тем или иным способом устранить источник нарушения покоя: убежать от него, бороться с ним, прогнать его прочь или уничтожить. Другая возможность – это аутопластическая адаптация к внешним стимулам, т. е. изменение собственного состояния таким образом, чтобы данный стимул больше не нарушал покой. Это обычно происходит, если стимуляция длится долго.

Важно то, что одно и то же действие, стремление к состоянию покоя и уничтожение источника нарушения покоя может осуществляться различными из описанных способов: путем формирования охраняющего щита против стимулов, путем бегства, агрессивности и деструктивности или путем аутопластической адаптации. Все это различные проявления и разновидности Танатоса, из которых многие детерминированы филогенетически и досимволичны. Как нам представляется, они могут также переживаться как различные формы реализации одного и того же устремления.

Танатос и нарушения покоя, идущие от либидо

Основной источник нарушения внутреннего покоя – это Эрос. Против него психический аппарат не имеет никакого охраняющего щита. Его отсутствие отчасти компенсируется связыванием психической энергии или заменой свободного катексиса частично связанным катексисом. Вслед за этим

* «Внешние стимулы» в истинном смысле этого слова возможны только для живых существ: живое существо каким-то конкретным образом реагирует на них или совершает направленные на них действия. Черта, разделяющая такие стимулы и стимулы, возникающие внутри индивидуума, на самом деле является совсем нечеткой.

становится возможным увеличение степени связывания и других катектических психических событий, нацеленных на дальнейшее снижение нарушения покоя (Freud, 1920). Сновидения и приступы тревоги, повторяющие травму, пытаются овладеть мощным потоком инстинктуальной энергии, стимулированным травмой (см. сноску 1 выше), путем привязывания ее к аффекту тревоги и различным образам («Что следовало бы сделать?», «Что могло бы случиться?», «Что на самом деле произошло?» и т. д.), т. е. путем привязывания ее к конкретному психическому содержанию и придания ей той или иной психической формы. Когда некая система катектируется заранее под угрозой мощной стимуляции (одно из значений тревоги), это послужит преградой против избыточного инстинктуального затопления путем привязывания его к контркатексисам.

Связывание свободной энергии и компульсивное повторение, ассоциируемое с ним, можно рассматривать просто как защитную меру. Более естественно будет представлять ее себе как проявление Танатоса и как событие, которое делает возможными настоящие защитные меры, придавая несколько связанную форму несвязанному, бесформенному беспокойству инстинктуальной энергии. Естественно, защиты в целом можно будет понимать как продолжение этого процесса, причем целью является успокоить переживаемое и избавиться от нарушающих покой инстинктуальных импульсов и их проявлений, сдвигая катектированные психические содержания и что-то делая с ними. Какой инстинкт или разновидности какого инстинкта представлены защитами, будут тогда вопросами, которые можно решать по мере того, как проблемы интерпретации просто следуют линиям, намеченным Хартманом, Крисом и Левенштейном (Hartmann, Kris, Löwenstein 1949).

Стремление к покою, прочь от нарушений покоя, вызванных либидо, может привести к проявлениям более тяжким, чем защиты: к агрессии против объекта либидо, рассматриваемого как источник нарушения покоя, или к агрессивности, или к деструктивности по отношению к самому либидному

желанию или его источнику, что проявляется в различных формах саморазрушения и агрессии, направленной на себя. В особенности отсутствующий объект, который не дает возможности удовлетворения, переживается как нарушающий покой «плохой объект». Стремление к покою и к тому, чтобы устранить нарушение покоя, тогда победит совершенно явно за счет либидо: покой и удовольствие противоположны друг другу, хотя нелибидные или антилибидные усилия могут быть вторично либидинизированы либо прямо, либо через регрессию в результате беспощадных усилий Эроса найти какое-то удовлетворение даже при ограниченных условиях, что поведет к садизму и мазохизму*.

---

* Первичное нарциссическое либидо удовлетворяется существованием самого Эго: его благополучием, целостностью и ростом. Соответственно, первичный Танатос проявляет себя как некий «черный нарциссизм», стремящийся к ненарушенной пустоте. Он стремится устранить и погасить и нарциссически, и объектно направляемое неудовлетворенное, несвязанное и нарушающее покой либидо. Клинические проявления этого черного нарциссизма – например, инфантильная апатия и анаклитическая депрессия. Эта аутопластическая форма танатозиса есть основа первичного мазохизма. В более позднем вторичном мазохизме Танатос также стремится несколько успокоить либидо, вызывая боль как результат его проявлений и/или в качестве предварительного условия для их существования. Вторичная эротизация боли часто создает, однако, неразрешимую ситуацию. В своих попытках успокоить и подавить либидо Танатос получает эффективную помощь от Супер-Эго. Когда проявления Танатоса помогают либидо получить удовлетворение и когда находятся внешние объекты, то могут развиваться активности, включающие агрессивные и садистические черты. Таким образом, смысл садизма может быть, например, таким: «Вот тебе, получи за то, что нарушаешь мой покой своим существованием и своим соблазном». Садизм может, однако, иметь также значение другого рода. Он может использоваться, чтобы создавать аутоэротическую стимуляцию или некоторое либидное опьянение. Возникновение такого либидного опьянения можно понимать таким образом, что жестокое, без любви обращение с объектом, с которым ассоциируются либидные связи, приводит, тем не менее, либидо в состояние необычайно интенсивного желания и исключительного отсутствия связывания через угрозу

Вызванное либидо нарушение покоя можно, конечно, снять напрямую, через удовлетворение либидо, и в этом случае Танатос помогает либидо достичь удовлетворения (Freud, 1923).

В благоприятном случае, таким образом, удовольствие и покой могут совпадать. Самый обычный случай, однако, – это получение удовольствия ценой покоя или, напротив, стремление к покою путем отказа от либидного удовлетворения. Здесь следует также подчеркнуть значение отсутствующего объекта, так как в этом случае путь, ведущий к покою и удовлетворению, отчасти перекрыт с точки зрения как либидо, так и Танатоса.

Консерватизм либидо (Mannoni, 1971) является результатом компромисса между ним и Танатосом. Психика пытается найти дорогу обратно к ситуациям, в которых удовлетворение, полученное либидо, когда-то приносило покой.

Регрессия может также в широком смысле быть интерпретирована как производное Танатоса: как возвращение на более раннее простое состояние, которое лучше поддается контролю, предшествует нарушению покоя и в котором его

немедленной утраты объекта. Это переживается как аутоэротическая стимуляция или как избыток эротического возбуждения, для некоторых людей недостижимого в ситуации нормальной любовной жизни.

Стремления Танатоса, которые не достигают внешних объектов, склонны находить аутопластические решения. Они стремятся к покою, уничтожая субъект. Если невозможно помочь либидо достичь какого бы то ни было удовлетворения и если искушающий объект или нарциссический объект невозможно устранить, то приходится подавить собственные либидные устремления. Клинические примеры этого можно наблюдать в анаклитической депрессии, в апатии и, возможно, при определенных психосоматических нарушениях и психозах. В психозах на самом деле обрубаются связи и с соблазняющим внешним миром, и с переживанием своего собственного тела, а также и с искушающим нарциссическим благополучием: «Если правая рука твоя искушает тебя, отсеки ее и брось ее прочь от себя». Следует указать еще раз, что речь идет не об объяснении обсуждаемых явлений, а об интерпретационном подходе к ним.

меньше. Сон и желание спать представляет собой желание уйти к покою и регрессии. Извечное и для всех одинаковое желаний, лежащее в основе сновидения, – это желание спать. Оно участвует в формировании каждого сновидения (Freud, 1900). Если интерпретировать его в соответствии со второй теорией инстинктов, это желание является проявлением Танатоса. Работа сновидения может на самом деле рассматриваться как аутопластическое психическое средство для обеспечения покоя сна в противовес усилиям Эроса.

Изначально Супер-Эго стремится сделать спокойными либидные отношения ребенка с его родителями, а позднее работает над тем, чтобы успокоить другие объектные отношения. Стремясь успокоить эти критически важные отношения, уязвимые в плане нарушения покоя, Танатос не признает компромиссов: моральные запреты направлены на покой через чистое разрушение; то, что морально нарушает покой, является абсолютно дурным и заслуживает уничтожения.

Танатос в некоторых клинических и психопатологических состояниях

Депрессивный аффект, когда он воспринимается как некие попытки, напоминающие «зимнюю спячку» (Joffe, Sandler, 1967), облегчить психическую боль (отсутствие нарциссического удовлетворения), возможно интерпретировать как проявление Танатоса (Rechardt, 1976). Таким образом, в старый вопрос об отношениях между депрессией и агрессией вносится некоторая ясность: агрессия и депрессия – это разные проявления Танатоса, часто взаимозаменяемые, но ставящие целью то же самое переживаемое состояние покоя*.

Так называемую «самодеструктивность», связанную с употреблением успокоительных или злоупотреблением ими, со злоупотреблением алкоголем и наркотиками и с другими сравнимыми с этими аддикциями, можно представлять как стремление избавиться от каких-то болезненных и нарушающих покой переживаний при помощи онемения,

* Депрессию можно характеризовать как аутопластическое решение, а агрессию как аллопластическое.

успокоения и эйфоризации. Интерпретировать их как направленную на себя агрессию будет неточностью, как видно из того факта, что даже очень далеко зашедшее саморазрушение не уменьшает аддикции. Напротив, оно обычно увеличивает нарушение покоя и усугубляет аддикцию.

Различные стадии развития либидо предлагают модели того, как устранить нарушение покоя (Erikson, 1950; Glover, 1949; Sandler, 1965): сосать, кусать, вбирать в себя, выплевывать, экскретировать, пачкать нижнее белье, выбрасывать, вообще избавляться, удерживать, сохранять, контролировать, управлять, рассматривать, предъявлять для рассмотрения, «красоваться», проникать, принимать проникновение, вторгаться, соперничать и т. д. Все они могут в общем и целом и независимо от соответствующего либидного компонента служить средствами для устранения любого возможного нарушения покоя и достижения покоя. Либидо, конечно, будет участвовать в этом, и его целью будет достичь удовольствия в связи с этими различными психосексуальными модусами. С точки зрения Танатоса, основное в этих ситуациях то, что это средства устранить то, что нарушает покой, и достичь покоя. Если попытка не ведет к тому, что источник нарушения покоя устранен и покой восстановлен, значит, попытка была неудачной. Это можно видеть в случаях неадекватного использования психосексуальных модусов, когда результатом оказывается их бесплодное и вредоносное повторение (например, оральные, анальные и фаллические нарушения характера).

То же самое относится к агрессивности и деструктивности как средствам, используемым как в действии, так и в мысли. Достижение цели Танатоса не зависит от количества используемой агрессии или деструкции, а зависит от того, какой результат они дают. Даже широкомасштабные агрессия и деструкция не приведут к удовлетворительному результату, если их применение не устранило источник нарушения покоя и не восстановило покой или если одновременно появились новые нарушающие покой факторы в дополнение к старым. Новые нарушающие покой факторы могут возникнуть либо

сами по себе, либо в результате исчезновения возможностей для удовлетворения либидо. Это проблемы, известные по различным состояниям нарушения психики.

Чем меньше количество энергии, используемой для того, чтобы устранить нарушение и восстановить состояние покоя, тем более эффективным и, кроме того, тем более удовлетворительным считается произведенное действие. Например, когда значимость различных хобби для психического здоровья рассматривается в свете возможностей, предоставляемых ими для «разрядки агрессивности», это выражение не слишком удачно. Аспектом этих хобби, приносящим больше всего удовлетворения, в большинстве случаев будет переживание эффективности, умения, элегантности и легкости, достигающееся путем тренировки, т. е. способность управлять нарушающими покой факторами, которые там присутствуют, а вовсе не возможность «разряжаться» и яриться, что лишь изредка включает само по себе нечто удовлетворяющее и успокаивающее*.

Если объект Танатоса неизвестен, необходимо попытаться найти источник нарушения покоя. Вопрос «Что со мной такое?» может повести к экспериментальным действиям и атакам, обычно направленным на какие-то объекты и обстоятельства во внешнем мире, не дающим никаких результатов, приносящих облегчение. Танатос не находит удовлетворения в нападении, а только в том, чтобы облегчить или устранить состояние нарушенности покоя.

Психика индивидуума может быть столь интенсивно подвергнута нарушению покоя, что она не способна выдержать даже еще немного. Индивидуум такого рода будет реагировать мощно даже на самые малые нарушения покоя и таким образом может производить впечатление, что он «дает волю своей агрессии», и создать иллюзию, что существует особая надобность агрессию разряжать. Это, в свою очередь, может

---

* Если нам удается вбить гвоздь несколькими точными ударами, это дает нам больше удовлетворения, чем если долго колотить молотком, несмотря на то, что количество «разрядки», как можно было бы предположить, в последнем случае значительно больше.

привести к искажению в работе психотерапии: человеку оказывается помощь в разрядке его агрессивности, что ему, по видимости, необходимо, вместо того чтобы помочь ему исследовать его болезненное состояние и найти облегчение от него.

Попытки устранить источник нарушения покоя могут осуществляться в соответствии с более или менее болезненными принципами «все или ничего» или «покой любой ценой», подчиняющимися первичному процессу. Для регрессивного пограничного пациента или психотика такие формы Танатоса обычны. Было бы неплодотворно интерпретировать эти события как представляющие собой неконтролируемые деструктивные тенденции или как проявления некоего первичного деструктивного инстинкта, поскольку то, что происходит, есть отчаянные попытки без достаточных к тому средств достичь состояния покоя и устранить его переживаемое нарушение.

О неагрессивных и тихих разновидностях Танатоса

Ниже будут предложены несколько разрозненных примеров, выбранных бессистемно, но представляющихся нам важными.

Все различные виды упорядоченности, приносящей покой тому, кто упорядочивает, являются проявлениями Танатоса. Вследствие этого порядок не является в принципе «скрытым способом удовлетворения агрессии», а агрессия, наоборот, может быть средством для стремления достичь покоя через порядок. Тем не менее, упорядочивание, конечно, точно так же, как и что угодно другое, может быть средством достижения многих видов либидного удовлетворения.

Существенным компонентом в переживании удовлетворения, которое дает эстетическая форма, является глубокое удовлетворение Танатоса. Опыт достижения правильной формы, совершенства, вневременности и т. д. – это, как нам представляется, проявления Танатоса. Потому что типичным для переживания красоты является в действительности то, что мы переживаем в ней нечто ненарушимое, равновесное и «правильное», что-то, что мы не хотим изменить ни в каком

направлении, что-то, что мы хотим, наоборот, сохранить так, как оно есть. Исчезновение потребности в изменении, переживание безупречности представляет собой, таким образом, такого рода свободу от нарушения покоя, которой трудно достичь в других контекстах. «Результатом является чувство отдохновения и блаженства, чувство, что нашел, хотя бы на миг, мирную гавань, где отменена внешняя необходимость выбирать между чувственным удовлетворением и душевным покоем. Вот причина, почему немножечко красоты так необходимо, чтобы помочь нести бремя жизни» (Sachs, 1951).

«Утверждение – как замена объединения – принадлежит Эросу; отрицание (negation) – наследник выталкивания – принадлежит инстинкту разрушения» (Freud, 1925). Отрицание, которое, согласно Фрейду, является проявлением Танатоса, означает, что о чем-то думают и что-то признают не как нечто реальное, а как всего лишь образ. Самый отчетливый пример этого – когда формируется образ чего-то, что отсутствует. Особой значимостью обладает способность создавать для себя картины вещей, как присутствующих, так и отсутствующих, которые не соответствуют стремлению человека к удовольствию: «Это не то, чего я хочу, но я это себе, тем не менее, представляю». Самое очевидное проявление отрицания в динамике – это воздержание от действия (поскольку отрицаемый объект, ситуация или вещь не существуют здесь и сейчас), т. е. успокоение относительно действия, а самое высшее проявление этого будет успокоение на уровне аффекта, связанного с образом, или полное прекращение манипуляции им. Отрицание делает возможным покой, чтобы думать и рефлексировать.

Отрицание, вероятно, играет ключевую роль в развитии символической функции, или использования знаков как символов, где символ есть знак, стоящий вместо или являющийся репрезентацией чего-то, чего рядом нет и что часто даже не воспринимается как здесь и сейчас. Более того, символизация позволяет думать, что вещи не таковы, какие они действительно есть или какими они предполагались или желались. Процессы абстракции и обобщения заранее предполагают

наличие отрицания. Через существование символической функции открывается безграничный простор для различных проявлений Танатоса, которые отнюдь не агрессивны и не деструктивны, например, для различных форм креативности. Она делает возможным овладение тем, что отсутствует вообще (Ricoeur, 1970).

В связи с этим следует, однако, отметить, что символическая функция и стремление к овладению отсутствующим делают также возможными определенные формы деструктивности, характерные единственно для человеческого вида: тенденцию и желание уничтожить то, что отсутствует и, значит, нарушает покой только в уме человека, а реально не нарушает покоя вовсе, т. е. ту тенденцию и то желание, что ведут к самым катастрофическим формам человеческой деструктивности.

Разновидности Танатоса: объяснение или интерпретация – причина или возможность?

Здесь следует остановиться и задать вопрос, каково же, в конце концов, значение всего, что было сказано выше. Мы ни в коем случае не имели намерения найти упрощенческие объяснения. Полагать, что таково было наше намерение, – это все равно, что обвинять психоанализ в бесплодном пансексуализме, т. е. что он все объясняет как нечто сексуальное. С точки зрения психоанализа, как Танатос, так и Эрос присутствуют во всем, поэтому использование их в качестве объясняющих принципов привело бы только к бесплодным клише. Суть в том, что, если Танатос воспринимать описанным выше способом, то появляется больше доступных вариантов при попытках исследовать и интерпретировать его различные разновидности. Кроме того, можно будет довести до осознания и интегрировать в психику личности в целом прочие формы Танатоса, помимо агрессивности и деструктивности, направленных вовне или вовнутрь и происходящих либо в нейтрализованной, либо в ненейтрализованной форме. Агрессивность и деструктивность – это лишь возможные варианты среди множества других.

Если эти иные формы не замечать, то в клинической работе это может легко, хотя и необязательно, привести к такого рода искажениям Танатоса, как те, что возникли бы, если бы при исследовании либидо мы учитывали только какой-то один из составляющих его инстинктов. Если в интерпретации указываются только агрессивность и ее разновидности, это означает, что интерпретация неполная. Ключевой вопрос: что именно в данном объекте агрессии нарушает покой? – остается нерешенным. Различные проявления Танатоса могут также оказаться в конфликте друг с другом, и это можно будет учесть в интерпретации, если мы будем сознавать, что у Танатоса много проявлений. Принцип, правильный сам по себе с точки зрения психической гигиены, что не следует бояться осознавать агрессивное и деструктивное психическое содержание, часто дегенерирует до того, что агрессивность и разрушение рекомендуют, когда открыто, а когда скрыто, в качестве модели Танатоса, в ущерб другим возможным решениям. Это равносильно пропаганде некоторой перверсии Танатоса в психотерапии. Намерение данной работы было показать как сублимированные, так и иные формы Танатоса в более широкой перспективе, а отчасти и в новом свете.

Вопрос в том, какие интегрированные и конструктивные способы существуют для человеческой психики, чтобы достичь удовлетворения своей жажды покоя*.

ЛИТЕРАТУРА

Apel K.-O. (1968). Szientifik, Hermeneutik, Ideologiekritik: Entwurf Einer Wissenschaftlehre in erkenntnisantropologiser Sicht. Man and World 1: 37–63.

Edgecumbe R. and Sandler J. (1974). Some comments on aggression turned against the self: a brief communication. Int. J. Psycho-Anal. 55: 365–367.

* В то время, когда мы готовили эту статью, были опубликованы два исследования, представляющие мысли, во многих отношениях похожие на наши, несмотря на разные отправные точки (Smith et al., 1973; Sternbach, 1975). Подход обоих исследований к концепции агрессии выводит на определенные прикладные аспекты, похожие на описанные в данной работе.

Erikson E. (1950). Childhood and Society. New York; Norton.
Freud A. (1972). Comments on aggression. Int. J. Psycho-Anal. 53: 163–171.
Freud S. (1905). Three essays on sexuality. S. E. 7.
Freud S. (1910). The psycho-analytic view of psychogenic disturbance of vision. S. E. 11.
Freud S. (1911). Formulations on the two principles of mental functioning. S. E. 12.
Freud S. (1914). On narcissism: an introduction. S. E. 14.
Freud S. (1915). Instincts and their vicissitudes. S. E. 14.
Freud S. (1920). Beyond the pleasure principle. S. E. 18.
Freud S. (1923). The Ego and the Id. S. E. 19.
Gill M. (1963). Topography and systems in psychoanalytic theory. Psychological Issues. Vol. Ill, 2. New York: Int. Univ. Press Inc.
Glover E. (1939). Psycho-Analysis. London: Staples Press.
Habermas J. (1965). Erkenntnis und Intresse. Merkur 19: 1139–1153.
Hartmann H., Kris E. and Loewenstein R. M. (1949). Notes on the theory of aggression. Psychoanal. Study Child. 3–4: 9–36.
Ikonen P. and Rechardt E. (1976a). The psychoanalytic interpretation. To be published in this Review.
Ikonen P. and Rechardt E. (1976b). On the binding process. To be published in this Review.
Joffe W. G. and Sandler J. (1967). On the concept of pain with reference to depression and psychogenic pain. J. of psychosom. research, 11: 69–75.
Lesche C. and Stjernholm Madsen E. (1976). Psykoanalysens videnskapteori. Kobenhavn: Munksgaard.
Mannoni O. (1971). Freud: The theory of the Unconscious. London: Pantheon Books.
Nagera H. (toim. 1970). Basic Psychoanalytic concepts on the theory of instincts. London: George Alien and Unwin Ltd.
Radnitzky G. (1970). Contemporary schools of metascience. Goteborg: Akademiförlaget.
Rechardt E. (1976). The Psychological structure of depression. Psychiatria Fennica, 1976: 193–198.
Ricoeur P. (1970). Freud and philosophy: Essay on interpretation. New Haven and London: Yale University Press.

Sachs H. (1951). The Creative Unconscious. Cambridge, Mass.: Sci-Art Publishers.
Sandler J. and Joffe W. (1965) Notes on obsessional manifestations in children. Psychoanal. Study Child. 20: 425–438.
Sandler J. (1974). Psychological conflict and the structural model: some clinical and theoretical implications. Int. J. Psycho-Anal. 55: 53–62.
Schafer R. (1975). Psychoanalysis without psychodynamics. Int. J. Psycho-Anal. 56: 41–55.
Smith H., Ping-Nie P. and Schweig N. A. (1973). On the concept of aggression. Psychoanal. Study Child. 28: 331–345.
Sternbach O. (1975). Aggression, the death drive and the problem of sadomasochism. A reinterpretation on Freud's second drive theory. Int. J. Psycho-Anal. 56: 321–333.

Как интерпретировать влечение к смерти?

Пентти Иконен и Эро Рехардт

ВВЕДЕНИЕ

В этой статье мы выдвигаем точку зрения, согласно которой психоаналитическую теорию агрессии не следует ограничивать только отношением к агрессивному и деструктивному поведению и соответствующему психическому содержанию, а следует восстановить в ее исходном масштабе, чтобы объединить ее вновь с теорией влечения к смерти (Ikonen, Rechardt, 1978, 1980a, b, c, 1993; Rechardt, 1986; Rechardt, Ikonen, 1986a, b). Таким образом, влечение к смерти является упорным и постоянно активным стремлением к переживанию состояния покоя: стремлением устранить то, что переживается как нарушающее покой, или то, что поддерживает нарушение покоя. Человек представляет себе смерть как крайнюю форму состояния покоя, а разрушение есть лишь одно конкретное средство в стремлении к состоянию покоя. Центральное и доминирующее намерение влечения к смерти, его цель и задача – именно покой в той или иной форме, который нужно обрести тем или иным способом. На уровне психоанализа речь идет не о биологически наблюдаемом принципе, а о базовом психическом стремлении. Теория либидо открыла новые возможности, продемонстрировав, что целый ряд форм удовольствия является на самом деле взаимозаменямыми проявлениями одного и того же сексуального либидо. Теория влечения к смерти, со своей стороны, стремится показать, что существует широкое разнообразие психических событий, причем некоторые из них деструктивны, тогда как другие

не деструктивны по своему намерению, те и другие являются альтернативными формами одного и того же стремления к состоянию покоя, т. е. стремления устранить то, что переживается как нарушающее покой.

Мы интерпретируем соображения Фрейда, лежащие в основе его второй теории влечений, в работе «За пределами принципа удовольствия» (Freud, 1920) как принадлежащие скорее к сфере натурфилософии, чем к сфере естественных наук. Тексты Фрейда были неправильно поняты как безуспешная попытка представить биологические данные в поддержку его взглядов, вместо того чтобы понимать их как попытку найти подходящую модель мышления. Его биологические спекуляции можно уподобить строительным лесам: Фрейд использовал их, чтобы построить теоретическую модель психики, и, когда строительство было закончено, их следовало убрать, чтобы они не портили вид здания. Фрейд утверждает, что биология, хотя и не поддерживает предположение об инстинкте смерти, но также и не противоречит этому предположению. Таким образом, он чувствовал себя свободным применить эту модель к области психологии и отставить биологию в сторону. После того как он нашел модель, применимую к психологии, биология была ему больше не нужна. Философия и мифология также предлагали ему плодотворные модели. Фрейд говорит о том, что психология нуждается в особом образном мышлении. Один из недостатков такого мышления в том, что его легко понять неправильно (Freud, 1920, p. 60).

«За пределами принципа удовольствия» – это пример глубокой и изящной натурфилософии. Работа содержит нечто, что можно было бы назвать биологической притчей. Мы думаем, что описание Фрейдом процесса борьбы между хрупкой жизнью и неорганической природой есть описание упорного желания покоя в психике человека.

Человеком управляет постоянное стремление устранить все, что нарушает покой. Это некоторым диффузным образом постоянно ощущаемая психическая реальность, а не какая-то абстракция или теория. Эта точка зрения является

вдохновляющей. Она предлагает совершенно новые возможности интерпретации в клинической работе. Мы намерились следовать по пути мысли Фрейда о том, как на самом деле работают разнообразные и часто противоречивые формы этой жажды покоя и что на самом деле ставится на карту при нарушении покоя. Упорное стремление положить конец нарушению покоя предлагает для клинической интерпретации абсолютно свежий путь по сравнению с концепцией агрессии, целью которой является разрушение. Конечно же, разрушение – это тоже одна из форм прекращения нарушения покоя. Любой внешний объект или источник в самом я, воспринимаемый как нарушающий покой, можно успокоить, уничтожив его. Смерть и разрушение – это крайние формы изгнания нарушений покоя, но формы далеко не единственные.

ЦЕЛЬ ВЛЕЧЕНИЯ К СМЕРТИ

Мы предлагаем расширенную интерпретацию фрейдовской теории влечения к смерти: с точки зрения психоанализа, влечение к смерти не есть тенденция, внутренне присущая всему живому, в противовес неодушевленному состоянию влечение к смерти есть упорное, постоянное, неумолимое стремление, внутренне присущее человеку, к переживанию покоя и облегчения тем или иным способом и в той или иной форме. Влечение к смерти есть название парадигмы, связанной с психическим функционированием. То, что касается биологических аспектов влечения к смерти, выходит за пределы психоанализа; для психоанализа это метафизический вопрос, который не может быть решен в рамках его метода. Что психоанализ может здесь сделать на уровне опыта, – это исследовать, как парадигма влечения к смерти работает в качестве принципа понимания и интерпретации.

Если рассматривать это таким образом, то Эрос и влечение к смерти – это психические тенденции, независимые одна от другой. Эрос стремится увеличить количество жизни: он стремится к более крупным целым и к повышению энергетического напряжения. Основное направление его психического намерения – в сторону удовольствия (но не прочь

от неудовольствия, а также независимо от нарушения покоя). Влечение к смерти стремится устранить то, что повышает энергетическое напряжение, и свести его к как можно более низкому уровню (принцип нирваны), или, по крайней мере, сохранять его неизменным (принцип постоянства). Основное направление его психических устремлений – к состоянию покоя, или относительного покоя, которое предшествовало нарушившей покой стимуляции (прочь от того, что нарушает покой, не в сторону удовольствия, но в сторону переживания покоя или облегчения).

Цель влечения к смерти можно, таким образом, выразить только косвенно. Оно не удовлетворяется никаким конкретным объектом или действием, оно удовлетворяется только состоянием, которое можно определить лишь негативно, состоянием, в котором не происходит никакого нарушения покоя. Необходимо будет определить нарушение покоя *ad hoc,* т. е. в каждом конкретном случае, и то же самое относится к тому действию, через которое происходит стремление к свободному от нарушения покоя состоянию. Когда мы говорим о «состоянии покоя», это всего лишь позитивное наименование, приблизительно описывающее состояние, которое можно определить только негативно, как тенденцию прочь от чего-то.

Теперь мы подходим к вопросу: что такое нарушение покоя, которое возбуждает деструктивные силы влечения к смерти и другие его производные, чтобы восстановить состояние покоя? Либидо, не связанное и не имеющее цели, нарушает покой. Здесь значимы как количественные отношения, так и временной фактор или ритм. Когда количество дефектно связанного либидо превышает способность индивидуума связывать его или перерабатывать его каким-то еще образом на данный момент, например, благодаря той скорости, с которой оно прибывает, это будет переживаться как нарушение покоя. Оно мощно интенсифицирует различные производные влечения смерти. Чем более угрожающими являются хаос и беспомощность, тем более тяжко деструктивными, вероятно, будут эти производные. Нарушения покоя и бурление

жизни происходят из Эроса. Несвязанное либидо проявляется в особенности в ранних фазах развития, в состояниях регрессии и в тяжелой психопатологии, но оно также постоянно производится психической динамикой.

НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ ЛИБИДО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНСТЕЛЛЯЦИИ

В нашей клинической психоаналитической работе мы имеем дело с психическими констелляциями, в которых угроза несвязанного либидо является центральным вопросом. Это ситуации, в которых особой важностью обладают объектные отношения, травматические переживания, конфликты и факторы развития; иногда проблемы работы психики, вызванные чрезмерной стимуляцией или депривацией. Есть несколько типичных констелляций, в которых избыток либидо ведет к угрозе для психоэкономии.

а) Отсутствие объекта (Фрейд описывает его в работе «О нарциссизме»). Если мы, сверх того, добавим, что, как утверждают исследователи недавнего времени, создание объектных отношений требует постепенно развивающихся схем взаимодействия с заботящимся окружением (Cohen, Kinston 1984), то у нас появляется возможность дополнить знаменитое фрейдовское описание амебы, которая оставалась в состоянии избыточного нарциссизма. Мы можем далее добавить, что способность такой амебы протягивать свои псевдоподии, вероятно, повреждена. Возможно, неблагоприятное окружение препятствовало ее оптимальному развитию. Мы могли бы назвать это парадигмой объектных отношений.

б) И объектное, и нарциссическое либидо могут утратить свои объекты (например, утрата конкретного и абстрактного объекта любви, утрата психической либо физической функции или помехи в использовании такой функции). Субъект тогда оказывается вынужден преодолевать проблемы, которые представляют собой определенное количество несвязанного либидо. Это парадигма травматической реакции.

в) Внешние и внутренние факторы могут стимулировать либидо до такой степени, что возникнут трудности, как заново связать и переработать его. Такими факторами могут быть мощная или длительная сексуальная стимуляция, психические или физические стадии роста, такие как пубертат, когда стимулируется нарциссическое либидо, или даже переживание социального успеха («успех ударил в голову»). Это парадигма актуального невроза.

г) Качественно новые стимулы, например идущие от новых стадий психосексуального развития, могут создавать ситуации смятения и хаоса. Амеба, пользуясь метафорой Фрейда, которую представляет себой либидо, имеющееся у Эго, не знает, куда девать свои новые псевдоподии («Что делать с фекалиями? Что делать с фаллосом?» и т. д.). Странные, новые переживания в ходе детского развития, такие как ощущение своей отдельности, могут вызывать беды в либидоэкономии. Даже и позднее в жизни новые события и обстоятельства, расширяющие жизненную сферу, могут иметь то же значение, хотя и в меньшей степени. Это можно назвать парадигмой травмы развития.

д) Парадигма конфликта с либидоэкономической точки зрения означает, что когда конфликт актуализуется, некоторые его участники оказываются под угрозой и та или другая сторона вынуждена отдать то, что ею инвестировано. Это затем приводит к либидоэкономическим проблемам: та часть либидо, которая уже отлита в какую-то форму или связана с психическим содержанием, функциями или структурами, теряет почву под ногами и снова становится свободно движущейся и не связанной. Какая-то часть организованного Я и внешнего мира угрожает дезинтегрировать в хаос. Альтернативой будет овладение конфликтом при помощи защитных видов активности. Мы уверены, что здесь лежит метапсихологическое объяснение, почему конфликт обладает центральной важностью в психоанализе.

е) Способности к связыванию и способности к обработке могут быть нарушены в некоторых состояниях, таких как сенсорная депривация, социальная депривация, или во время сна. Травматические состояния в форме ночных страхов случаются в самых глубоких состояниях сна (Fisher et al., 1973), когда, как нам хотелось бы добавить, способность к работе со сновидением находится на минимуме. Многие стимулы, которыми в состоянии бодрствования легко овладеть и даже наслаждаться, могут во сне приходить как нарушающие покой и «плохие», из-за ограниченной способности к работе со сновидением. Здесь возникает парадигма депривации.

О ПРОЯВЛЕНИЯХ И ПРОИЗВОДНЫХ ВЛЕЧЕНИЯ К СМЕРТИ

Теперь, когда мы предположили, что влечение к смерти стремится поддерживать или восстанавливать состояние покоя, устраняя нарушения, мы можем спросить, как выглядят основные типы его психических проявлений, через которые можно отслеживать его разновидности, или каковы его разновидности, и упомянем только несколько наиболее важных.

Первичные системы самосохранения у живого организма включают ряд функций по уходу в себя и устранению внешнего. Это относится как к нарушающим покой, стимулирующим либидо факторам во внешнем мире, так и к источникам либидо внутри себя. Итак, первичная цель – успокоить и остановить хаотичный приток избыточного либидо, который ощущается как «ипохондрическая тревога» («Во мне есть что-то плохое»). Самые крайние средства – это инфантильная апатия, анаклитическая депрессия и примитивные модусы первичного мазохизма (в них происходит ранняя психическая смерть). Функции ухода в себя и устранения внешнего также способны формировать охраняющий щит против стимулов, представляющих собой некое раннее не деструктивное производное от влечения к смерти.

Необходимость быстрее помочь либидо получить удовлетворение от объекта вызвана угрозой мучительного со-

стояния ипохондрической тревоги. С точки зрения влечения к смерти, объектные отношения не только предлагаются благожелательно заботящимся окружением. Усилия окружения сталкиваются с внутренней компульсивной потребностью младенца, которому суждено в любом случае формировать свои собственные психические структуры и схемы взаимодействия. Если окружение не помогает ему строить хорошо функционирующие структуры, он будет активно строить свои собственные патологические нарциссические структуры.

Великим открытием Фрейда в работе «За пределами принципа удовольствия» было обнаружение повторения как базовой формы психической работы, скрытые клинические возможности которой огромны и еще не полностью используются. Демоническая сила компульсивного повторения может быть разрушительной для других видов психической активности. С другой стороны, повторение – это одна из базовых структурирующих и не деструктивных разновидностей влечения к смерти.

Изначально деструктивность Супер-Эго стремится умиротворить либидные отношения ребенка с его родителями. Стремясь внести покой в эти ключевые отношения, подверженные либидоэкономическим нарушениям покоя, влечение к смерти не знает компромиссов: моральные запреты стремятся к покою через чистое разрушение; то, что морально, плохо, не имеет права существовать.

«Утверждение – как замена объединения – принадлежит Эросу; отрицание (negation) – наследник выталкивания – принадлежит инстинкту разрушения» (Freud, 1925). Отрицание, которое, согласно Фрейду, является проявлением влечения смерти, означает, что о чем-то думают и что-то признают не как нечто реальное, а как всего лишь образ. Самый отчетливый пример этого – когда формируется образ чего-то, что в данный момент отсутствует. Самое очевидное проявление отрицания на уровне поведения – это воздержание от действия, т. е. успокоение относительно действия, а самое высшее проявление этого – успокоение на уровне аффекта, связанного с образом, или полное прекращение

манипулирования им. Отрицание делает возможным покой, чтобы думать и рефлексировать.

Процессы абстрагирования и обобщения предполагают существование отрицания. Через существование символической функции открывается безграничный простор для различных проявлений влечения к смерти, которые отнюдь не агрессивны и не деструктивны, например, для различных форм креативности. Она делает возможным овладение тем, что отсутствует вообще.

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ДВОЙНАЯ ФУНКЦИЯ ВЛЕЧЕНИЯ К СМЕРТИ

Наша интерпретация предполагает, что влечение к смерти работает как устраняющая и разграничивающая сила, приводящая к полной остановке, так сказать, к коагуляции. В то самое время, когда оно разрушает, оно также укрепляет психические структуры. Эта интерпретация отличается от традиционных мнений, которые подчеркивают только деструктивную функцию влечения к смерти. Самые элементарные психические разновидности влечения к смерти можно свести к диссоциации и доведению до полной остановки, к подавлению действия. Разрушение, повторение и связывание, например, можно рассматривать как их производные.

Таким образом рождаются, по видимости, противоположные, ведущие к дезинтеграции и связывающие производные влечения к смерти. В связи с этим мы можем упомянуть точку зрения Грюнбергера, согласно которой основа любого психического разрушения – это анальность: анальность означает выталкивание, уничтожение до бесформенного состояния, делание безжизненным (Grunberger, 1971). В нашей интерпретации, хотя она отчасти сходна по форме, признается, что эти процессы более раннего происхождения, чем анальность. Более или менее хорошо заботящаяся среда составляет, по нашей интерпретации, некую литейную форму, в которой отливается либидо. Процесс связывания – это одна из центральных разновидностей влечения к смерти, но без либидо нечего было бы связывать.

Влечение к смерти стремится устранить бесполезный психический акт, направить его на эффективный путь и таким способом достичь удовлетворения. Это происходит, однако, только в благоприятных случаях. Часто влечение к смерти просто приводит к блокированию.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В НАРЦИССИЧЕСКОЙ ПСИХОПАТОЛОГИИ: ПОСЛЕДНИЙ ШАГ К ТЕОРИИ ВЛЕЧЕНИЯ К СМЕРТИ

Ранние статьи Фрейда содержали темы, прокладывающие путь к обширному обзору с той вершины, которой явилась работа «За пределами принципа удовольствия». Особенно интересна была тема, поднятая в его статье «О нарциссизме» (Freud, 1914). Самой важной ее частью теперь представляется презентация экономии нарциссизма. Его заботил вопрос, каким образом избыточное сексуальное либидо, не включенное во взаимодействие с объектом любви, производит тревогу и проблемы при попытках справиться с этим избытком. Усилия, которые делались, чтобы переработать это избыточное либидо в психические содержания и дать им психическую форму, затем проявляются как различные невротические симптомы. В статье «О нарциссизме» есть два основных открытия: во-первых, Эго также является местонахождением либидо, и вследствие этого экономические проблемы связывания либидо возникают также и в Эго. Второе открытие – проблемы связывания, возникая в Эго, способны производить психопатологию весьма тяжелой степени.

Проблема нарциссизма может быть сведена к вопросу: какова судьба нереализованных стремлений, ищущих взаимности другого? Мы уже обсуждали этот вопрос (Ikonen, Rechardt, 1993).

Значимость проблемы связывания либидо после этого колоссально расширилась. Это расширенное рассмотрение охватывает и наблюдения травматических неврозов, и переживание в психоаналитическом лечении таинственного компульсивного повторения, и их взаимосвязанность с различными попытками уничтожать и контролировать. Все эти

наблюдения затем неизбежно привели к пересмотру проблемы несвязанного либидо в целом, что и было сделано в работе «За пределами принципа удовольствия».

РОЛЬ ВЛЕЧЕНИЯ К СМЕРТИ В ОБЩЕЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

Для Лапланша несвязанное либидо сравнимо с неподдающейся контролю силой, которая сметает прочь существующие структуры (Laplanche, 1976, 1981). Интерпретация теории влечения к смерти, которую мы представляем, отличается от его интерперетации. Он понимает несвязанное либидо как само влечение к смерти, тогда как мы трактуем влечение к смерти как силу, противостоящую несвязанному либидо, одновременно и деструктивную, и связывающую.

Теорию Лапланша можно назвать «токсической», а нашу теорию «иммунологической». Вместо непосредственных «токсических» эффектов избыточного либидо мы акцентируем внимание на устраняющих, предотвращающих и останавливающих реакциях Танатоса, которые могут быть уместными или неуместными и непропорционально сильными, как какие-то «психические аллергии» и «психические аутоиммунные реакции».

Подобно тому как психическая сексуальность (в противовес биологической) «свободна» и не привязана к конкретным схемам высвобождения стимулов, так и психологическое влечение к смерти «свободно» и не привязано ни к каким конкретным схемам прекращения стимулов, ни внешних, ни внутренних. В своих элементарных формах это влечение проявляется как деструкция, первичный мазохизм, «черный нарциссизм», ищущий покоя в пустоте. Первичное усилие, однако, направлено на то, чтобы успокоить и заставить умолкнуть тем или иным способом. По мере того как растет набор средств, появляется возможность достигать результатов не только разрушением.

Антагонистическую констелляцию из несвязанного либидо и усилий успокоить его можно рассматривать как нарушение покоя, которое в той или иной форме присутствует

почти постоянно как некое качество нашей повседневной жизни. Оно проявляется как чувство «я устал», «что толку?», «больше не могу», «не хочу», «хоть бы все это поскорее кончилось», «я слишком занят», «мне это не нравится», «этот беспорядок раздражает» и т. д. и т. п.

Аффекты можно классифицировать по тому, доминирует ли в них тенденция успокаивать или либидо. Те, в которых доминирует влечение к смерти, Танатос, как тенденция успокаивать – это, например, тревога, ярость, ненависть, отвращение, стыд, зависть, вина, апатия, пустота, скука. В нашей статье о психологии стыда (Ikonen, Rechardt, 1993) мы более пристально рассматриваем динамику аффекта стыда. В нашей модели диалектика между либидо и влечением к смерти обычно приводит к постепенной организации психики в процесс связывания. Такое встречается в психоаналитической работе в области нарциссизма и объектных отношений. Не только в ранних фазах развития, но и на протяжении всей жизни психические констелляции производят несвязанное либидо в различной степени. Психопатология, жизненные переживания, происходящие в нашем теле изменения обеспечивают нам то, что необходимость справляться с проблемами несвязанного либидо остается постоянной задачей нашей психики.

ПРОЦЕСС СВЯЗЫВАНИЯ

Понятие связывания в психоаналитической литературе обычно ограничено формированием одних только тонических связываний. Однако формы связывания образуют непрерывный континуум без отчетливых ступеней от абсолютно несвязанного состояния до полностью поддающихся маневрированию подвижных связываний. Последние психоаналитическая литература не включает в понятие связывания. Однако эта идея подразумевается в работах Фрейда (Gill, 1963). Она важным образом дополняет концепцию процесса связывания (Ikonen, Rechardt, 1980a).

Для целей описания мы можем изобразить типичные формы и констелляции связывания следующим образом.

1) Никакого связывания. За пределами первичного процесса. Травматические переживания, психопатологические состояния высокой степени тяжести, новые психосексуальные стадии и т. д. Воспринимается как «шум», замешательство, беспомощность, ужас, «немыслимая тревога».
2) Свободно движущееся связывание. Процессы Ид, первичные процессы, работа сновидений, процессы на низком уровне способности связывания и способности маневрирования либидо, однако на уровне, достаточном при слабых возбуждениях (как в сновидениях).
3) Тоническое связывание. Имеет высокую степень способности к связыванию. Большой диапазон психических функций, готовых к использованию фиксированным образом как в нормальных, так и в патологических решениях. Когда развивается слишком рано, то продуцирует конфликты и угрожает более поздним формациям.
4) Подвижное (мобильное, допускающее маневрирование) связывание. Нейтральные катексисы, катексисы внимания, воображение. Принятие в расчет целого, «реальности». Ощущается как автономия и свобода. Создает конфликты только в слабой до умеренной степени.

Не психическое содержание как таковое, а состояние связанности решает, патологично ли оно. Например, психотический бред, представляющий связывание по типу 1 и 2, и раскованное воображение художника, представляющее подвижные связывания, различны по своей сути. Цель процесса связывания – повысить маневренность несвязанного либидо. Это происходит, во-первых, за счет того, что ему дается некое предварительное психическое содержание в функциях, аффектах, мнемических следах, образах и т. д., затем его свободно движущийся характер делается менее свободным, сначала при помощи тонических катексисов, а затем при помощи подвижных, маневренных катексисов. Это, полагаем мы, близко к тому процессу, который Лапланш (Laplanche, 1976) называет «подпиранием (propping)». Вначале это «подпирание» является подготовительным и неуверенным, затем постепенно набирает стабильность, пока в конечном итоге либидо

не окажется способным двигаться свободно от одной связи к другой, не теряя своего связанного, успокоенного состояния.

О РАЗЛИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ СМЕРТИ. ПОЧЕМУ «ВЛЕЧЕНИЕ К СМЕРТИ»?

По нашему мнению, выражение «влечение к смерти» является метафорическим. Это название парадигмы, связанной с психическим функционированием, и его не следует принимать буквально или конкретно. В крайнем варианте, конечно, смерть также является частью этой темы: смерть психическая и физическая. В соответствии с представлениями, которые высказывает Эйслер (Eissler, 1972), мы можем говорить о «влечении связывания», но и это столь же односторонне, поскольку игнорируются деструктивные производные. Интерпретации понятия влечения к смерти придают слову «смерть» различные значения. Тексты Кляйн (Klein, 1948), похоже, показывают, что она имела в виду конкретно смерть и страх смерти. По Лапланшу (Laplanche, 1981), речь идет о внутренних атаках влечения на уровне первичного процесса, уничтожающих психические структуры, и о поддерживающей жизнь сексуальности.

В нашей интерпретации влечения к смерти речь идет о стремлении умиротворить несвязанное либидо. Обычно это происходит путем связывания либидо, в крайних случаях путем уничтожения объекта, который стимулирует либидо, или источника стимуляции внутри себя. Сюда входят тенденция умиротворять путем уничтожения нестабильных структур, тенденции роста, все, что не связано в достаточной мере. Влечение к смерти в этой интерпретации является и стабилизующим, и деструктивным.

О РАЗЛИЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ТЕОРИИ ФРЕЙДА О ВЛЕЧЕНИИ К СМЕРТИ

Для того чтобы выстроить перспективу различных интерпретаций влечения к смерти, мы начнем с эго-психологической модели. Эта модель использует в качестве отправной точки концепцию недифференцированной энергии, которая

описывается в квазифизиологических терминах. Эта исходно монистическая энергия дифференцируется в агрессивное влечение и сексуальное влечение (Hartmann et al., 1949). Следовательно, не остается места для модели влечения к смерти. Эго-психологическая модель предлагает объяснение прямой психосоматической коммуникации через трансформацию энергии в течение ранних фаз развития (Jacobson, 1954; Шур, 1955). Возможности, которые она предлагает для действия интерпретации в клинической психоаналитической работе, ограниченны.

Лапланш предлагает монистическую концепцию влечения в плоскости психологии. Согласно его интерпретации, единственное влечение в психоаналитическом смысле – это сексуальность, которая дифференцируется в связанное сексуальное влечение жизни и несвязанное сексуальное влечение к смерти.

Мелани Кляйн не объясняет, является ли для нее влечение к смерти биологическим или психологическим. Ее последователи, такие как Сигал (Segal, 1993), похоже, склонны к психологической интерпретации. И влечение жизни, и влечение к смерти активны автономно. Решающим является то, которое доминирует.

В соответствии с нашей интерпретацией, в человеческой психике существует базовый антагонизм между несвязанным либидо и влечением к смерти. Влечение к смерти нельзя концептуализировать автономно, а только по отношению к несвязанному или недостаточно связанному либидо, которое ощущается как нарушение покоя. Любое избыточное либидо нарушает покой, и с ним справляются, связывая его или устраняя его.

Фридман (Friedman, 1992a, b) недавно дал очень тщательный и элегантный анализ работы Фрейда «За пределами принципа удовольствия». Мы согласны с его взглядами. В заключении к своей статье он пишет: «Эссе Фрейда 1920 г. на самом деле является медитацией на тему „связывания“, связанной энергии и компульсивного повторения. Как таковое оно продолжает его „психологию“ 1895 г. и тем самым

как бы берет в поддерживающее кольцо всю его работу в целом. Психическая система затем рассматривается как система, которая связывает внешне и внутренне базирующиеся возбуждения путем повторения; сущность психики – это компульсивное желание связать. Что касается самого принципа удовольствия, то связывание возбуждений через компульсивное повторение служит буквально тем условием, которое делает его действие возможным, в то время как сексуальные цели направлены на конкретный объект. Эта функция связывания/повторения лежит за пределами (jenseits) принципа удовольствия» (Friedman, 1992 b, p. 321).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВЛЕЧЕНИЯ К СМЕРТИ ПО АРИСТОТЕЛЮ ИЛИ ПО ГАЛИЛЕЮ?

Линд (Lind, 1991) критикует вторую теорию влечений Фрейда. Фрейд пытается втиснуть в свою теорию влечения к смерти разнородные элементы, из-за этого она становится раздерганной и непригодной для клинического использования. Отправная точка нашей интерпретации – это то, что Фрейд пытается использовать так называемое мышление по Галилею, и мы намерены прояснить и углубить его попытки. Попытки рассуждать по Галилею были характерны для Фрейда, а его последователям оказалось трудно это продолжить.

Левин (Lewin, 1987) представил следующие идеи, которым было уделено слишком мало внимания в психоанализе. В то время как физика двигалась в направлении мышления Галилея, биология и психология все еще находились в исходной позиции, и в них доминировало аристотелевское мышление, характерное для ранней фазы любой дисциплины. К тому же необходимое собирание и классификация фактов влечет за собой склонность чрезмерно переоценивать материал, ограниченный по времени и месту.

Вот некоторые характеристики мышления по Аристотелю:

1) Понятия ограничены системой ценностей и нормативны. Силы, которые воздействуют на предмет и его перемещения, разделяются, с одной стороны, на оправданные

и чистые, а с другой стороны, на нарушающие порядок и случайные.

2) Класс, к которому принадлежит предмет, указывает на его характер и поведение. Характеристики дихотомические, как в парах сухой/мокрый, горячий/холодный, тяжелый/легкий.
3) Соответствие некоему закону – это то, что происходит без исключения или часто, согласно сущности данного тела. Легкие предметы часто поднимаются вверх, и пламя поднимается вверх, потому что сущность его такова же.

Вот некоторые характеристики мышления по Галилею:

1) Значение классификаций и пар противоположных понятий становится меньше. Мышлением Бруно, Кеплера и Галилея правит идея всепроникающего единства физического мира. Движение небесных тел, полет птиц и падение камней подчинены одним и тем же законам.
2) Одно и то же регулярное соответствие («закон») может в различных контекстах проявлять себя как совершенно разные явления. Гравитация может надежно удерживать тело на месте или вызывать опасные падения.
3) Конкретность. Форму проявлений в каждом случае определяет конкретная ситуация в целом, а отнюдь не характеристики тел, такие как легкое/тяжелое, небесное/земное. Очень важно принимать это в расчет в психологии.
4) Эмпиризм Галилея противоположен эмпиризму Аристотеля. Бессмысленно рассматривать, уникально или широко распространено явление. На самом деле свободное падение в соответствии с формулой $s = \frac{1}{2}gt^2$ происходит достаточно редко. Закон может никогда не реализоваться как таковой или реализуется только как нечто приблизительное. Понятия Галилея в большей степени конструкты и менее основаны на опыте и статистике, чем понятия Аристотеля. Эмпиризм направлен на объяснение конкретных явлений, и тут побеждают понятийные построения Галилея.

Понятийная система психологии, по крайней мере, в некоторых определяющих аспектах является полностью аристотелевской по своему содержанию, хотя до некоторой степени отшлифована. Отделение от утилитарных концепций педагогики, медицины и этики достигнуто лишь отчасти. Фрейд сделал нечто в особенности чрезвычайно ценное, когда разрушил демаркационную линию между нормальным и патологическим, обычным и необычным. Этим он сильно продвинул гомогенизацию различных полей в психологии. Это равнозначно тому шагу в физике, который свел воедино явления небесные и земные. Такое представление о психике не требует философски абстрактного базового единства, по существу, оно учитывает конкретные различия.

Аристотелевы элементы в сочетании с галилеевскими устремлениями были распространены в период развития физики до относительно поздней стадии. В то же самое время, хотя Фрейд боролся за переход к мышлению Галилея, помимо прочего, путем отказа строить выводы на основе фенотипа психических явлений, его мышление содержало также аристотелевские элементы. Важной отправной точкой его мышления было то, что влечение стремится восстановить исходное состояние; это похоже на склонность вещи реализовывать фундаментальный для нее характер в соответствии с мышлением Аристотеля. Однако он склоняется к другому, а именно к взглядам Галилея. Вопрос об исходном состоянии, которое пытается восстановить влечение, может также пониматься как вопрос о том, что такие стремления могут быть включены во влечение или были включены «изначально», т. е. с того момента, когда уже применимо понятие «влечения». Когда «влечение» в этом смысле означает идею общих регулярных соответствий в психической динамике, которые от индивидуума не зависят, то это в то же время открывает возможности понимания чего-то заранее, на самом обобщенном уровне. Тогда мы можем позволить себе думать, что понимаем, «по крайней мере, чего именно» любой данный индивидуум в любой данной ситуации стремится достичь. Отсюда мы можем перейти к изучению средств и оснований, которыми он

пользуется, и психических обстоятельств. Будет ошибочным использовать понятие влечения, чтобы объяснять психическое явление во всей его полноте как некое «явление влечения». Понятие влечения обеспечивает нас только отправной точкой в наших попытках разобраться в этом вопросе. Дуалистическая теория влечений постулирует как из опыта, так и из материала, основанного на концептуализации опыта, что существуют два базовых влечения: Эрос и Танатос. Они открывают две перспективы предпонимания на самом общем уровне; они во многих отношениях переплетены и влияют одно на другое, но не могут быть сведены одно к другому. Фридман (Friedman, 1992b) показал, что в работе «За пределами принципа удовольствия» ни базовые влечения, ни Эрос и Танатос не имеют связанного с системой ценностей конкретного содержания. Это вопрос динамики жизни, где «Todestrieb (влечение к смерти) немо, а Эрос слеп» (Friedman, 1992b, p. 320).

Все до сих пор предложенные клинические и теоретические интерпретации как сторонников, так и противников влечения к смерти, помимо осуществленной Фридманом, были аристотелевскими. Согласно нашей интерпретации, Эрос и Танатос – это два функциональных принципа, которые не являются непременно противоположными, но являются различными и независимыми друг от друга. Они встречаются бок о бок и в зависимости от конкретной ситуации формируют различные события диссоциации и связывания. Наша интерпретация проясняет галилеевские устремления в мышлении Фрейда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможно, что в теории влечения к смерти Фрейд развил свою модель психических процессов до окончательных теоретических и клинических последствий, до ядерной метафизиологии, аналогичной ядерной физике или таблице элементов в химии. Будучи последним филогенетическим достижением человека, сфера психики является новообразованием, потенциал которого мы еще не до конца освоили. Созданную Фрейдом картину борьбы между хрупкими жизненными процессами

и статической неорганической природой следует, собственно говоря, транспонировать, в первую очередь включив в нее упорную битву мира психики. Психическое расширяющее и развивающееся устремление, стремление к психическому освоению собственного тела, неустанно борется против сил, сдерживающих эти усилия, включая засасывание в психическую смерть. Каждое психическое содержание и функция, которые не выполняют каким-то образом своей функции связывать хаотическое, несвязанное либидо, отвергается и аннигилируется, уничтожается и декатектируется. Эти процессы декатектирования могут заходить очень далеко в психозах. Вместо того чтобы переживать психическое содержание пациент-психотик иногда живет в некоем диффузном состоянии возбуждения; он психически почти мертв. С другой стороны, однако, разновидности влечения к смерти способны придать форму энергетическому беспокойству Эроса. Они выстраивают структуры жизни и повышают маневренность либидо. Эрос и влечение к смерти образуют своеобразную бинарную систему, где одно никогда не существует и не может существовать без другого. Они вместе способны создать бесконечные формы как жизни, так и смерти.

ЛИТЕРАТУРА

Cohen J. & Kinston W. (1984). Repression theory: a new look at the cornerstone. Int. J. Psycho-Anal., 65: 411–422.

Eissler K. (1972). Death drive, ambivalence and narcissism. Psychoanal. Study Child, 26: 25–78.

Fisher C., Kahn E., Davis D. M. (1973). A psychophysiological study of nightmares and night terrors. J. Nerv. and Mental Disease., 157: 75–98.

Freud S. (1914). On narcissism: an introduction. S. E. 14.

Freud S. (1920). Beyond the pleasure principle. S. E. 18.

Freud S. (1923). The Ego and the Id. S. E. 19.

Freud S. (1925). Negation. S. E. 19.

Friedman J. A. (1992a). Freud's Todestrieb: an introduction. Part 1. Int. Rev. Psycho-Anal., 19: 189–196.

Friedman J. A. (1992b). Freud's Todestrieb. Part II. Int. Rev. Psycho-Anal., 19: 309–322.

Gill M. (1963). Topography and systems in psychoanalytical theory. Psychological Issues, vol. Ill, no. 2, New York: Int. Univ. Press.

Grunberger B. (1971). Narcissism. New York: Int. Univ. Press, 1971.

Hartmann H., Kris E. & Loewenstein R. M. (1949). Notes on the theory of aggression. Psychoanal. Study Child., 3–4: 9–36.

Ikonen P. & Rechardt E. (1978). The vicissitudes of Thanatos. On the place of aggression and destructiveness in the psychoanalytic interpretation. Scand. Psychoanal. Rev., 1: 94–114.

Ikonen P. & Rechardt E. (1980a). Binding, narcissistic psychopathology and the psychoanalytic process. Scand. Psychoanal. Rev., 3: 4–28.

Ikonen P. & Rechardt E. (1980b). Aggression, destruction et pulsion de mort dans les ecrits Freud. Les pulsions, ed.: J. Chassegue-Smirgel, pp. 157–166. Paris: Tchou.

Ikonen P. & Rechardt E. (1980c). Les vicissitudes de Thanatos. Les pulsions, ed.: J. Chassegue-Smirgel, pp. 167–186. Paris: Tchou.

Ikonen P. & Rechardt E. (1993). The origin of shame and its vicissitudes. Scand. Psychoanal. Rev., 16: 100–124.

Jacobson E. (1954). The self and the object world. Vicissitudes of their infantile cathexes and their influence on ideational and affective development. Psychoanal. Study Child., 9: 75–127.

Klein M. (1948). A contribution to the theory of anxiety and guilt. Int. J. Psycho-Anal., 29: 114–123.

Laplanche J. (1976). Life and Death in Psychoanalysis. Baltimore: John Hopkins Univ. Press.

Laplanche J. (1981). A metapsychology put to the test of anxiety. Int. J. Psycho-Anal., 62: 81–89.

Lewin K. (1987). Aristotelisesta Galilealaiseen ajattelutapaan biologiassa ja psykologiassa. Psykologia, liite. 3: 2–14 (From Aristotelian to Galilean thinking in biology and psychology. Published in J. Gener. Psychol., 5: 141–177, 1931).

Lind L. (1991). Thanatos: the drive without a name. The development of the concept of the death drive in Freud's writings. Scand. Psychoanal. Rev., 14: 60–80.

Rechardt E. & Ikonen P. (1986a). Apropos de l'interpretation de la pulsion de mort. La pulsion de mort. pp. 61–74, Paris: Presses Universitaires de France.

Rechardt E. & Ikonen P. (1986b). Die Interpretation des Todestriebs. Psychoanalyse Heute, pp. 45–61. Wien: Orac.
Rechardt E. (1986). Les destins de la pulsion de mort. La pulsion de mort. pp. 39–48. Paris: Presses Universitaires de France.
Schur M. (1955). Comments on the metapsychology of somatization. Psychoanal. Study Child., 10: 119–164.
Segal H. (1993). On the usefulness of the concept of death instinct. Int. J. Psycho-Anal., 74: 55–61.

О психологии деструктивности

Пентти Иконен и Эро Рехардт

О РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ АГРЕССИВНОСТЬЮ ЧЕЛОВЕКА И АГРЕССИВНОСТЬЮ ЖИВОТНЫХ

Проблемы, с которыми сталкиваешься при изучении человеческой агрессии, начинаются с трудностей дефиниции. Как определять агрессивность? Что следует включать в это понятие? Агрессию животных мы обычно способны определить на основе их поведения. Когда животное стремится напасть на объект и либо прогнать, либо уничтожить его, мы называем это агрессивным поведением. Когда лиса приближается к медведю, который ловит рыбу, с намерением получить долю добычи, медведь ведет себя агрессивно: он яростно прогоняет лису прочь за пределы своего поля зрения. Но что если медведь блуждает по лесам, окружающим место, где он обычно ловит рыбу, пытаясь разыскать хитрую лесу, которая жаждет его доли пойманной рыбы? Медведь тогда имеет дурные намерения относительно лисы. У него есть агрессивные чувства, направленные на лису, но теперь нам труднее сделать вывод об этом из прямого наблюдения за блуждающим медведем. Только вот медведь себя таким образом не ведет. Когда лисы не видно, она медведя не интересует. Картина мира медведя не содержит никаких невоспринимаемых, отсутствующих лис, а фиксирует только воспринимаемых, присутствующих лис. В этом отношении человек отличается и от медведя, и от всех прочих животных.

Но представим себе, что у нас в нашем примере вместо медведя человек. Какой вывод мы могли бы теперь сделать

о поведении этого человека? Пока он сидит дома и планирует, как победить лису, он занят реализацией своих агрессивных и деструктивных намерений относительно лисы, которая не присутствует ни во времени, ни в пространстве? Простой бихевиоральный подход здесь оказывается недостаточным, и мы вынуждены попытаться ознакомиться с целями и намерениями, которые держит в уме интересующее нас лицо и которые можно провести в жизнь при помощи весьма разнообразных вариантов форм поведения. Дефиниция агрессивного поведения человека затрудняется также широким разнообразием иных обстоятельств. Как можем мы знать, например, что активность, которая не дала никаких результатов, тем не менее, по намерению была деструктивной и агрессивной? По незнанию и по неведению человек может вызвать значительные разрушения совершенно ненамеренно. Завод может взорваться или два поезда могут столкнуться просто в результате невежества. Мы можем ошибочно рассматривать как деструктивную такую активность, за которой стояло совершенно иное намерение. Целью агрессии может быть поиск любви, как часто бывает у детей или у регрессивных взрослых. Таким образом, мы не можем исследовать агрессивность и деструктивность человека, не исследуя его намерений и наличия намеренности в его поведении.

Символическая функция неизбежно придает свою окраску человеческой психологии. То, принимается она в расчет или не принимается, проводит разделительную черту между психологией животного и психологией человека и вообще между естественными и гуманитарными науками. Присутствие в сознании человека символической функции означает, что он способен при помощи знаков, которые он выбрал произвольно, создавать репрезентации и для себя, и для других таких явлений и ситуаций, которые необязательно ощутимы и присутствуют в данный конкретный момент. Эта способность делает возможным для человека вызывать перед мысленным взором явления, которые отдалены в пространстве и неощутимы на данный момент, которые, как ожидается, произойдут в будущем или которые связаны с прошлым.

В отличие от животных, чье поведение почти исключительно связано с тем, что ощутимо и присутствует, человеческое поведение связано также с будущим, прошлым и с тем, что отдалено в пространстве. В терминах Лоренца проблема человеческой деструктивности сводится к неспособности выработать в человеке такие биологические защитные механизмы против внутривидовой агрессии, которые препятствовали бы уничтожению индивидуумов одного с ними вида, находящихся на расстоянии. Однако нам кажется более существенным фактором то, что мышление человека не знает ни пространственных, ни временных пределов. Способность человека представлять то, что отсутствует, в то же самое время придает его агрессивности и деструктивности характеристики длительности, беспощадности и фанатизма, никогда не встречающиеся в царстве зверей.

Другое важное следствие символической функции – это креативность человеческой культуры. Использование описательных символов и языковых способностей, основанных на них, позволяют человеку сообщать о своих переживаниях и изобретениях другим человеческим существам. Тем самым он создает новые средства и методы, включая такие новые методы, которые служат его агрессивности и деструктивности, как это показывает ход развития, приведший от каменного топора к атомной бомбе. Благодаря этому может вырабатываться широкое разнообразие культур агрессии и деструкции, которые, похоже, нередко затмевают биологические механизмы агрессии по своей значимости. Стоит только подумать о чудовищных видах оружия, созданных современной западной технологией, которые ушли далеко за пределы естественного агрессивного склада человека. Поэтому в случае человека мощными факторами, наряду с биологическими формами деструктивности, являются ее различные культуральные формы, причем эти формы могут быть изменены и могут способствовать изменению.

Ввиду наличия символической функции центральное место в психологии человека занимают его намерения. Средств реализации того или иного намерения может быть

множество, и это множество практически бесконечно. Биологически данное оснащение и механизмы могут, следовательно, быть поставлены на службу самых разнообразных целей. Человек может использовать агрессивность в стремлении добиться любви, а может, напротив, быть дружелюбен и угодлив, когда цели его являются обманными и враждебными. На протяжении веков, когда люди разрушали надежды своих собратьев и препятствовали их устремлениям, это нередко сопровождалось добротой и сочувствием. Поскольку деструктивность может появляться в таком большом количестве различных форм, мы вполне можем задаться вопросом, является ли деструктивность сама по себе базовым стремлением, которое требует реализации в той или иной форме, или же она является всего лишь одной из альтернативных форм еще более первичной тенденции. Или, говоря короче, является ли деструктивность базовым инстинктивным влечением?

АГРЕССИВНОСТЬ – БАЗОВОЕ ИНСТИНКТИВНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ?

Предположение, что существует первичный деструктивный инстинкт, тесно связано с теорией Фрейда и с психоанализом. Считается, что Зигмунд Фрейд первым высказал эту точку зрения, и она обычно рассматривается как психоаналитическое понятие агрессии. Фрейд и в самом деле писал в нескольких контекстах о роковых деструктивных наклонностях человека, это верно, но в определенном, чрезвычайно важном отношении его текст, относящийся к инстинкту смерти, интерпретируется односторонне. Надо сказать, однако, что такую одностороннюю интерпретацию отчасти подкрепляют поздние работы Фрейда. Наше намерение – показать здесь, что, если исходить из идей, выдвинутых Фрейдом в работе «По ту строну принципа удовольствия», это приведет нас к выводу, что деструктивность не является базовым, не имеющим альтернативы инстинктуальным влечением, что это только одна из форм более общей тенденции, а именно тенденции избавляться от стимулов, как внутренних, так и внешних,

которые воспринимаются в качестве нарушающих покой. Эта точка зрения лучше и более естественно стыкуется с психической реальностью и клинической работой, чем теория первичного деструктивного влечения (Ikonen, Rechardt, 1975).

В качестве введения в теорию Фрейда об инстинктивных влечениях полезно проследить его размышления о натурфилософии. Вначале они выглядят очень далекими от психических событий, поскольку посвящены происхождению жизни и отношениям между жизнью и смертью. Самые ранние формы органической жизни появились в результате того, полагает Фрейд, что в равновесии неорганической природы возник физико-химический процесс, который вместо того, чтобы повести, как обычно, к энтропии, униформальному распределению энергии и статическому состоянию, повел к повышению энергетического напряжения и состоянию все более сложному. Срок жизни этих процессов, нарушающих покой неорганической природы, поначалу был краток. Тенденция к энтропии вскоре возвращала их обратно в их начальное статическое состояние. Когда эти нарушающие равновесие процессы стали повторяться, они начали заходить все дальше. Требовалось все более долгое время, чтобы восстановить исходное состояние, и необходимо было производить все более сложные обходные маневры, чтобы восстановить равновесие. Таким образом, первые формы жизни развивались в направлении все большей сложности и полиморфизма. Однако каждая форма жизни представляла собой некую предрешенную дорогу обратно к равновесию, т. е. к смерти. Это восстановление исходного состояния осложняется противоположной тенденцией процесса жизни. Таким образом, в органической жизни с самого начала действуют две базовые тенденции, отличные одна от другой и противоположные друг другу. Одна – это тенденция нарушать состояние равновесия, повышать напряжение, создавать более крупные целые и повышенную сложность, находящую выражение в тенденции к воспроизводству через объединение. Эта тенденция органической жизни встречает противодействие со стороны тенденции к энтропии, потребности снизить напряжение, разобрать

целое на части и вернуться в конечном итоге к статическому неодушевленному состоянию. Фрейд называл первые тенденции инстинктами жизни, или Эросом, а последние тенденции инстинктами смерти, или Танатосом.

Эти рассуждения, однако, принадлежащие к сфере, скорее, натурфилософии, нежели биологии, были всего лишь вводными. Это были биологические метафоры и сравнения, которые Фрейд использовал в попытке найти модель, применимую к психической сфере. Его теория Эроса и Танатоса, или инстинктов жизни и инстинктов смерти, считал Фрейд, были именно такой моделью. Они являются двумя базовыми тенденциями в человеческой психике, действующими одновременно и сотрудничающими друг с другом многими разнообразными способами. Временами они могут работать в одном направлении, а временами в направлениях, противоположных одна другой, но они никогда не утрачивают своего независимого существования, как бы тесно ни переплетались их судьбы. Эрос означает любовь в наиболее общем из возможных смыслов этого слова: это любовь к жизни; он склонен к сращению, продолжению рода и созданию все более крупного целого, несмотря на те нарушения, которые он создает. А Танатос – это безжалостное и упорное стремление в человеке, склоняющее к переживанию покоя и облегчения тем или иным способом и в той или иной форме. И деструктивность есть только одна из форм этой тенденции. Разрушение другого индивидуума или собственная смерть могут быть одним из многих способов достижения состояния покоя. Поэтому название Танатос, или инстинкт смерти, следует понимать в фигуральном, а не в буквальном смысле. Очевидно, что то, что Фрейд писал о Танатосе, прочитывалось в основном таким образом, что учитывали только его биологический смысл, тогда как его психологический смысл, как правило, оставался непонятым. Наша психологическая интерпретация Танатоса будет следующей.

Танатос стремится снизить напряжение до как можно более низкого уровня. Его переживаемое в опыте проявление в чистом виде – это уход прочь от всего, что нарушает покой,

в направлении к покою и облегчению, без учета удовольствия и даже если удовольствие утрачивается. Переживаемое в опыте проявление Эроса, в свою очередь, в его чистой форме есть тенденция к удовольствию, невзирая на нарушение покоя, сложность и неудовольствие, которые могут из этого следовать – тенденция, можно сказать, получать удовольствие любой ценой. Хотя тенденция к покою и тенденция к удовлетворению – это две отчетливо различные психические тенденции, они не обязательно должны – несмотря на то, что было только что сказано выше – противоречить одна другой. Иногда они работают в одном и том же направлении и сотрудничают друг с другом. В такие счастливые моменты, пусть кратковременно, одновременно царят и покой, и удовлетворение. Однако часто нам приходится довольствоваться либо удовлетворением ценой утраты покоя, либо покоем ценой утраты удовлетворения.

АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ – НЕИЗБЕЖНОЕ ЗЛО?

В том представлении о человеке, которое преобладает у нас в настоящее время, деструктивность часто, похоже, занимает центральное положение. Она рассматривается как базовое устремление человеческой природы, не знающее никаких альтернатив, с которым мы вынуждены жить и которым мы вынуждены пытаться так или иначе управлять, чтобы оно причиняло как можно меньше вреда.

Теперь наше понятие деструктивности можно рассматривать в новом свете. Деструктивность является, собственно говоря, только одной из форм, принимаемых тенденцией избавляться от нарушения покоя или достигать умиротворения. Когда некоторые известные теоретики психоанализа после Фрейда стали говорить просто о первичном деструктивном инстинкте (Hartmann, Kris, Löwenstein, 1949), это явилось – сказали бы мы – роковым шагом назад. Таким образом легко не заметить другие формы стремления избавиться от нарушения покоя и достичь умиротворения. Если учитывать и рассматривать одну только деструктивность, картина окажется искаженной. Самые важные вопросы: «Что в объекте

деструктивности вызывает нарушение покоя, какие могли бы быть другие возможные способы ликвидировать это нарушение покоя?» – в этом случае выпадают из сферы внимания. В работе в области психического здоровья это часто может отражаться в том, что возможность «спустить пары» при помощи деструктивности и агрессии рекомендуется как единственная форма Танатоса в ущерб другим моделям. Это фактически пропаганда некой идеологии агрессии и извращения Танатоса. Так что же мы можем сказать о различных формах Танатоса? Здесь мы вынуждены ограничиться лишь несколькими примерами.

Если принять точку зрения, что деструктивность есть одна из неизбежных базовых потребностей человека, было бы необходимо удовлетворять потребность в деструкции и агрессии, находя им выход тем или иным способом. Вопрос предстает, однако, совершенно в ином свете, когда мы осознаем, что то, о чем идет речь, есть стремление освободиться от нарушения покоя. Если на то пошло, простое нападение и уничтожение наугад не принесет облегчения никому и не восстановит ничьего душевного покоя. Напротив, за этим нередко последуют лишь новые нарушения покоя и возникнет еще более трудная ситуация. Ведь важен именно результат, а не количество проявленной агрессивности или деструктивности. Танатос, или желание освободиться от нарушения покоя, будет удовлетворен, и потребность в деструктивности исчезнет в результате либо чисто психического действия (например, думания), либо иного действия, сопутствующего ему, которое уберет то, что нарушало покой, и восстановит мирное состояние. Более того, активность переживается как нечто тем более эффективное и более удовлетворительное, чем меньшее количество энергии требуется, чтобы устранить нарушение покоя и восстановить мирное состояние.

Однако положение дел часто таково, что мы даже и сами не знаем источника нарушения покоя. Вопрос «Что со мной?» может привести к нападениям и исследующим действиям, направленным на различные предметы, обстоятельства и людей, но в результате никаких приносящих облегчение средств

найдено не будет. Нетрудно найти тому примеры, имеющие отношение либо к нам самим, либо к нашему окружению. Вот и здесь тоже мы ясно видим, что простое нападение не удовлетворяет нас, нас удовлетворит только, если нарушение покоя будет успешно устранено. С другой стороны, когда источник нарушения покоя определен наилучшими средствами, например, достаточным продумыванием, и когда найдены подходящие способы его устранить, мы достигнем своего душевного покоя и нападение станет ненужным. Сходная ситуация возникнет, когда душевный покой был нарушен столь интенсивно, что психика не выдерживает больше нисколько. Тогда индивидуум будет остро реагировать даже на небольшие нарушения покоя. Он может производить ложное впечатление, будто особенно сильно нуждается в «выражении своей агрессивности» – как, мы часто слышим, люди это называют. Речь идет, однако, о человеке, который хочет конкретного облегчения от своего мучительного душевного состояния. А в каких-то случаях мы увидим отчаянные попытки устранить нарушение покоя, «все или ничего» или «любой ценой». Кажется, будто человеком овладело слепое деструктивное влечение. На самом деле, однако, речь идет об отчаянных усилиях, производимых без каких-либо средств, позволяющих рассчитывать на успех, устранить переживаемые нарушения и достичь состояния покоя.

Часто говорят о хобби и увлечениях, смысл которых для психического здоровья предположительно основан на предоставляемой ими людям возможности выразить свою агрессивность. Здесь также выражение является неточным. Тот аспект этих хобби и увлечений – скажем, различных видов физкультуры и спорта, – который приносит наибольшее удовлетворение, – это чувство умения, мастерства и легкости, которых можно добиться тренировкой. Человек, увлекающийся ими, как бы играет трудностями и нарушающими покой факторами, которые он таким способом успешно преодолеет. Эта способность преодоления дает большее удовлетворение, чем возможность разрядки и ярости. Если нам удается, например, вбить гвоздь несколькими точными ударами молотка,

это приносит нам больше удовлетворения, чем то, которое мы получим, колотя по гвоздю длительное время, хотя можно думать, что в последнем случае будет больше возможности «выразить агрессию», чем в первом.

ОБ АЛЬТЕРНАТИВАХ АГРЕССИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Из многих неагрессивных и мирных способов устранить нарушение покоя, в первую очередь, следует упомянуть те различные формы порядка, которые дают покой упорядочивающему. Таким образом, порядок в принципе не является «завуалированной формой насилия», как часто утверждают. Однако насилие может быть средством, используемым, когда делаются усилия достичь покоя через порядок.

Особой разновидностью порядка является эстетическая форма, или произведение искусства, удовлетворяющее наше чувство прекрасного. Прекрасное обычно переживается нами как нечто правильное, нерушимое и хорошо уравновешенное, что-то, что мы не хотели бы изменить никаким образом. Прекращение потребности и желания что-то менять, связанное с этим переживанием, ощущается многими людьми как состояние свободы от нарушения покоя такого рода, которого трудно достичь любыми другими средствами.

Мы уже говорили выше о значении мышления как способа устранять нарушения покоя и достигать состояния покоя. Человеческое мышление невозможно, однако, если конкретный метод умиротворения, в свою очередь, не создает необходимые для него предварительные условия, поскольку мышление необходимо защищать от чрезмерно интенсивного волевого усилия, от эмоций и от потребности действовать. Мы можем распознать в самих себе трудности, сопряженные с тем, чтобы обдумывать и держать в уме что-то, что идет в разрез с нашими желаниями и не обещает нам удовлетворения. Однако мышление предполагает способность представлять себе также то, что не соответствует нашим ожиданиям, вещи, недостижимые для нас, или состояния дел, которые не таковы, как нам хотелось бы. Когда мы способны таким образом защищать свое мышление от своих чрезмерно

прямолинейных желаний, говорить нашим желаниям «нет» и обеспечивать, чтобы на наше мышление не влияли ни наши желания, ни наша потребность действовать, в уме у нас будет создано пространство для мысли и размышления. Способность представлять себе какой-то вопрос и в то же самое время успокаивать желание, связанное с ним, скорее всего, характерно только для человека, и в человеке также эта способность часто является неполной.

Эта способность делает возможной ту обширную мыслительную активность, которой требует от нас сложность человеческой жизни и возможность нарушений покоя, связанных с ней. Человек, в отличие от других животных, способен думать о чем-то, что отсутствует. Если нам не удастся успокоить в себе желания, направленные на те явления, которые отсутствуют, а часто и недостижимы, мы можем придти к самым опасным формам деструктивности, к формам, которые можно найти исключительно в человеке; например, зависть, желание уничтожить или лишить других людей чего-то, что недостижимо для нас самих, или желание уничтожить других людей, находящихся далеко от нас, которые на самом деле никоим образом не нарушают нашей повседневной жизни своим существованием. Враждебность к другим группам, племенам и народам возникает именно таким образом. Итак, успокоить себя для того, чтобы сделать возможным рефлексивное мышление, вероятно, является одним из способов, чтобы устранить нарушающие факторы, и к покою можно стремиться без деструктивности.

Многие читатели, конечно же, мысленно спрашивают, не слишком ли общим и неопределенным является то, что сказано здесь о нарушении покоя. Мы использовали выражение «нарушения покоя» в очень общем, но в то же самое время в четко определенном смысле. Нарушение покоя есть все, что лишает или угрожает лишить нас возможности переживать удовлетворение от любви к себе или к другим людям. Объект любви, который вызвал разочарование или является отсутствующим или недостижимым, т. е. такой, который не удовлетворяет Эрос, будет нарушать наш покой. Он вызовет

у нас потребность успокоить себя, либо подавив и уничтожив наше собственное желание, либо сделав желанный объект не имеющим ценности для нас. В крайнем случае мы стремимся уничтожить этот объект, для того чтобы не дать ему нарушить наш душевный покой. Но он может также вызывать у нас желание действовать таким образом, чтобы мы добились этого любовного объекта и были способны пережить удовлетворение и успокоение, связанное с обладанием им. Покой и любовь могут, таким образом, фактически совпадать. Столь же нарушающим покой будет, если мы теряем возможность любить себя, получать подлинное удовлетворение от собственного существования. Унижение, насилие над нашей самооценкой и все, что оскорбляет наше человеческое достоинство, как правило, нарушает наш покой и вызывает желание избавиться либо от обстоятельств, либо от тех наших собственных усилий, которые мы переживаем или ожидаем пережить как наносящие вред нашей самооценке. Часто мы предпочитаем ограничить себя и обеднить, вместо того чтобы подставлять себя боли.

То, что было сказано здесь, не следует ошибочно воспринимать так, будто мы пытаемся объяснить все психические процессы упрощенно. Суть в том, что вышеупомянутый способ понимания деструктивности как только одной конкретной формы Танатоса или одной конкретной формы попыток устранить нарушение покоя, содержит в себе большее количество возможностей, чем существующее весьма широко распространенное представление о человеке, и избегает искаженного взгляда на место и природу присутствующей у него деструктивности. Мы можем говорить о древе Танатоса, корни которого – это индивидуальное стремление к покою и свободе от нарушений покоя, одна ветвь которого есть деструктивность. Каждый из нас потенциально способен на разрушительную ненависть. Но насколько сильна вероятность в каждом отдельном случае? Мы знаем, что деревья растут по-разному. Их разные ветви вырастают более или менее толстыми и крепкими в зависимости от света, пространства, ветров и почвы. Древо Танатоса будет также расти

очень по-разному у различных индивидуумов и культур. Оно отчасти продукт нашего биологического склада, отчасти продукт нашей культуры. Возможно, в Западном Танатосе способы изменения действия и агрессии особенно развиты. Восточный Танатос, в свою очередь, является рефлексивным и исследующим, и рассматривает методы прямого воздействия как грубые, неутонченные. Исследование африканских сообществ наводит на мысль, что в этих сообществах люди стремятся достичь покоя, прежде всего, через интенсивную ориентацию на сообщество, связанную с традицией не ценить ни деятельность индивидуума, ни усилия, направленные на то, чтобы индивидуума изменить.

Деструктивность существует потенциально в каждом из нас. С другой стороны, ту роль, которую она играет, выбираем мы сами в пределах, установленных нашей индивидуальной, семейной, групповой и общей культурой. Было бы удачно, если бы усилия избавиться от нарушения покоя принимали формы, оставляющие пространство устремлениям Эроса, способствующим объединению и сращению, защищающим рост и целостность и тем самым существование человечества. Деструктивные формы Танатоса не отвечают этим требованиям.

ЛИТЕРАТУРА

Freud S. (1920). Beyond the pleasure principle. In: The Standard Edition. Vol. XVIII. The Hogarth Press Ltd. London, 1964.

Hartmann H., Kris E. and Loewenstein R. M. (1949). Notes on the theory of aggression. Psychoanal. St. Child. Ill–IV. Int. Universities Press, Inc. New York.

Ikonen P. and Rechardt E. (1975). On the interpretation of Thanatos. Manuscript (to be published).

Связывание, нарциссическая патология и психоаналитический процесс

Пентти Иконен и Эро Рехардт

ПРОЦЕСС СВЯЗЫВАНИЯ

Мы уже говорили ранее (Ikonen, Rechardt, 1978), что проблема деструктивности является частью более общей проблемы, а именно, как устранить и/или свести к минимуму что-то, что переживается как нарушающее покой. Разрушение – первичный метод устранения явления, нарушающего покой, но это не означает, будто существует безальтернативный деструктивный инстинкт или инстинкт агрессии.

Таким образом, в фокусе рассмотрения оказывается процесс, нарушающий покой, и то, как с ним справляется психика. В данном рассмотрении агентом нарушения покоя является либидо; на ранних фазах психоаналитической теории оно рассматривалось как сексуальное либидо, стремящееся к чувственному удовольствию, а позднее как нарциссическое либидо. Либидо во всей его полноте Фрейд назвал Эросом и включал в него также нарциссизм. Следует сказать, что нарциссизм и нарциссические нарушения психики – это два различных понятия, хотя их очень часто смешивают.

Предварительный взгляд на метапсихологию переживания «нарушения покоя» был описан в нашей вышеупомянутой работе. Согласно изложенной в ней точке зрения, проблема лежит в отношениях между менее развитым (меньше учитывающим ситуацию в целом) и более развитым, связанным либидо. По нашему мнению, связывание есть более всеобъемлющий процесс, чем, как обычно принято думать, простое

образование жестких тонических катексисов, чтобы сделать возможными вторичные процессы. Связывание повышает маневренность либидо при попытках устранить нарушения покоя. Оно является основной разновидностью Танатоса. Там, где присутствует нечто психическое, присутствует связывание. Термин влечения к смерти был драматизирован до такой степени, что начал вызывать односторонние и ложные представления, но его использование имело свои исторические предпосылки. На его месте могло бы быть столь же уместным выражение «влечение к связыванию» (см.: Eissler, 1972), но оно также обманчиво, поскольку никак не затрагивает разрушение*. Связывание придает форму и содержание энергетической беспокойности Эроса. Стремление связывать придает либидо форму. Оно выстраивает структуры для жизни. То, чему нельзя придать форму и чем нельзя маневрировать, переживается как вызывающее смятение, как интенсивно нарушающее покой, как угроза или даже как природная стихия, способная все похоронить под собой или смести все на своем пути. Потому приходится прилагать усилия, чтобы устранить эту часть либидо, уничтожить ее. Примерами различных форм деструкции могут быть собственная смерть, уничтожение части своего Я или смерть нарушающего покой объекта.

Одним из центральных положений Фрейда уже начиная с первых его работ было следующее: основная цель психических процессов – это трансформировать свободно движущуюся психическую энергию в связанное состояние. Мы можем рассматривать это как одно из базовых положений психоанализа. Самая точная формулировка связывания такова: цель

---

* Нашу теорию, согласно которой агрессивность и деструктивность являются частичными влечениями или производными от другого, более всеобъемлющего влечения, которое стремится устранить нарушения покоя, уже критиковали (психологически) как попытку приукрасить человеческую натуру или избежать признания агрессии и деструкции. Логично было бы в таком случае критиковать подобным же образом и теорию о различных сексуальных перверсиях, являющихся частичными влечениями, или производными Эроса.

связывания – повышение маневренности энергии либидо. Это достигается, во-первых, путем придания ей некоторого предварительного психического содержания в функциях, аффектах, мнемических следах, образах и т. д., затем через уменьшение ее свободно движущейся природы при помощи тонических катексисов, а позднее при помощи подвижных маневренных катексисов. В английских переводах движущиеся («freibeweglich», лишь предварительно связанные) и мобильные (подвижные, маневренные) катексисы обозначаются как «mobile», что часто приводит к путанице, как указывает М. Джилл (Gill, 1963).

Отправная точка и центральная тема в статье Фрейда «За пределами принципа удовольствия» (Freud, 1920) – это проблема «никоим образом не связанного» либидо. Идея связывания значительно более последовательно присутствует подспудно в мышлении Фрейда и в базовой психоаналитической теории, чем это понимали до сих пор.

Формы связывания являются непрерывным континуумом без четко очерченных ступеней. Однако для целей описания мы можем представить себе следующие типичные формы связывания:

1) Отсутствующее или почти отсутствующее связывание: травматические переживания, некоторые психопатологические состояния со слабостью Эго, новые стадии либидного психосексуального развития («что делать с фекалиями, с фаллосом и т. д.»). Переживается оно как качество «шума» или «хаотичных картинок». В зависимости от количественных факторов оно может быть безымянным беспокойством, замешательством или беспомощностью вплоть до неназываемого ужаса.
2) Свободно движущееся (frei beweglich) связывание типично для процессов Ид, первичных процессов, в работе сновидений и т. д. Оно обладает низким уровнем способности связывать и низкой маневренностью либидо, которая, однако, является достаточной при слабых возбуждениях, как в нормальном сновидении.

3) Тоническое связывание содержит высокую степень способности к связыванию и маневренности и, таким образом, возможность устранять нарушения покоя. Оно включает также большой диапазон психических функций, аффективных структур, психических содержаний, готовых к использованию в довольно-таки фиксированной манере. Невротические симптомы также являются разновидностями тонических связываний, готовых успокоить взволнованное либидо. Еще один пример: сексуальное удовлетворение возможно только тогда, когда в нашем распоряжении есть достаточный диапазон чувственных и нежных аффектов. Слишком ранние, досрочные тонические связывания, например, в результате раннего травматического опыта в случае активации представляют угрозу для более поздних психических формаций. Они способны пересиливать более развитые формы связываний и могут поэтому обладать способностью вторичной травматизации (путем уничтожения более поздних связываний и таким образом высвобождения некоторого количества объектного и/или нарциссического либидо).
4) Подвижные связывания (мобильные, с которыми можно совершать произвольные маневры) известны как мобильные катексисы, нейтральные катексисы, как катексисы внимания, как гиперкатексисы. Они обычно используются в мыслительных процессах, активном воображении и т. д. С их помощью возможно найти потенциальные, сегодняшние или новые удовлетворения, отказаться от старых, рассеять тонические связывания и защиты*, принимать в расчет целое, «реальность».

* На первый взгляд, это утверждение может выглядеть странным, но повседневный опыт доказывает, что путем сознательного внимания мы способны как рассеять, так и интенсифицировать переживания удовольствия или неудовольствия, оторваться от прошлых или общепринятых значений различных явлений (предметов, переживаний и т. д.), реорганизовать свою понятийную систему по-новому и т. д.

Важной опорой почти неограниченной мобильности подвижных связываний является катексис символической функции, возникающий в переходные фазы, когда ребенок может придать любому объекту или переживанию значение присутствия удовлетворяющей его нужды матери (Winnicott, 1951). Однако символической функции как таковой еще недостаточно, чтобы возникла подвижность катексисов, хотя она предоставляет для этого почти неограниченные возможности*.

Рост числа подвижных связываний переживается как свобода, автономия или эмансипация. Эту форму катексиса обычно не рассматривают как отдельную форму связывания, хотя это было бы вполне логично. Эта форма связывания лучше всего способна принимать в расчет интегрированное целое. Она является важным, необходимым условием для психического здоровья.

Развивая идею Фрейда (Freud, S. E., 18, p. 63), мы предполагаем, что человеческая психика имеет особую способность осознавать несвязанное или дефектно связанное либидо (объектное или нарциссическое). Страх перед несвязанным либидо является основным пусковым механизмом и сильнейшим мотивом для психического развития и психических процессов, которые занимают место инстинктивных реактивных цепочек животного. В нормальной жизни человек вынужден постоянно жить под угрозой «субтравмы», повторяющегося переживания небольших количеств несвязанного либидо.

Энергия либидинозных влечений может быть описана как некоторое непрерывное беспокойство, которое требует взятия под контроль и успокоения. Это не того рода энергия, которая вызывает психические явления, как давление воды или пара заставляет работать энергостанцию или как электричество запускает мотор. Это будоражащее или угрожающее беспокойство субъекта и внутри субъекта, с которым субъект вынужден справляться. Психическое явление в этой связи

* С другой стороны, символическая функция может способствовать тоническому связыванию, делая его возможным через символы и понятия, которые существуют независимо от внешнего мира.

всегда рассматривается с точки зрения Я как агента, который действует, активно функционирует и имеет выбор различных возможностей. Возможности справиться с беспокойством отчасти ограниченны и вытекают из предшествующего развития, а отчасти безграничны и основаны на креативности.

В противоположность многим мнениям, выражаемым в современном психоанализе, мы считаем, что без понятия энергии обойтись невозможно. Ее следует понимать не в физическом смысле, а как понятие, описывающее тяжесть и давление психических содержаний. При рассмотрении психических явлений то, что эта тяжесть и эти давления распределяются в психическом плане достаточно ровно и мобильно, является преимуществом. Понятие физической энергии ведет к построению примитивных (например, гидродинамических) или более развитых механических моделей. Это все энергетические модели типа открытой системы, которые разряжают энергию и получают энергетические импульсы из других систем. На недостатки и нелогичность этих энергетических моделей в психоанализе указывали многие авторы. По этим причинам от понятия энергии столь многие открещиваются (например: Gill, 1977; Rosenblatt, Thickstun, 1977; Swanson, 1977).

Понятие психической энергии, однако, описывает дисперсию катексисов, или веса, только в моделях закрытой системы.

Например, дисперсию либидо в нарциссической патологии можно описать с помощью метафоры в терминах, применимых к нарушенному кровообращению в сосудах; одни психические области страдают от недостатка катексиса нарциссического либидо, тогда как другие затоплены гиперкатексисом либидо, что ведет к функциональным нарушениям. В некоторых областях чрезмерное скопление либидо может быть настолько мощным для хрупкой психической структуры, что возникает нарциссическая травматизация, т. е. «нарциссическое кровотечение». Основным условием для ровного и полноценного кровообращения является достаточно сильное сердце, чтобы принимать и отсылать кровь. Другое

необходимое условие – обилие ничем не заблокированных кровеносных сосудов, для свободного прохождения крови. В экономике либидо эквивалентом является достаточный катексис первичного психофизического Я и достаточная способность к психической мобильности и креативности. Когда Фрейд (1914) использовал термин «резервуар нарциссического либидо», который испускает и принимает катексисы, он имел в виду, возможно, нечто подобное.

Известно, что первооснова психического здоровья – это адекватный первичный катексис психофизического Я в период раннего развития. Способность этих катексисов связывать нарциссическое либидо крайне велика, и они имеют предельную важность для экономики либидо. Таким образом, силы для поддержания психического здоровья можно найти в силе катексисов психофизического Я, с одной стороны, и в способности к мобильности и креативности – с другой. Первое обретает особую значимость во времена жизненных тягот, в бедности или в крайних обстоятельствах: в тюрьме или в концентрационном лагере. Первичные физические и психические функции, которые возможны при таких условиях, могут обеспечить тот минимум нарциссического удовлетворения, что необходим для существования. Способность сильно катектировать эти функции, таким образом, оказывается чрезвычайно сильной стороной*. Второе – способность к подвижным связываниям – делает возможным легкий переход от одной функции к другой, создание новых форм и содержания в меняющихся обстоятельствах в соответствии с каждой преобладающей ситуацией.

В заключение повторим, что формы связывания – это несвязанное, свободно движущееся, тоническое и подвижное связывание. Содержания связываний возникают из врожденных способностей, из воздействия воспитания и культуры и из деятельности, основанной на символической функции.

---

* Это также отчасти помогает понять, почему бег трусцой, йога и т. д. так важны для психического здоровья.

СТРАХ ПЕРЕД НЕСВЯЗАННЫМ И УПРАВЛЕНИЕ ИМ: МЕТАПСИХОЛОГИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ

С метапсихологической точки зрения, психическая травма – это состояние несвязанной психической энергии, которая превышает реальные способности немедленно связать ее сильнее.

Описание Фрейдом психологии травматического переживания легче понять, если помнить, что повторение предназначено для связывания, а не для обеспечения притока различных сенсорных стимулов, связанных с ситуацией травмы. Речь идет о попытках нарциссического либидо восстанавливать связность и цельность в психическом аппарате, нарциссического либидо, которое эта травматическая сенсорная стимуляция мобилизует, когда лишает его возможности получить удовлетворение во всех ранее известных ему формах, т. е. лишает нарциссического объекта и таким образом всех тех возможностей связывания, которые были достигнуты до сих пор. Это мобилизованное нарциссическое либидо будет плавать как свободное и несвязанное. Оно будет поддерживать возбуждение, и его необходимо связать с каким-нибудь психическим содержанием, чтобы его можно было успокоить психическими средствами. Теперь становится более понятно, почему возникновению травматического невроза препятствует произошедшая одновременно физическая травма, которая предлагает либидо объект, который легко можно переживать как требующий заботы, а значит, требующий либидо.

Часто человек, убежденный, что сейчас умрет, переживает мгновения, когда вся его предшествующая жизнь проходит в сознании. К этим уже существующим фантазиям он затем привязывает либидо, высвобожденное травматической беспомощностью. Люди, которых в последнюю минуту спасли от утопления, часто описывают, как слабея и утопая, они фантазировали о наступающей смерти как о приятном переживании, таким образом перерабатывая травматическую беспомощность.

Понятие травмы воплощает психические события, которые:

a) являются симптомами существования несвязанной психической энергии (переживаемой как «психический шум» или хаос) – состояния, которое пугает человека больше всего. Эти симптомы состоят в нарушении психической интеграции, вегетативных и психосоматических нарушениях, беспокойстве и ужасе;
b) представляют собой попытки переработать, овладеть и далее связать: повторение, регрессия и различные катектические процессы, которые часто не следуют принципу реальности, но обеспечивают наилучшую возможную способность к тоническим связываниям;
c) являются наследием связывающих процессов (структур, функций и психических содержаний), оставшихся от более ранних травматических переживаний, которые повторяются в связи с более поздней травмой, поскольку они уже есть в наличии;
d) являются попытками предвосхитить и избежать дальнейших травматических состояний; в случае нормы – весь спектр психических событий; в случае патологии – преувеличенные защиты, преувеличенная сигнальная тревога, боязнь любого возбуждения и т. д.

Условия для возникновения несвязанного либидо, иначе говоря, хронической или острой травмы, мощной психической травмы или мягкой подтравмы, весьма разнообразны.

В относительно ненарушенных психических состояниях, как и в состояниях психопатологии, всегда есть элемент, который стимулирует либидо, вызывая беспокойство и увеличивая несвязанное либидо. Вот основные типы таких стимулирующих факторов:

1) Внешними и внутренними либидо-стимулирующими факторами могут быть, например, мощное и длительное сексуальное стимулирование, психические и/или физические стадии роста, такие как пубертат и подростковый возраст, когда стимулируется нарциссическое либидо, или даже переживание социального успеха. Когда давление либидо возрастает, могут возникать трудности с тем,

чтобы связать его снова. Такой результат можно назвать парадигмой актуального невроза.

2) Как объектное, так и нарциссическое либидо может утратить свой объект, например, утрата конкретного или абстрактного объекта любви, утрата какой-либо психической или физической функции, трудности с использованием этой функции. Субъект тогда оказывается вынужден преодолевать проблемы, которые представляет собой опеределенное количество несвязанного либидо. Это можно назвать парадигмой травматической реакции.
3) Мы бы хотели сделать особый акцент еще на одном аспекте, а именно на конфликте. Когда катексис менее развитых связываний чрезмерно вырастает, то под угрозой оказывается существование более развитых форм связывания; иными словами, психические содержания, функции, аффекты и т. д., которые были интегрированы в целое, оказываются смяты и нарушены или оказываются под угрозой быть смятыми и нарушенными вторжением более примитивных психических содержаний и функций. Это, в свою очередь, приводит к либидо-экономическим проблемам: та часть либидо (нарциссического/объектного либидо), которая уже связана более развитыми психическими содержаниями/функциями/структурами, рушится, теряет свое связывание и вновь, так сказать, становится свободно движущимся или несвязанным. Какая-то часть организованного Я, внешнего мира и отношений между ними впадает в дезинтеграцию или угрожает впасть в дезинтеграцию, в хаос. Мы считаем, что здесь кроется метапсихологическое объяснение центральной важности конфликта в психоанализе. Когда конфликт становится актуальным (актуализуется), некоторые его части оказываются под угрозой; та или иная из его частей должна отказаться от своего связывания, со всеми вытекающими отсюда экономическими последствиями (например, тревогой). Альтернативой является совладание с конфликтом при помощи защитных активностей. Этим также объясняется клиническое наблюдение,

что повышенный катексис примитивного (не полностью интегрированного) психического содержания может быть травматичен. В случае, если нарушаются более развитые формы связывания (например, восприятие реальности, отношение к Супер-Эго или переживание собственной цельности), то в конечном итоге высвобождается такая масса либидо, что она не может быть немедленно переработана. Здесь мы получаем парадигму конфликта.

Концепция энергии была исключена из психоанализа путем утверждения, с одной стороны, что только значения могут быть противоречивы. С другой стороны, значения не создают конфликта без катектического акцента, а энергетические акценты не создают конфликта без противоречия в значениях. Таким образом, мы подошли к тому же самому вопросу, что и Рикёр (Ricoeur, 1970): психоанализ нуждается как в энергетике, так и в смысловом значении. В психоаналитическом тексте пересекаются два дискурса – энергетический и герменевтический. Психоанализ не является психологией значений. Он является психологией катексисов на значения и значений катексисов.

4) Способности к связыванию снижаются в некоторых токсических и нейрофизиологических состояниях, при сенсорной депривации, во сне и т. д. Фишер с соавт. (Fisher et al., 1973) утверждали, что травматические состояния в форме ночных страхов возникают в глубочайших стадиях сна, когда, как хотелось бы нам добавить, способность к работе со сновидениями доведена до минимума. Снижение по различным причинам психической интеграции и психического овладения повышает тенденцию к переживанию травмы.

Каждое психическое содержание и функция, которые каким-то образом не выполняют своей функции связывать хаотичное, несвязанное либидо, отвергаются и аннигилируются, уничтожаются и декатектируются. Ситуация такая же, как у младенца, который теряет образ матери, если этот образ больше не может обеспечить защиту от боли, вызванной

отсутствием матери. Винникотт называл это «эффектом погашения» (wet blanketing). Эти процессы декатектирования могут заходить очень далеко в психозах. В конечном итоге лишь очень немногочисленные фрагменты как-то держатся вместе. Вместо того чтобы переживать психическое содержание, пациент-психотик живет в состоянии хаотичного диффузного возбуждения (Рао, 1977; Salonen, 1979).

Осуществленное выше, в основном метапсихологическое описание процесса связывания следует завершить психологическим описанием. Переживание, параллельное метапсихологическому процессу связывания, можно охарактеризовать как процесс понимания. Переживание понимания является не только интеллектуальным, но также и энергетическим процессом. Понять, «ухватить» в каком-то отношении включает переживание овладения чем-то. Потребность ухватить что-то возбуждается какой-то формой нарушения покоя. Если нет нарушения покоя, это значит, что нет необходимости понимать. Нарушающий покой агент, с психоаналитической точки зрения,– это влечение в его действующей без устали (беспокойной) безымянной форме. Влечение, таким образом, включает – это следует подчеркнуть – нарциссический компонент либидо. Если найден способ устранить нарушение покоя, значит, ситуация была понята. Ситуация, которая не понята, является травматичной, и влечение остается несвязанным. В таких условиях нет никаких доступных способов устранить нарушение покоя, вызванное влечением, нет никакого пути понять себя и внешний мир, никакого способа понять что бы то ни было (Cohen, 1978).

Есть различные способы ухватить смысл, и в оптимальном случае они гармонично сосуществуют бок о бок. Если есть нарастание патологии, то начинают доминировать наиболее примитивные формы. Часто их функция – это попытка избежать полного хаоса и травматической ситуации с использованием самых последних имеющихся средств. Эмпатию можно рассматривать как наиболее развитую форму понимания себя и других, т. е. способность понимать, схватывать существование в целом.

ПРОЦЕСС СВЯЗЫВАНИЯ В НАРЦИССИЧЕСКОЙ ПСИХОПАТОЛОГИИ

Дефицит первичного катексиса Я

Тяжелая психопатология, таким образом, всегда означает усиленную проблему связывания, непрерывную опасность возникновения травмы. Она основана на несовершенных и/или частичных катексисах репрезентаций объекта и Я. По этой причине акцентируются защитные и компенсаторные катексисы и возникают серьезные помехи в поддержании интегрированного целого. И в психоаналитическом процессе постоянно присутствуют страх стимуляции либидо, уход в себя, направленная на Я и на объект деструктивность, поиски оберегающего симбиоза, примитивные защиты (например, расщепление), массивная сигнальная тревога и общий страх перед возбуждением – все это усложняет процесс.

По нашему мнению, проблема нарциссической патологии всегда заключается в слабости и/или несовершенстве катексисов психофизического Я. Когда есть лишь малые возможности связывать и способность делать это снижена, есть опасность несвязанного состояния нарциссического либидо, нарциссической травматизации. Фантазии величия, ипохондрия, мазохизм и различные «нарциссические образования» (такие, как тревожная потребность в компетентности) являются примерами неблагоприятных усилий связать нарциссическое либидо.

Каковы же тогда стабильные и интегрированные формы связывания нарциссического либидо? Каково состояние нарциссического удовлетворения? Как нам представляется, полное нарциссическое удовлетворение вызывается состоянием ненарушенного психофизического благополучия. Человеку приятно собственное присутствие, собственное хорошее функционирование, чувство целостности, возможность развития и роста. Вроде бы все, что важно, на месте. Понятно, что для того, чтобы быть психически «достаточно здоровым», человек должен быть способен достигать такого состояния в достаточной степени и обычно простыми способами. Почти

полное отсутствие этой способности характерно для тяжелой психопатологии. Человек, которого мы обычно называем «нарциссичным», т. е. имеющий нарциссические проблемы, таким удовлетворением наслаждаться не может. Вместо этого его преследует чувство неисправимого недостатка, мысль, что что-то важное не так или что он начнет чувствовать в себе этот недостаток, осознает его, если не будет делать особых усилий для того, чтобы с этим осознанием бороться. С энергетической точки зрения, проблема в нарциссических нарушениях – это сниженная способность связывать нарциссическое либидо психическими репрезентациями, и это ведет к постоянному риску, что придется пережить последствия несвязанного нарциссического либидо. Так что термин «нарциссическое нарушение» получает более широкое значение, чем он имел в работах, например, Кохута и Кернберга. Если рассматривать нарциссическое нарушение с представляемой нами точки зрения, то оно означает трудности со связыванием нарциссического либидо. Если функции Я не являются подлинно катектированными, то вторичные катексисы помогут очень мало. Иными словами, если человек не может справиться с самыми первичными нарциссическими желаниями, то ему не очень поможет желать чего-нибудь другого. Нарциссически проблемные области можно найти у каждого. То, что сказано, в какой-то мере применимо к любому из нас.

Дефектность первичного нарциссического катексиса сопровождается типично нарциссическими объектными отношениями, в которых катексис другого является непропорционально более сильным, чем катексис Я. Это обусловливает возникновение, на первый взгляд, противоречивых и противоположных черт личности, т. е. слишком требовательного отношения, которое не учитывает характера другого человека, и одновременно или поочередно таких черт, как попытки стать продолжением другого человека, исполняя его желания в ущерб своим желаниям в стремлении добиться его восхищения, и т. д. Это становится понятным, если мы учтем, что функции Я всегда основаны на отношениях с объектами. Много было написано о критической роли матери

как человека, который помогает младенцу найти себя, свое тело, обрести умение получать радость и удовольствие от него, получить средства, чтобы заботиться о себе и чтобы жить в гармонии с внешним миром. Глубоко нарушенные нарциссически люди не осознают своего собственного тела и своих аффектов, и это заметно.

Катексис Я, его разновидности и развитие могут по большей части быть поняты через отношения Я с объектом, который играл роль в создании Я. Если объект используется для замещения некоторых частей Я, то объект нарциссический. Объект является нарциссическим не из-за какого-то особого качества влечения, как утверждает Кохут, а из-за того, что влечение ставит своей целью тем или иным способом сделать объект частью Я. Каждый объект является отчасти нарциссическим, т. е. частью Я. Решающим для патологии является то, насколько объект нужен именно для этой цели.

Объект состоит из того, что мы с ним делаем. То, что мы делаем, мы можем делать либо в реальности, либо в фантазии, с чувствами или без чувств и т. д. Объект состоит из цели, поставленной влечением, желанием, страстью, т. е. из того, какое обретается удовлетворение. Объект и Я взаимно состоят из активности, которая приводит к удовлетворению, или из стремления к удовлетворению. Оба достигают своего либидного катексиса путем различной степени связывания. Отсюда каждый объект тесно связан с некоей конкретной функцией Я, а каждая функция Я – с неким конкретным объектом. Если что-то препятствует катектированию Я, то катектируется в основном объект. Это тот случай, когда, например, объект не предоставляет достаточного постоянства или возможности повторения.

Результатом является «односторонний» (несимметричный) катексис, в котором функции объекта более катектированы, чем функции Я. Это оставляет открытым вопрос, как умиротворить нарциссическую цель либидо. Тогда наше Я вынуждено прибегать в основном к двум, часто параллельным, методам, т. е. оно должно постоянно пытаться связывать либидо, используя функцию с различными объектами

эгоцентричным, по видимости, образом – кажется, что оно «одержимо» этой функцией, а другой вариант – это непропорционально подкрепить тот единственно возможный катексис, который легко доступен, – катексис объекта. Это означает регрессию на стадию, в которой ребенок может справляться с ситуацией, только добившись того, чтобы за него действовала мать. Те части я, которые имеют слабый или нестабильный катексис, требуют катектической стабилизации при помощи нарциссического объекта, чтобы не стать нарушающими покой просто из-за состояния либидо (чтобы избежать несвязанного либидо). Однако Я может катектировать себя только в качестве как бы продолжения матери и ее производных. Функция другого человека, таким образом, важна для связывания нарциссических катексисов, поддержания «нарциссических образований», т. е. состояния одержимости чем-то нарциссически важным. Существует библейское изречение: «Ибо от избытка сердца говорят уста» (Матфей, 12: 34). В финской литературе мы встречаем это выражение в перефразированной форме, которая часто бывает более уместна: «Удовлетворенное сердце молчит, голодное же сердце говорит об удовлетворении».

Я, выстроенное таким способом, с опорой на другого, является ложным Я (Winnicott, 1960). Возможности связывания с ложным Я будут неудовлетворительными. На самом деле они будут возможностями привязать нарциссическое либидо к защитным структурам. Ранние катексисы Я*, подкрепление катексиса собственного тела (см., например: Laufer, 1968) и катексисы собственных аффектов повышают возможности связывания как нарциссического, так и объектного либидо более решающим образом, чем катексисы более поздних психических содержаний. При лечении тяжелых нарциссических нарушений в пограничных случаях и психозах это особенно важно. Особой проблемой оказывается, когда нарциссически

* В эти катексисы входит также внимание: катексисы функций, взаимно катектированные с другими функциями Я, упомянутыми здесь. Этот процесс тянется от самого раннего младенчества до собственно аналитической ситуации как таковой.

нарушенный человек, боясь использовать себя, избегает катектирования своего истинного Я из страха травматизации и вместо этого катектирует Я-объекты (Kohut, 1971).

Универсальное для всех людей явление – ребенку невозможно катектировать свои сексуальные функции, когда они только начинают созревать совместно в отношениях с родителями. Поэтому сексуальные функции всегда остаются первично не полностью катектированными. Это ведет к различным компенсаторным гиперкатексисам, которые лучше всего известны как фаллическо-нарциссические фантазии. Более того, это ведет также к «черной дыре в понимании» в связи с сексуальными функциями, отсюда фантазии первичной сцены, фантазии пугающей кастрирующей вагины, неспособность понять, что такое внутренние гениталии и их функции по отношению к внешним. Это также ведет к пониженной сексуальной самооценке, к чувству стыда и неуверенности, а также к различным компенсаторным стремлениям в сексуальных вопросах.

Хэгглунд с соавт. (Hägglund et al., 1978) писали о возможностях родителям помочь ребенку катектировать свои гениталии в их взаимных отношениях. Они делают особый акцент в связи с этим на переживаниях, связанных с «внутренним пространством». Наше мнение – это что дефектные нарциссические катексисы гениталиий и их функциий являются центральной проблемой в нарциссической патологии многих анализандов. Согласно Фрейду, деструктивность эдипальной ситуации является результатом угрозы нарциссизму (связыванию нарциссического либидо). Под этим он подразумевает угрозу кастрации. Причина, почему человек так уязвим для этой угрозы, лежит в нестабильности катексисов гениталий и их функции.

Представление Фрейда о нарциссическом нарушении

Нарциссическая патология как проблема связывания нарциссического либидо – это точка зрения, отклоняющаяся и даже, по-видимому, идущая в разрез с общепринятой. Мы привыкли к идее, что в нарциссической патологии либидо

особым образом катектирует Я. Наш нынешний подход подчеркивает, что вопрос, о котором идет речь, – это слабость первичных катексисов и, следовательно, «истинного Я».

Идеи, выдвинутые здесь относительно природы нарциссической патологии, сами по себе, конечно, не новы. Их явно и неявно затрагивали в клинических и/или теоретических статьях, касающихся нарциссической патологии, многие авторы (например: Freud, 1917; Grunberger, 1979; Kernberg, 1974; Kohut, 1971; Mahler, 1968; Miller, 1979; Winnicott, 1960). Однако до сих пор не говорилось о том, что понятие нарциссической патологии как дефектности первичных катексисов по сути своей согласуется с концепцией нарциссизма по Фрейду.

Краеугольным камнем мышления Фрейда с самого начала была концепция связывания как базового, или первобытного, процесса. Если смотреть с этой точки зрения, становится понятна внутренняя логика его статьи «За пределами принципа удовольствия». Та же самая точка зрения проясняет также, что он хотел сказать в своей работе «О нарциссизме: введение», в которой он формулирует идею определенной симметрии между психоневрозами и нарциссическими неврозами. Психоневротические симптомы являются усилием «переработать» или связать либидо, которое, по различным причинам, не способно катектировать сексуальные функции, аффекты и фантазии и угрожает уйти в свободное плавание, вызывая тревогу и/или неврастению. Соответственно, при нарциссических неврозах существует угроза возникновения свободно плавающего несвязанного нарциссического либидо, которое нужно переработать. Мегаломания, патологическая гипертрофия Я – это первое патологическое средство для связывания этого свободно плавающего нарциссического либидо. Если она оказывается недостаточно успешной, вслед за ней возможны другие методы, например ипохондрия (Freud, SE, 14, p. 83–86). Похоже, что идея Фрейда о том, что нарциссическое нарушение есть в первую очередь проблема связывания, не была достаточно ясно понята, потому что, во-первых, краеугольные камни его мышления не были

доступны для изучения до публикации его посмертных работ (Freud, 1895). «Стандартная интерпретация» теории нарциссизма по Фрейду остановилась на чересчур простом количественном мышлении. Согласно такому мышлению, нарциссические неврозы – это наиболее далеко развившиеся формы любви к себе. Мегаломания, ипохондрия и паранойя, однако, так же далеки от любви к Я, как, скажем, компульсивное желание мыть собственные руки от влюбленности, хотя все они являются разновидностями нарциссического/объектного либидо. Количественный аспект, который имеет в виду Фрейд, является чисто относительным: это вопрос количества либидо по отношению к способности связывать его, имеющейся на данный момент. Здесь мы хотели бы высказать предположение, проясняющее исходную теорию Фрейда. Согласно Фрейду, избыток либидо и проблема связывания, которую он представляет, коренятся в изъятии либидо от объекта. Мы хотим сделать особое ударение на снижении способности Я к связыванию (которая, в свою очередь, имеет собственную генетику и динамику) в качестве основного источника этой проблемы связывания. Данное мнение больше согласуется с клиническим опытом различных авторов и в существенных точках не противоречит либидо-экономическому подходу Фрейда. Наше предположение таково: дефектность первичных катексисов собственного Я, вызванная различными причинами, ведет к трудностям при катектировании функций, которыми обеспечивается собственное благополучие, а также функций, которые помогают создавать удовлетворительные объектные отношения. Нарциссические нарушения всегда представляют собой стремление справиться с относительно чрезмерной стимуляцией (несвязанностью) нарциссически ориентированного либидо и/или защитить себя от него. Отношения между ложным Я и Я-объектом, описанные выше, имеют очень небольшую способность к связыванию из-за своего защитного характера. Они должны быть гипертрофированы, для того чтобы им удалось хотя бы частично переработать нарциссическое либидо. Отношения между разными функциями Я и объектом, который используется

соответственно его реальной природе (Winnicott, 1969), имеют высокую способность к связыванию.

Теория нарциссизма, которую мы представили, исходит из мыслей Фрейда и предназначена быть прояснением и пояснением к ним. Имея такой источник, она поддерживает также и многие уже существующие концепции, однако сводит их более оптимально вместе друг с другом, а также и с базовой теорией психоанализа и в то же время лучше показывает как их положительные стороны, так и определенные недостатки.

Различные степени нарциссической психопатологии

Различные степени нарциссической патологии можно показать на следующих примерах.

Самое примитивное усилие по связыванию нарциссического либидо – это стремление к чему-то постоянному или связному, будь оно сколь угодно ограниченным или упрощенным (Sandler, 1960). Оно проявляется, например, в кататонических стереотипах и в стремлении поддерживать примитивное постоянство (например, раскачивание) при тяжелых психозах. Стремление к постоянству, к стабильности естественным образом усиливает разнообразие по ходу развития Я, оно всегда присутствует как жажда безопасности. Функции поддержания связности в Я, пусть в зачаточной форме, всегда присутствуют, даже при самых тяжких формах регрессии. Очень часто беспомощное примитивное Я можно найти в самом желании уничтожить или изолироваться как средстве самозащиты. Это может быть почти единственной частью истинного Я у пациента, которая на тот момент активна. Деструктивность защищает уже достигнутые примитивные формы связывания от стимуляции, она помогает в аутистической изоляции. Объекты, которые угрожают стимуляцией либидо и травматизацией, переживаются как преследователи.

Симбиотическое стремление нацелено на поиск защищающей матери как нарциссического объекта, который спасает от «всех нарушений покоя», делает для ребенка все что угодно и способен к самоочевидному, без слов, пониманию. Такая

иллюзорная «хорошая мать» помогает избежать проблемы катектирования себя относительно многих важных функций, достаточно катектировать только мать (Винникотт говорит о деструктивности чересчур опытной, «чересчур хорошей» матери). Черты, похожие на отделенность, порождают ярость и дистресс, типичные, например, при пограничных состояниях.

При более слабой нарциссической патологии компенсаторные усилия связывания имеют большее разнообразие форм. Наряду с защитными процессами может возникнуть состояние, которое вполне стабильно и защищено от травматизации, хотя в то же самое время оно переживается как неудовлетворяющее. Вместо доминирующих аутистичных и симбиотичных стремлений имеет место проявление менее тотальных фантазий слияния с другим или попыток стать продолжением другого (Кохут), или фантазий стремления к самодостаточности (Кернберг). Особой чертой различных компенсаторных нарциссических катексисов является то, что Я-объект и ложное Я катектированы сильнее, чем истинное Я и реальная природа объектов.

Препятствия к катектированию Я

Каковы факторы, которые делают катектирование Я-объекта проще, чем катектирование Я? Маленькому ребенку важнее добиться, чтобы мать отреагировала и совершила определенные действия, поскольку он еще не овладел этими способностями, чтобы заботиться о себе самому. Соответственно, для него представляется более простым воспринимать характеристики и реакции матери, чем войти в контакт с реальным состоянием самого себя. Для того чтобы получить знание о самом себе, он вынужден считывать это знание из поведения матери, ему приходится использовать мать как зеркало (Лакан, 1949; Кохут, Винникотт). Таким образом, вначале он вынужден катектировать образ матери больше, чем свое собственное Я. Катексис Я происходит медленно, с помощью окружения. Есть много сложностей, которые нужно преодолеть в этом процессе, проанализировать их – важная задача.

1) Учиться чему-то новому может стать трудным и даже травматичным опытом, когда выбор содержания/функций, которые нужно катектировать, очень мал. Путем катектирования Я-объекта удается избежать катектической реорганизации Я. Отказаться от чего-то старого легко только тогда, когда есть достаточно других катектических возможностей, из которых можно выбирать. Катексис Я во многих формах и в достаточном объеме обеспечивает хорошую либидо-экономическую основу для отказа от старых катексисов, что необходимо для приобретения новых знаний. В противоположном случае срочная необходимость научиться чему-то новому, чего неизбежно требует жизнь, может привести даже к тяжелому нарушению психического здоровья.
2) Разочарования и неудачи, к которым часто ведет использование новой функции при недостатке опыта, могут вызвать желание отказаться от катектирования этих функций.
3) Я-объект может препятствовать катектированию Я через свои собственные действия, соблазняя или действуя как «слишком хорошая мать», или напрямую запрещая, останавливая и уводя процесс в сторону.
4) Нарушение, вызванное нарциссической жаждой, может вести к зависти, отрицанию ценности и самодеструктивности (см. ниже нашу теорию психологии зависти).

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И НАРЦИССИЧЕСКАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Технические проблемы, вызванные слабым катектированием Я

Похоже, что мы более склонны травматизироваться нарциссически направленным либидо, чем либидо, направленным на объект. То, что это было признано в психоаналитическом лечении, – вероятно, наиболее заметный шаг вперед в развитии за последние 20–30 лет. Фундаментальная проблема нарциссически нарушенного анализанда – это его переживание, что он никогда не находится в контакте с реальностью

внешнего мира или своей собственной психики сам, а всегда через другого человека, часто через авторитетную фигуру. Любые меры, предпринимаемые аналитиком в таком случае, и любые интерпретации могут только укрепить состояние нереальности у анализанда или даже травмировать его. «Аналитик обладает тайным знанием, а я нет». Катексис, который в основном должен быть привязан к Я и только временно к кому-то другому, теперь привязан к личности аналитика. Когда анализанд нападает на интерпретации аналитика, это могут быть попытки держаться за слабый Я-катексис, избежать признания утраты Я, ощущения дезинтеграции. Это может даже дойти до такого состояния, когда анализанд не терпит ни малейшего признака понимания со стороны аналитика. Это, конечно, никак не связано с содержанием и уместностью интерпретации. Реакция такая же, как у маленького ребенка, который рушит замок из песка, построенный чересчур склонным помогать взрослым. Ребенок на самом деле хочет построить его сам, научиться строить, он не хочет получить готовый замок.

Цитата из сочинения одного философа дзен выражает это примерно так: «Писание учит показывать то, что у тебя внутри. Секреты не передаются от мастера ученику. Обучать нетрудно, и слушать нетрудно, но что поистине трудно – это осознать то, что имеешь внутри себя, и суметь использовать это как нечто, принадлежащее тебе».

Я согласен с Беджарано (Bejarano, 1976) который говорит, что уже есть значительное количество сходства в работах о нарциссических нарушениях в том виде, в котором они проявляются в психоаналитическом процессе, и точно так же большое сходство существует в описаниях необходимых аналитических техник, хотя в идеях и теориях различных авторов много расхождений. Анализ обычно бывает длительным. В течение длительного времени аналитик нередко ощущает, что он не понимает ничего и не имеет возможности использовать аналитический метод. Анализанду часто нужно очень много времени и повторяющихся усилий, прежде чем беспомощность, которая вначале была почти травматична,

постепенно уменьшится. От аналитика требуется быть тактичным, эмпатичным, терпеливым, обладать способностью длительное время выдерживать непостижимость, терпеть ситуацию неопределенности и быть способным к созданию заботы и поддержки (Винникотт). Об этом писали многие авторы, начиная с М. Балинта (Balint, 1952).

Опытный аналитик скажет без претензий, что в начале анализа ничего невозможно сделать, кроме как довольно долго ждать. Но мы предполагаем, что в этот период ожидания включены значимые моменты. Мы хотели бы подчеркнуть два таких момента: 1) свободно плавающее внимание, которое постоянно перемещается, т. е. доминирование мобильных катексисов аналитика; и 2) его почти бесконечное терпение к так называемому архаическому прорабатыванию, иначе говоря, к попыткам анализанда войти в контакт с самим собой, таким, какой он реально есть на тот момент, с препятствиями, которые стоят на пути достижения этого контакта.

Мобильные катексисы важны потому, что они помогают нам снимать защиты, и они делают почти окаменелые катексисы более мобильными, но, кроме того, они помогают нам выпустить на свет новые, лучше интегрированные и стабильные катексисы. Анализанд внезапно осознает, «что это все на самом деле значит». Мобильный, свободно плавающий катексис не предъявляет никаких требований, никуда не ведет, нейтрален и готов служить. Подкрепление мобильных катексисов у анализанда помогает ему найти свое «истинное Я», потому что у них нет никакого содержания (свободный обмен содержанием), тогда как тонические связывания (например, трансферная идентификация), сформированные анализандом, могут легко привести к попыткам построить новое ложное Я или к различным Я-защитам.

Поскольку интерпретации как таковые, особенно в начале анализа, независимо от их содержания достаточно часто приводят к неблагоприятным результатам, рекомендуется все же позволять анализанду прокладывать свой собственный путь к своему Я, насколько это возможно, и уважать то, что он делает, даже если в течение длительных периодов времени

это означает только выражение его чувств, его мыслей и его настроений. Самое важное в таком анализе – это то, что анализанд входит в контакт со своим Я и начинает привязывать либидо к Я и к функциям Я. Это можно назвать архаической проработкой, которую приходится повторять почти бесконечно и в которой аналитик должен активно и внимательно участвовать. Самая важная цель интервенций в течение этой фазы – предоставить пространство и время для этого процесса. Суть в том, чтобы построить первое основание для истинного Я. Интерпретации помогают найти все, что служит препятствием контакту с Я и катексису Я. В любом случае фокус работы здесь – архаическая проработка и стабилизация возникающих в результате этого катексисов.

Аналитическая позиция, в которой доминирует благожелательное и активное, свободно плавающее внимание или мобильные катексисы аналитика, дает наилучшую поддержку и максимальную свободу анализанду. Причина в самой позиции как таковой, которая, кроме того, дает анализанду возможность идентифицироваться с этой частью аналитика. Более того, он избегнет укрепления деструктивных отношений с более умелым и больше знающим партнером, отношений, которые влекли бы анализанда либо к деструктивному нападению на вызывающего зависть партнера, либо к идеализированной покорности ему, либо к равнодушному уходу в себя. Как правило, таких деструктивных позиций нельзя полностью избежать. Мы верим, что возможностей справляться с этими позициями будет больше, если аналитик обращает внимание на разнообразные проявления Танатоса и соответствующую динамику (Ikonen, Rechardt, 1978) и если ему удается использовать свое свободно плавающее внимание даже во время таких деструктивных приступов. В периоды деструктивных атак анализанда нам легко утратить свою концепцию ситуации в целом и обратиться к стереотипным техническим средствам, чтобы сладить с ситуацией.

Архаическая проработка и связанный с ней анализ затем останавливаются, по крайней мере, на время. Мы

предполагаем, что почти бесконечная терпимость по отношению к архаической проработке занимает центральное место в анализе нарциссических проблем. Фраза «почти бесконечное» относится к повторениям, которые существенны для архаической проработки. Мы понимаем повторение точно так же, как Фрейд понимал повторение в детской игре, «fort – da», или повторения, которые появляются при травматических неврозах. Оно вызвано связыванием и стабилизацией несвязанного или лишь слабо и нестабильно связанного либидо. Так бывает при нарциссических состояниях, когда вначале есть только намек, только пробуждение контакта с Я.

Эти повторения и эта архаическая проработка конфликтов, касающихся Я-катексисов анализанда, – явление очень тонкое. Они столь же уязвимы к критике, как и к недостатку внимания. «Все такое во мне просто вымерло, все ничего не стоило, не имело никакой ценности, не было ничего пригодного для использования». «Я чувствовала, что все, что меня интересовало, что было ценным, на самом деле вообще не существует». Это может случиться в аналитической ситуации, а может случиться и вне ее. По этой причине интервенции аналитика должны делаться в духе, который можно передать следующим образом: несмотря на то, что могут думать другие и что им может нравиться, переживаете вы, вы чувствуете что-то, вы помните и т. д. Этот подход в равной мере важен как с внешне уверенным в себе и доминирующим анализандом, так и с анализандом, который не уверен в себе и готов подчиняться. Пройдут годы, и самоуверенный скажет вам: «Знаете, что означала моя самоуверенность? Ну, крайняя уверенность и все прочее, это была просто одна большая проклятая ложь». Ницше говорит: «Человек, который не верит в себя, лжет все время». Нарциссически лишенный подтверждения человек обретает сначала способность полагаться на себя, а после этого говорить правду в своем анализе. Аналитик, который очень хочет повести анализанда по правильной дороге своими конфронтациями, которые в конечном итоге оказываются верными, красноречиво говорит ему: «Себе ты доверять не можешь».

То, что было сказано выше, не ново. Мы только попытались описать какую-то часть содержания того «ожидания», к которому приходится прибегать, когда ничего другого нельзя делать с нарциссически нарушенным анализандом. Эти меры в основном и составляют «все остальное», что делается в ходе анализа наряду с интерпретацией, для того чтобы вызвать энергетические изменения, которые обеспечивают средство для продолжения анализа. В связи с ранее упомянутым архаическим прорабатыванием психические содержания анализанда начинают приобретать больше веса и стабильности. Их характер, порой подобный сновидению, плавающий, разбитый вдребезги и пустой, начинает обретать цвет и последовательность. Одновременно это приводит к акцентуации психических конфликтов, которые затем принимают более отчетливый вид.

После того как нарциссизм консолидировался, начинает увеличиваться способность «использовать собственное Я», или «начинать жить с собой». Актуализуется, среди прочего, также и эдипальная констелляция, и она требует формулирования и работы с ней. Для того чтобы продолжались катектическое инвестирование и реорганизация, теперь становится необходима обычная психоаналитическая работа с конфронтациями и интерпретациями. Встречаются различные виды защит, и становится возможно рассматривать и прорабатывать мешающие элементы, которые не дают анализанду катектировать определенные части себя. Все катектические реорганизации бывают пугающими, особенно вначале. Есть, например, угроза потерять себя, угроза непостижимого и накопление несвязанного (либидо). В них находится важный источник негативных терапевтических реакций, которые являются почти неизбежной частью психоанализа нарциссически нарушенных анализандов. Психоаналитический процесс не всегда может справиться с этими трудностями и не всегда может достичь установленных целей. По этой же самой причине психоаналитический процесс может требовать очень много сил от обоих партнеров.

Чтобы проиллюстрировать проблемы, которые встречаются в психоаналитической работе с нарциссически нарушенными анализандами, приведем пример.

Анализанд – молодая замужняя деловая женщина. Она происходит из большой семьи в северной Финляндии. Когда ей было около двух лет, ее матери пришлось на какое-то время оставить семью. После возвращения домой та вскоре родила еще одного ребенка. После этого мать посвятила себя новорожденному, кроме того, она выполняла тяжелую работу по дому. Анализанд в течение своего детства чувствовала, что ее мать хорошая и умелая, но как-то не обращает на нее особого внимания. Она ревновала к своим старшим сиблингам, у которых сложились хорошие отношения с матерью, они помогали ей в работе по дому. В своем одиночестве она очень рано выработала циничное отношение к своей матери и испытывала много горечи. Мать в то время стала для нее чрезмерно ценимым и к тому же недоступным Я-объектом, и она боролась с ее значимостью. Явные нарциссические проблемы начали ясно проявляться у нее в подростковом возрасте в ее отношениях с молодыми людьми, которые выказывали к ней интерес. Ей невыносимы были ни их нежность, ни тепло, вместо этого она хотела получать такое же циничное равнодушие, как то, что она сама испытывала к людям. Она хорошо училась и смогла найти хорошую работу. Однако она страдала от интенсивного чувства никчемности и пустоты и чувствовала себя несчастной, причем со временем это состояние ухудшалось. Она ладила только с очень немногими людьми, которые в основном вели необычный, нонконформистский образ жизни. Она глубоко ненавидела буржуазную жизнь, и ее собственный стиль жизни был внешне очень суровым. Она вышла замуж и родила одного ребенка. Ее муж в ее глазах казался таким надменным, какой она сама хотела бы быть. Однако она часто бывала глубоко разочарована в нем, причем причины этого разочарования часто бывали несколько противоречивыми.

Например, она не могла выносить мысль, что ее муж каким-то образом зависит от нее, но если он вовсе не обращал

на нее или на семью никакого внимания, то она чувствовала разочарование. В то время, когда они поженились, она старалась обидеть его всеми возможными способами и уверяла его, что она его не любит. Когда она пришла на анализ, она чувствовала себя крайне неловко и подавленно. Брак был на грани разрыва. Она хотела расстаться, но не знала почему. Анализ долгое время продолжался скучно, был пустым и бесплодным. Она жаловалась, что чувствует себя совершенно пустой внутри, что в ней совершенно нет ничего хорошего, что она никуда не годится как анализанд, и она страдала от внутренней боли. «Это ужасно: я такая злая, такая злая», – повторяла она постоянно. Но ничто, казалось, не было связано ни с чем другим. Постепенно нам удалось раскрыть ее горькое, надменное и отстраненное отношение к собственной матери, и она чувствовала, что ее отношение к аналитику такое же. Долгое время не было никаких видимых изменений в содержании сессий. Все, что аналитик говорил ей, не имело ценности. Он ее нисколько не понимал и никогда не понимал. Это были ее постоянные жалобы. Если аналитик пытался сосредоточиться на какой-то из ее многочисленных идей, она отводила это безразличными словами: «Это совсем не то, что я имела в виду», «ну, это было так, но это неважно». Все вместе было похоже на фрагментированный кошмар, без какого-либо понятного латентного содержания. Архаичная проработка длилась годами. Однако постепенно стала появляться какая-то консолидация, и первым признаком было то, что заметно улучшилась ее способность наслаждаться семейной жизнью. Она также чувствовала себя более связной и более уверенной на работе, у нее появилось больше общего ощущения благополучия. Затем начали постепенно выходить наружу ее проблемы с завистью. Вначале они были чем-то совсем чуждым для нее, но ее возрастающая внутренняя устойчивость стала проявляться в связи с этим в ее сновидениях, которые последовательно включали тему и латентное содержание зависти. Она исходно пришла на анализ с целью получить от аналитика те средства, которые у него, казалось, были, средства достигать собственного благополучия – так она это чувствовала. Однако то,

что она переживала в анализе, оказалось совершенно иным. Аналитик и пальцем не пошевелил, чтобы помочь ей достичь состояния благополучия. Он, казалось, тратил свое время на другие вещи и на других анализандов. Тогда она начала мучить его своей надменностью и высокомерием с целью разбить вдребезги его благополучие. Это и была та злобность, о которой она так часто упоминала. Она не могла вынести мысль, что ее аналитик, ее муж и ее мать владеют этим хорошим чувством, благополучием, и даже способны давать его другим.

У нее было следующее сновидение: ее муж купил новый дом. Она в полнейшей ярости, потому что дом холоден, как лед, и окружен болотами с комарами. Она ассоциировала сновидение с прошедшим событием, когда ее муж купил для себя что-то, что оказалось бесполезным. Он потратил деньги, и она была в ярости на него. Аналитик интерпретировал: «Вы сердитесь на меня потому, что я трачу свою любовь и не помогаю вам почувствовать себя комфортно. Я как ваша мать. Вы завидовали той любви, которую, как вы чувствовали, вы не можете получить и которой ваша мать с вами не делилась. Когда мать оставила вас в два года, она, казалось, взяла с собой все, что было предназначено для благополучия ее маленькой девочки». У анализандки было чувство, что аналитик похож на ее мать, что он не делится с ней своей способностью достигать состояния благополучия, комфортной жизни.

Каждый раз, когда ей доводилось видеть благополучие, домашний уют, в котором ей не было места, ее охватывало чувство завистливого гнева и желание разрушить, чувство, одновременно нацеленное на ее собственную жажду такого комфорта. Из-за этой зависти она стремилась уничтожить любую возможность, которая у аналитика была, достичь удовлетворения в аналитической работе. Она жаждала переживать полностью разделенное удовлетворение, но редко его переживала и была крайне уязвима каждый раз, когда у нее была малейшая причина чувствовать, что ее вытолкнули вон из чьего-то чужого переживания удовлетворения. Тем не менее, когнитивный процесс и проработка зависти предложили

ей способ проработать и обойти ее защиты и испытать, наконец, более подлинный интерес к жизни.

Процесс связывания и психология зависти

Изучение процесса связывания открыло новые способы рассмотрения психологии зависти. По-видимому, зависть возникает из несвязанного, нарушающего покой нарциссического либидо внутри той или иной конкретной психологической констелляции. Достаточно часто мы обнаруживаем, что реальное или воображаемое благополучие другого человека пробуждает в нас желание такого же точно благополучия для себя, и это чувство мучительно, оно нарушает наш покой. Это мучительное, беспокоящее чувство и все средства, которые мы используем, чтобы освободить себя от него, мы называем завистью. Чем более болезненно нарушение покоя и чем более разрушительны средства, чтобы избавиться от него, тем более интенсивной мы называем эту зависть. Мы хотим защитить себя именно от этого беспокойного, несвязанного нарциссического желания. Мы должны затем немедленно потянуться за объектом нашего желания, или же мы должны попытаться уничтожить то, что является мучительно манящим в другом человеке, разрушив либо реально, либо символически то, чем, как мы думаем, он обладает. Это, как известно, делается путем причинения вреда, путем ненависти или же путем презрения к тем чертам в объекте, которые пробудили нашу зависть. Другое средство защиты от зависти – это идеализация, которая дает нам чувство, что мы разделяем власть и благополучие человека, которому завидуем. «От великих достоинств есть только одно спасение, и это любовь», – говорит Гете. Спасение от зависти, по Гете, – это идеализирующая любовь.

Человек, которому мы завидуем, кажется, владеет качествами или предметами, которые способствуют улучшению его благополучия. Нам свойственно думать, что его новый костюм, его новый автомобиль, его уютный дом, его власть или его пенис добавляют ему благополучия. И мы тогда хотим получить все это; купить новый костюм, новый автомобиль, дом получше или иллюзорно снабдить себя более мощным

пенисом. Это, однако, есть рационализация чувства зависти. Истинная зависть имеет в качестве своего объекта самую простую способность другого к благополучию.

Следующий пример взят из знаменитого комикса Шульца «Пустяки». Люси играет резиновым кольцом, глядя с завистью на ребенка поменьше, который радостно играет сложной, интересной и увлекательной механической игрушкой. Люси предлагает поменяться игрушками, на что малыш охотно соглашается и затем играет простым резиновым кольцом так же радостно и интенсивно, как раньше играл механической игрушкой. Люси смотрит и пытается играть с новой игрушкой, но в конце концов кричит в гневе: «Я не хотела, чтобы это было так весело!» Иными словами, чтобы иметь чувство благополучия, чувствовать себя хорошо, решающей является способность «жить с собой» и «иметь возможность пользоваться собой». Мы как аналитики пытаемся помочь анализандам достичь этой способности. Необходимость в сотрудничестве часто оказывается под угрозой, например, от проблем зависти, которые являются тем более тяжкими, чем более нестабилен нарциссизм анализанда. И все же в связи с этим мы должны рассматривать вопрос в контексте ситуации в целом: через зависть пролегает дорога к проблеме как таковой, т. е. к нарциссическому желанию, над которым нам надо работать и устранять препятствия, несмотря на то, что анализанд вначале отрицает существование этого желания. Каким бы отстраненным и равнодушным ни пытался выглядеть анализанд, в конечном итоге он не может избежать проявлений зависти, если мы внимательно их высматриваем. Идеализация личности аналитика и атаки на него – это средство защититься от его великой значимости и от угрозы несвязанного нарциссического желания, которое его благополучие провоцирует у анализанда.

Психоанализ: метод развития подвижных связываний

Если рассматривать психоаналитический процесс с точки зрения так называемого энергетического или либидо-экономического состояния, особенно катектического состояния,

становится ясно видно терапевтическое значение определенных факторов. Уже возможность вербализовать, иметь фиксированное по времени расписание, присутствие аналитика и постепенное формирование его внутренней картины, к которой анализанд может привязывать различные стремления, дают возможность укрепить временно способность к связыванию и создать терапевтический эффект. Все это может быть необходимо, с либидо-экономической точки зрения, для того, чтобы сделать психоаналитический процесс возможным. Насколько мы можем видеть, нельзя говорить о собственно психоанализе, пока не произошел окончательный сдвиг на более развитые катексисы, в качестве конечного результата этого достигается улучшение подвижных связываний, автономия и эмансипация, а параллельно этому – лучшие способы защиты от психической боли и психической травматизации. Анализируя препятствия, процесс психоанализа должен помогать анализанду в катектировании его собственного Я, его тела, его желаний, его жадности и одновременно с этим его эдипальной ситуации, а также переживаний боли, которые неизбежно являются частью жизни.

Одна из проблем психоаналитического метода – это присутствие несвязанного либидо, контроль над ним, обращение с ним и представляемая им угроза. При тяжелой психопатологии эти проблемы усиливаются. Один из этических аспектов аналитического метода – это то, что он не должен эксплуатировать возможности тонических связываний слишком много или слишком долго и не должен вызывать фиксации на тонические связывания, т. е. на теорию, на какие-то формы техники, на терапевтические отношения и т. д. Психоаналитический метод должен всегда держать открытой дверь для подвижных связываний.

Что касается психоаналитической теории психотерапии, похоже, что психоанализ стремится открыть путь подвижным связываниям (свободе, автономии и т. д.) путем расторжения неблагоприятных тонических связываний (объекты детства, инфантильные удовлетворения, защиты и т. д.). Например, поведенческая терапия взращивает тонические связывания.

Тот же самый эффект можно найти при неточных и неправильных интерпретациях; они могут стать заменителями симптомов и таким образом иметь, по крайней мере, временный психотерапевтический эффект (Glover, 1955). Восточная медитация, похоже, представляет собой метод тренировки внимания с целью повышения психической мобильности, подвижных связываний, однако в основном не способна рассеивать фиксированные неблагоприятные тонические связывания.

Какие возможности предлагает психоаналитический метод при лечении тяжелой нарциссической психопатологии? На этот вопрос давалось много ответов, и очень часто они были противоречивы. По нашему мнению, метапсихология связываний предлагает проясняющую точку зрения. Идеи хорошо известных современных авторов, Кохута и Кернберга, похоже, акцентируют различные стороны нарциссической патологии. Кохут поднимает вопрос о необходимости подкрепления либидного катексиса на Я, тогда как Кернберг занимается защитностью и деструктивностью, проявляемыми в первую очередь против объекта, но в конечном итоге – как нам это видится – против катексиса на Я. Работу обоих авторов можно было бы продолжить путем исследования процессов катектирования Я и препятствий, неотделимых от этого процесса, и путем исследования защит от угрозы несвязанного. Эти защиты включают, например, грандиозное Я, идеализированный объект, зеркальный перенос и перенос слияния. Можно было бы также аналогичным образом более пристально рассмотреть уничтожение и разрушение объекта как защитные попытки слабо катектированных частей Я.

ЛИТЕРАТУРА

Balint M. (1952). New beginning. In Primary love and psychoanalytic technique. London: Int. Psycho-Anal. Library.

Bejarano A. (1976). Counter-transference and narcissism (in the patient… and the analyst). Bulletin of EPF. 12, 5–10.

Cohen D. (1978). In Colloqium on «trauma». Reported by A. E. Geerts & E. Rechardt. Int. J. Psycho-Anal. 59: 365–375.

Eissler K. (1972). Death drive, ambivalence and narcissism. Psycho-Anal. St. Child. 26: 25–78.

Fisher C, Kahn E., Edwards A. & Davis D. M. (1973). A psycho-physiological study of nightmares and night terrors. J. Nerv. and Mental Disease 157: 75–98.

Freud S. (1895). Project for a scientific psychology. S. E. 1.

Freud S. (1914). On narcissism: an introduction. S. E. 14.

Freud S. (1917). Mourning and melancholin. S. E. 14.

Freud S. (1920). Beyond the pleasure principle. S. E. 18.

Gill M. (1963). Topography and systems in psychoanalytic theory. Psychological Issues, vol. 3. New York: Int. Univ. Press.

Gill M. (1977). Psychic energy reconsidered. J. Am. psychoanal. Ass. 25: 581–597.

Grunberger B. (1971). Narcissism. New York: Int. Univ. Press, 1979.

Glover E. (1955). The therapeutic effect of inexact interpretation: A contribution to the theory of suggestion. In The technique of psycho-analysis. London: Bailliere, Tindall & Cox.

Hagglund T.-B., Hagglund V. & Ikonen P. (1978). Some viewpoints on womans inner space. Scand. Psychoanal. Rev. 1: 65–78.

Ikonen P. & Rechardt E. (1978). The vicissitudes of Thanatos: On the place of aggression and destructiveness in psychoanalytic interpretation. Scand. Psychoanal. Rev. 1: 79–114.

Kemberg O. (1974). Further contributions to the treatment of narcissistic personalities. Int. J. Psycho-Anal. 55: 215–240.

Kohut H. (1971). The analysis of the self. New York: International Universities Press.

Lacan J. (1949). Le stade du miroir comme formateur de le fonction du je, telle qu'elle nous est revelee dans I'experence psycoanalytique. In Ecrits. Paris: Editions du Seuil, 1966.

Laufer M. (1968). The body image, the function of masturbation, and adolescence: Problems of the ownership of the body. Psychoanal. St. Child. 23: 114–140.

Mahler M. (1968). On human symbiosis and the vicissitudes of individuation. New York: Int. Univ. Press.

Miller A. (1979). Depression and grandiosity as related forms of narcissistic disturbances. Int. Rev. Psycho-Anal. 6: 61–76.

Miller A. (1979). Depression and grandiosity as related forms of narcissistic disturbances. Int. Rev. Psycho-Anal. 6: 61–76.

Pao N.-P. (1977). On the formation of schizophrenic symptoms. Int. J. Psycho-Anal. 58: 389–401.

Ricoeur P. (1970). Freud and philosophy. An essay on interpretation. New Haven and London: Yale University Press.

Rosenblatt A. D. & Thickstun J. T. (1977). Energy, information and motivation: A revision of psychoanalytic theory. J. Am. Psycho-Anal. Ass. 25: 537–558.

Salonen S. (1979). On the metapsychology of schizophrenia. Int. J. Psycho-Anal. 60: 73–81.

Sandler J. (1960). The background of safety. Int. J. Psycho-Anal. 41: 352–356.

Swanson D. R. (1977). A critique of psychic energy as an explanatory concept. J. Am. psychoanal. Ass. 25: 603–633.

Winnicott D. (1951). Transitional objects and transitional phenomena. In Playing and reality. Harmondsworth: Penguin Books, 1974.

Winnicott D. (1960). Ego distortion in terms of true and false self. In Matu-rational processes and the facilitating enviroment. London: Hogarth Press, 1965.

Winnicott D. (1969). The use of an object. Int. J. Psycho-Anal. 50: 711–716.

Размышления о значении конструкций

Пентти Иконен и Эро Рехардт

ВВЕДЕНИЕ

Фрейд, рассматривая события психики, выбрал в качестве центральной парадигмы принцип активной диссоциации. Мы в данной статье используем его как основной. Психоаналитическая исследовательская работа и психоаналитический метод постоянно ищут ответы на следующие вопросы: 1) как и каким методом реализуются диссоциативные стремления, проявляющиеся в психике; 2) каково содержание и процессы психики, которые диссоциируются; 3) почему они диссоциируются; 4) каковы последствия диссоциаций; 5) как и на каких условиях может интегрироваться то, что было диссоциировано? Для психоаналитической работы специфично устанавливать контакт с тем, что было диссоциировано. Другим целям можно способствовать другими средствами, но в своей собственной функции психоанализ незаменим. Есть много способов вмешательства, которые не ищут истину, которые оставляют диссоциации неизменными или даже увеличивают их число; они могут даже иметь исцеляющий эффект, но они не являются психоаналитическими по своему значению или по своему результату.

ЧТО ТАКОЕ КОНСТРУКЦИЯ?

В тексте Фрейда «Конструкции в анализе» (Freud, 1937) внимание особо привлекается к трем различным пунктам. Он говорит, что понятие «интерпретация» используется слишком широко даже в тех случаях, когда более уместно было бы

понятие «конструкция». Далее он указывает на два достаточно таинственных явления: во-первых, конструкция – это не цель и не конечный результат аналитической работы, а начало, и, во-вторых, эффективность конструкции не зависит от того, подтверждает ли анализанд ее своими воспоминаниями или нет.

В 1988 г. Европейская психоаналитическая федерация организовала научный симпозиум в Сальтсьебадене на тему «Конструкция и реконструкция». Было выдвинуто несколько формулировок предмета конструкции. Является ли она отслеживанием перцептивного переживания, связанного с прошлым, в его истинной и обнаженной форме (Pasche, 1988)? Или это попытка дотянуться в контрпереносе до объектных отношений, в которых анализанд инвестировался в аналитика путем проективной идентификации, и реконструкция их в интерпретативной форме (Riesenberg-Malcolm, 1988)? Или любое понимание, даже аффективное понимание, уже есть конструкция (Loch, 1988)?

Так что же означает конструкция? Должна ли она схватывать какое-то воспоминание, фантазию, защиту, аффект, объект, манеру речи или что-то еще? Как можно проверить валидность конструкции? Не будет ли лучше говорить о реконструкции, а не о конструкции? В своей статье Файмберг и Корел (Faimberg, Corel, 1990) представляют случай, когда аналитик раскрыл бессознательную противоречивую идентификацию анализанда с отношениями между его родителями и дедом с бабкой. Аанализанд осознавал элементы этой конструкции, но не связи между ними, что удивило и аналитика, и анализанда. В результате стало возможно работать с эдипальным конфликтом анализанда в правильной клинической связи. Авторы понимают функцию конструкции так, как имел в виду Фрейд: конструкция – это не конечный пункт психоаналитической работы, а выход на возможности интерпретации.

КОНСТРУКЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ

Конструкция имеет инструментальную функцию. Она является не истиной *per se** или не более чем инструкции по настройке телескопа. Конструкция предназначена быть

* Сама по себе (*лат.*).

вспомогательным устройством при поиске истины, поиске скрытых, но реальных психических элементов. Психоаналитическая конструкция является инструментом, который помогает найти возможность войти в соприкосновение с тем, что диссоциировано. Ее можно сравнить с инструкциями, которые позволяют направить телескоп на объект наблюдения, или с использованием плана, начерченного на карте, чтобы выбрать правильное место для раскопок предполагаемой археологической находки. Самые простые конструкции встречаются каждый день и настолько просты, что проходят совершенно незамеченными, такие, как помахать рукой или указать пальцем, или оставить простую пометку на плоскости, указывающую «Копать здесь» или «Идите в этом направлении». Такой конструкцией, например, будет сказать, что перерыв на выходные – это мотив для предъявления симптомов, или предположить, что гнев пациента связан со встречей с предшествующим клиентом при входе в кабинет аналитика. Конструкции указывают правильное место, где следует проводить изыскания. Когда конструкция не помогает, дальнейшие исследования могут постепенно обнаружить ее полезность для будущей работы. Как говорил Фрейд, нет никакого вреда в том, чтобы предлагать бесполезные конструкции. Однако вредно будет, если мы начнем путать конструкции и их объекты. Мы начинаем искать в психике анализанда что-то, что подтвердит нам правильность конструкции, вместо того чтобы обратить внимание на те перспективы, которые конструкция открывает для анализанда.

ВЕРНОСТЬ КОНСТРУКЦИИ

В некоторых случаях конструкция и перцептивный опыт, связанный с прошлым, действительно так близки друг другу, что конструкция – это почти историческая правда. Пример тому предлагает Мари Бонапарт (Bonaparte, 1945). Согласно конструкции ее аналитика, некоторые детали в материале, представленные ею, связаны с пережитым ранее опытом. В раннем детстве она наблюдала за тем, как ее нянька участвовала в сексуальном акте. У нее пробудилось любопытство;

она начала исследовать прошлое, нашла человека, служившего в то время в доме, который все еще был жив. После достаточно длительного сопротивления в ответ на ее вопросы он в конце концов рассказал ей, что несколько раз имел сношения с нянькой в присутствии восемнадцатимесячного ребенка (Мари Бонапарт). В период, когда клиентке еще не исполнилось и десяти лет, она сочиняла очень много сказок. Однако с тех пор она успела забыть о существовании этих сказок и, после того как нашла их, не могла сначала понять их фантастического содержания. Она обнаружила ключ к пониманию их в вышеупомянутой конструкции: сказки в деталях описывали сексуальный акт так, как его увидел ребенок, которому еще не было двух лет.

Во многих случаях конструкция совершенно явно имеет дело с каким-то содержанием, принадлежащим не социальной истории, а истории психики. Однако функция конструкций в каждом случае та же самая – помочь определить психические диссоциации и выявить смысл скрытого психического материала. Этот процесс создает уникальное ощущение верности того, что на самом деле верно: «Эта связь верна. Все именно так». Достаточно часто это удивляет и изумляет как аналитика, так и анализанда. Файмберг называет это переживание «клинической уверенностью» (Faimberg, Corel, 1990). Оно открывает новые точки зрения для интерпретации проявлений бессознательного материала. Клиническая, или переживаемая в опыте, уверенность, которая упомянута выше, и одновременное развертывание новых точек зрения – это единственный критерий, подтверждающий данную конструкцию. Следует ли нам говорить о конструкции или о реконструкции? Если рассматривать реконструкцию как инструмент, она также является конструкцией. Возможные подтверждения, будь они исторически реальными или взятыми из памяти, вторичны и не могут заменить собой переживание клинической уверенности или интеграцию. Часто встречается противоположный вариант: знание анализанда о каком-то важном инциденте основано больше на рассказах других, чем на своей собственной памяти. Однако могут понадобиться

годы, пока конструкция даст возможность собрать вместе диссоциированные части и связи этого опыта и получившегося в результате откровения: «Вот как оно есть».

НЕГАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ КОНСТРУКЦИИ

Нам свойственно совершать общую ошибку, путая конструкцию и ее объект. При этом мы достаточно легко спотыкаемся и впадаем в позицию защиты, уже не обращая никакого внимания на реакции, которые конструкция вызывает у анализанда. Искушение следовать такой практике может исходить из соперничества между различными школами по поводу превосходства свойственных этим школам конструкций. Во время обсуждения случаев на психоаналитических конгрессах интервенции аналитика часто критикуют за то, что они не основаны на материале анализанда. Это может быть так, но очевидно, что не всегда принимается во внимание то, что содержание конструкции нельзя найти в психике анализанда (за исключением самоконструкций), и долг аналитика – найти ее в своей собственной психике (Freud, 1937). Конструкция есть инструмент, при помощи которого мы отслеживаем диссоциированный материал анализанда. Суть не в том, чтобы дойти до конструкции и остановиться, а в том, чтобы поспевать за тем, что она помогает анализанду вести поиски в собственной психике, поскольку только его находки определяют, была ли конструкция успешной или нет.

Конструкцию можно использовать в психотерапевтических целях для того, чтобы компенсировать звено связи с объектом, которое отсутствует. В таких случаях конструкция не создает переживания уверенности, а создает некую замещающую интеграцию. Она может успешно заполнить провалы в частично уничтоженном тексте с помощью намеков, которые все еще можно в нем найти. Заполнение провалов делает текст осмысленным и читаемым, но нельзя быть уверенным в том, что он соответствует тексту оригинала. При помощи предлагаемых дополнительных конструкций анализанд может исправить историю о себе и достичь терапевтического эффекта, но сам аналитический процесс

не продвигается. Если ошибочно принимать конструкции за историческую истину, это всегда создает препятствия, даже в связи с хорошо функционирующей суррогатной интеграцией, на пути как к психоаналитическому результату, так и к терапевтической цели, потому что легко бывает начать оберегать суррогатную интеграцию и, таким образом, встать в позицию защиты.

КОНСТРУКЦИЯ И ЗАЩИТЫ

Конструкция есть один из инструментов, используемых для преодоления сопротивлений в дополнение к обычным попыткам определить их и проанализировать. С ее помощью можно видеть за и сквозь защиты. Это видение может пугать анализанда. Он может чувствовать, что угроза его Я становится интенсивнее, и он может увеличивать свое сопротивление даже вплоть до негативной терапевтической реакции. Тогда возможно, что в течение длительного периода времени аналитическая работа будет иметь дело с деструктивностью и примитивными защитами.

Каким образом конструкция помогает анализанду смотреть сквозь защиты? При создании успешной конструкции предварительным условием является то, что аналитик может понять своего анализанда как человека в целом, включая его диссоциации и те мотивы, которые у него с определенной вероятностью для этих диссоциаций есть. Быть понятым – это переживание, которое укрепляет Я анализанда. Эффективная конструкция также предполагает успешное словесное выражение, которое своим примером показывает, что в принципе существует способ стать хозяином того, что диссоциировано: оно, в конце концов, не является непостижимым. В такой момент анализанд становится способен встретить лицом к лицу что-то, от чего ранее ему приходилось защищаться. Этот опыт помогает ему интегрировать диссоциированное и не бросаться в бегство от открытой истины, что важно для терапевтической ценности психоанализа.

К отторгнутой части психики можно приблизиться при помощи различных конструкций как бы с разных сторон

компаса. Различные школы, или интерпретативные сообщества, как называет их Норман Холланд (Holland, 1986), имеют свои собственные предпочитаемые конструкции и предпочитаемые пути подхода. Обычно предварительное понимание каждого психоаналитика согласуется с его собственным интерпретативным сообществом. Однако предполагается, что у него также есть личная способность понимать, на основе которой он должен уметь находить способную сработать конструкцию. Прежде чем до этого дойдет, часто приходится мучительно переживать долгие периоды недоумения и тревоги. Это важная часть психоаналитической работы. Возможно, что для того, чтобы обрести такую способность, аналитику придется отложить на какое-то время предварительное понимание своего собственного интерпретативного сообщества или даже всю психоаналитическую теорию. Это то, что, как мы думаем, имел в виду Бион, когда он писал о том, чтобы слушать без памяти и без знания, и Файмберг, когда она говорила о психоаналитическом использовании незнания (Faimberg, 1989).

КЛИНИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ

Наш первый пример касается миссис А., женщины средних лет. Она ранее была несколько раз в психотерапии и один раз в достаточно непродолжительном психоанализе по поводу тревожности и периодов депрессии, которые угрожали ее способности работать. Она нашла это лечение полезным в том смысле, что смогла продолжать и свою достаточно трудную работу, и обязанности в семье и по дому. Теперь она вновь вернулась к психоанализу, для того чтобы полностью избавиться от приступов тревоги, чтобы жить удовлетворительной жизнью в своем только что начавшемся втором браке после нескольких лет вдовства. Ее первый брак бы несчастливым и тягостным с самого начала. Ее муж был алкоголиком и в конце концов умер от алкоголизма. Она пережила и другие тяжкие утраты: ее сын умер от рака, а внук погиб при несчастном случае. В течение достаточно долгого времени центральной темой во втором анализе была тягостная атмосфера ее дома

в детстве. Она была первенцем и едва не умерла в неопытных руках своей матери, у которой было недостаточно молока, чтобы кормить ребенка, но которая продолжала предлагать младенцу свою пустую грудь. В первые несколько месяцев ребенок постоянно плакал, все время теряя в весе. Хотя все остальные тревожились по этому поводу, матери, казалось, было все равно. Наконец ей дали указание кормить из бутылочки. Со времени самого раннего детства у миссис А. было такое чувство, что в глазах своей матери она дурной и враждебный ребенок. Отношения между матерью и дочерью оставались плохими до самой смерти матери. Во времена ее детства мать страдала от долгих периодов депрессии, из-за которых подолгу не бывала дома, а лечилась в больнице. В детстве ни ее мать, ни какой бы то ни было другой взрослый фактически не заботились о ней. Ее отец был жизнерадостным человеком, полным энергии, он спорадически проявлял к ней заботу, но был, кроме того, человеком занятым. Он был разочарован своей женитьбой и имел связи с другими женщинами. На протяжении всего ее детства миссис А. чувствовала себя одинокой, неудачницей, самой нелюбимой из детей, хуже всех одетой в школе, несмотря на хорошее общественное положение семьи. Когда она ушла из дома, чтобы начать учиться, она поспешно вышла замуж за достойно выглядящего мужчину, который был на несколько лет старше нее, для того чтобы убежать из дома. Достаточно скоро, однако, стало очевидно, что ее муж быстро становится алкоголиком. Он был от природы привлекателен, но абсолютно ненадежен и постоянно изменял жене.

В течение долгого времени в ходе анализа на переднем плане были ее отношения с матерью, братьями, сестрами и отцом. Ожидание, разочарование, внутренняя ярость и чувство вины, связанные с этими отношениями, повторялись вновь и вновь в ее человеческих отношениях. Прорабатывание этих чувств явно приносило облегчение и снижало симптомы. Затем фокус сдвинулся к утратам, чувству вины и конфликтам ее взрослой жизни, которыми ранее были проработаны только частично. У нее были периодические фазы депрессии и тревоги. Стало очевидно, что эти фазы связаны

с годовщинами утрат. Смерть ее сына совпала с ее новым браком, и для работы оплакивания не было достаточного времени или пространства. Сильные чувства вины все еще были привязаны к годовщинам смерти матери и ее первого мужа. Она выдала новые симптомы. Ей трудно было удерживать равновесие, когда она шла на анализ. Так она справлялась с неизлечимым алкоголизмом своего первого мужа, идентифицируясь с его возвращением домой в пьяном виде. Аналитику довелось испытать, каково это, иметь дело с человеком, чьи симптомы делают вас беспомощным. Постепенно начало казаться, что с самыми мучительными темами справились и что ее психическое состояние стабилизируется окончательно, и именно это аналитик сказал ей, когда она спросила его мнение. Однако худшее было еще впереди. Психическая работа, которая развивалась столь многообещающе, повернула в упрямую негативную терапевтическую реакцию. В течение ряда лет ей раз за разом снился сон, в котором она вытягивала бесконечную толстую веревку из своего горла. Аналитик сказал ей: «Похоже, вы чувствуете, что вас забили полностью этой чепухой» (исходное финское выражение – «Вам ивовую веревку скормили», фраза достаточно обыденная; этимология ее неясна). На деле ее первый муж постоянно кормил ее «вздором и чепухой» по поводу своих связей с другими женщинами. Ее отец придумывал безобидную ложь, когда попадался на том, что неверен своей жене. Ее мать не была с ней правдива. Аналитик предположил, что теперь она не доверяет ему, несмотря на то, что пытается небрежно проглотить все, что он говорит. В то же самое время она склонна была подозревать, что ее нынешний муж, ее подруги и ее сестры держат на нее зло. Предположение аналитика произвело на нее немедленное впечатление, и сновидение никогда больше не появлялось. Это пример конструкции, выведенной из характерного для нее сновидения, которая имеет тот же смысл, что и финская идиома, в которой сравнивается ложь и скармливание кому-то ивовой веревки, или вздора и чепухи. С помощью этой метафоры она дает выражение одной центральной теме в ее жизни.

Теперь в анализе начиналась фаза, которая стала поистине критической. Все время в ее манере реагировать на анализ было что-то странное, что чувствовалось, но трудно было показать, что именно. Она была преувеличенно наивной и благодарной и пыталась сразу принимать все, что говорил аналитик. Теперь она начала обвинять его в том, что он ее неправильно понял, что он, в конце концов, жесток, что он не на ее стороне, а против нее. Вновь и вновь в течение аналитического часа делались усилия выяснить, что обидело ее в течение предыдущей встречи. Она уходила домой успокоенная, но та же самая сцена вновь повторялась в следующий раз. Ее приступы тревоги вне аналитических часов нарастали и становились все более бурными. Поводом для них становились внешне тривиальные случаи, однако они вызывали у нее чувство отторгнутости и ревнивой ярости. Часто они были связаны с мысленными образами ее матери, и братьев, и сестер, которые были любимцами матери. Наиболее непосредственным получателем этих чувств был теперь аналитик, который не показывал ей той истинной любви, которая могла бы излечить ее от любой боли. Она также яростно винила за то же самое своего мужа. Ее тревога все поднималась, и, наконец, она больше не могла оставаться одна дома. Стало необходимо, чтобы кто-то оставался с ней, когда ее мужу приходилось уходить из дома. Ей также нужен был спутник, чтобы приводить ее на анализ. Она обвиняла своего мужа и своего аналитика в том, что они вызвали ее болезнь своим равнодушием и жестокостью. Она яростно отказывалась принимать попытки своего мужа заботиться о ней и его предложения развлечь ее, сводить ее в ресторан.

Конечно, правильный диагноз ее болезни, описанной здесь, – паническое расстройство, при котором психоанализ, согласно современным психиатрическим знаниям, совсем не помогает. Что случилось далее? Ситуация дошла до того, что муж был абсолютно истощен, и анализандка чувствовала, что она сама дошла до ручки. Однажды она пришла на сессию в состоянии паники, бледная и трясущаяся. Она села на краешек кушетки и дрожащим голосом спросила: «Что мы теперь

будем делать, доктор?» Аналитик чувствовал себя совершенно беспомощным, зная, что в такой ситуации о любых попытках интерпретировать придется забыть и что вместо этого ему надо попытаться быть с этой пациенткой настолько реалистичным и приземленным, насколько возможно. Он сказал своей клиентке то, что он искренне чувствовал на тот момент верным: что он не может помочь ей теми средствами, которые есть в его распоряжении, и что он пошлет ее на консультацию к психиатру. Консультирующий врач тогда определит необходимое лечение, включая возможную госпитализацию. Психиатр прописал анафронил (кломипрамин) в качестве лекарства, но решил, что амбулаторного лечения будет достаточно. Миссис А. продолжала свой анализ, и ее тревога несколько снизилась, но следующие две недели все же были бурным периодом. Она боролась с конфликтом между потребностью в буйном саморазрушении и зарождающимся желанием вылечиться. Одну ночь она провела в состоянии спутанности и ступора, приняв около 20 капсул слабительного, одну за другой. На следующее утро она была совершенно уверена, что умрет от отравления лекарством. Это был акт суицида. Капсулы имели форму пули. Если бы она была мужчиной и имела оружие, она, возможно, застрелилась бы в этом состоянии спутанности. Противоположное устремление, желание вылечиться, проявилось в понимании того, что она страдает от тяжелой инфекции мочевыводящих путей, которую она до этого игнорировала. Для того чтобы начать лечение, нужна была кратковременная госпитализация. На протяжении двух недель аналитик избегал какой бы то ни было интерпретации. Он не указывал ни на какие психические процессы или их взаимосвязи, а продолжал направлять свое внимание на текущее состояние своей клиентки и обсуждал с ней только относящиеся к этому практические вопросы.

Через пару недель пациентка сказала ему, что она читает переписку матери и бабушки, которую они вели в то время, когда она была младенцем. Например, ее мать описывала, как ее младенец, миссис А., довольная, сосет ее пустую грудь и какая жалость, что это прелестное маленькое существо

умрет от голода. Она просила свою мать, бабушку пациентки, найти специалиста, чтобы проконсультироваться. Это обсуждение велось без особой спешки, путем обычной медленной почтовой связи. Бабушка ответила на письмо, посылая указания кормить из бутылочки, и младенец затем начал прибавлять в весе и становиться здоровее. Внезапная мысль мелькнула в голове аналитика, что именно эта самая тема возникла в ходе анализа: сначала довольная, а затем с постепенно нарастающей яростью миссис А. пыталась сосать пустую грудь аналитика, едва не умирая от этого усилия. Аналитик затем проконсультировался со специалистом, и пациентка выжила. Когда он сказал об этом ей, они оба были одинаково изумлены. Миссис А. сказала: «Давайте прекратим лечение по сигналу SOS и вернемся к анализу!» Внезапно на многие проблемы пролился новый свет, и стало возможно лечить их обычным психоаналитическим способом, т. е. указывая на взаимодействия между различными содержаниями психики и психическими процессами. В ее жизни была одна центральная тема: «Я должна всегда проглатывать без вопросов все, чем меня кормят люди, которых я люблю». На протяжении жизни, по видимости довольная, она пыталась сосать пустую грудь. Проглатывание «ивовой веревки» теперь можно трактовать с новой точки зрения: это была обманчивая пустая грудь ее матери. Ее видимое довольство в начале анализа было выражением той же темы. Она пыталась преодолеть травму, повторяя ее.

Что произошло? Была ли это активация воспоминания раннего детства? Если уж на то пошло, она отыгрывала историю своего детства, историю, которую она давным-давно слышала от своего отца и читала в старых письмах матери. Аналитику удалось представить конструкцию, которая открыла новую точку зрения, по сути своей значимую, на всю жизнь клинтки. Эта конструкция сделала понятным ее «отчаянное довольство». Ей предшествовала другая конструкция, которая породила негативную терапевтическую реакцию, возможно, из-за того, что она была чересчур пугающей и провоцировала слишком много стыда: «Вы чувствуете, что вас

все время кормят «ивовой веревкой» (т. е. постоянно рассказывают ложь)».

Второй пример связан с молодым человеком, который, прежде всего по профессиональным причинам, пришел на анализ с симптомами неопределенного недовольства и подавленности. Он был умен и обладал острым глазом. Его замечания о собственном окружении и товарищах по работе были точны и критичны, но он с гневом отвергал любые попытки войти в контакт с его фантазийным и эмоциональным миром. Похоже было, что угроза хаотичных фантазий никогда не покидала его. Когда он входил в комнату, ему казалось, что лицо аналитика, как у мертвеца, или его собственная рука сделалась зеленой, с воткнутой в нее иголкой для внутривенного вливания. Иногда голоса вокруг него звучали, как хаотический шум, и он начинал бояться, что сойдет с ума. Было очевидно, что он чувствовал крайнюю угрозу себе и что ему придется позволить держаться его собственных условий. В течение длительного периода анализанд занимался постепенно нарастающим осознанием собственной смертности и прошел через долгий период отчаяния. На достаточно ранней стадии анализа он рассказал о своем детском воспоминании, которое возвращалось раз за разом и которое аналитик пытался как-то использовать без особого успеха. Когда ему было два года, его родители уезжали в отпуск, а его оставили с женщиной, живущей по соседству. Он помнит момент, когда его родители вернулись домой, и помнит себя на руках у соседки, ожидая, что мать протянет к нему руки. Но вместо этого та отшатнулась, воскликнув: «Ой, его надо к врачу». Ребенок заболел ветрянкой. На этом материале аналитик создал для себя рабочую гипотезу сильной шизоидной тенденции у анализанда, исходящей из частично залеченной сепарационной травмы, после которой часть мира была для него мертва. Постепенно анализанд начал чувствовать неудовлетворенность и ненависть по отношению к аналитику. Он старый, безмозглый, склеротичный, топчется одной ногой в могиле. Во всем, что аналитик делает, он проявляет равнодушие и недостаток профессионального умения, и на него следует

пожаловаться начальству. Чаще всего никакая интервенция во все это не была возможна. «Разве вы не видите, что это реальность!» Все было «просто реальностью» и не оставляло никакого места для интерпретативной перспективы. Аналитик глуп и равнодушен; он не закрывает окно, пока анализанд не вошел в комнату, он оставил пару песчинок в ногах на кушетке, он повернулся спиной к анализанду, чтобы поставить что-то на стол или бросить что-то в корзинку для бумаг. Очень часто он кричал на аналитика в гневе и требовал ответить немедленно: «Дайте мне ответ прямо сейчас! Вы что же: язык проглотили?!» Часы сеансов были чрезвычайно тягостными, и аналитик переживал свою беспомощность как поистине болезненную. Однажды утром он ждал анализанда, который опаздывал. Никаких возможностей для работы интерпретаций до сих пор не было найдено. Все было «просто реальностью», и задача анализа была излечить обстоятельства. Теперь он задал себе вопрос: «Что бы вас поразило, если бы вы думали о нем, не будучи никак профессионально с ним связаны? Какой была бы представляющаяся психическая картина?» Внезапно появилась мысль столь впечатляющая, очевидная и простая, что она просто обязана была быть правильной. Анализанд пришел на сессию и начал в своей обычной манере: «Не было никакой причины приходить раньше, потому что здесь для меня ничего нет. Разве вы не понимаете, что вы абсолютно ни на что не способны. Слышите меня? Абсолютно ни на что не способны». Аналитик ответил: «Вы совершенно правы, я ни на что не способен. Я не способен взять вас на руки». Анализанд был абсолютно ошарашен. Молчание длилось какое-то время, а затем он начал говорить, и голос его был нормальным. С этого момента началась фактическая работа с интерпретациями. Он искал кого-то, кто возьмет его на руки. Он хотел этого от своей начальницы, на которую он подал в суд, чтобы получить более комфортное кресло на работе. Его девушка должна была думать в первую очередь о его благополучии во всем, что она делала, и, вне всякого сомнения, аналитик, широко раскинув руки, должен был радостно приветствовать его со следами ветрянки и всем прочим.

Убийственная ненависть, весьма похожая на ворчливую паранойю, была полностью результатом разочарования.

Травматическая сепарация в детстве, уязвимость, вызванная отвержением матери, и все повторения неудовлетворенного желания быть взятым на руки матерью, разочарования и убийственная ненависть, очевидные как в анализе, так и во внешнем мире, были сконцентрированы в одной сцене, согласно представленной здесь конструкции. Конструкция, согласно которой он был в постоянном поиске объятий, имел право на этот поиск и тем самым право быть принятым, преобразило «просто реальность», лишенную каких бы то ни было измерений, как сказал анализанд, в психическую сцену, в которой смыслы и взаимоотношения явлений можно было исследовать.

Третий пример – не из психоанализа, он касается встречи с пациентом-психотиком (Rechardt, 1971). Этот пример приводится, чтобы проиллюстрировать природу конструкции в создании психических измерений. Пациенткой была женщина чуть старше тридцати, незамужняя, госпитализированная в первый раз в связи с шизофреническим психозом. В то время она была пациенткой, сильнейшим образом сопротивляющейся лечению, в палате интенсивного наблюдения. Ее лечили в течение трех месяцев медикаментами и подвергали как инсулиновой, так и электрошоковой терапии без какого-либо результата. Она отказывалась есть, и поэтому ее приходилось кормить насильно. Она проводила время в основном на кровати в состоянии непрерывного страха и тревоги. Однажды она была готова заговорить и сказала, что она постоянно получает электричество в кровати, и поэтому ее никогда нельзя вылечить. Принимая это как шизофреническую конкретную речь (Freud, 1915; Searles, 1962; Tausk, 1919), стало возможно понять, что она на самом деле говорит об электрошоковой терапии, которой ее подвергали. Вопрос: «Вы думаете, что получать электрошоковое лечение – это показатель настолько тяжкой болезни, что у вас нет никакой надежды вылечиться?» – немедленно возродил способность, которая была утрачена. Пациентка, которая была до этого совершенно

дезориентирована, внезапно начала говорить связно и осмысленно. Она рассказала, что она занималась социальной работой в сельской местности, и часть ее работы состояла в том, чтобы отвозить психотиков в психиатрическую лечебницу. Человек, живущей в окрестностях, который получал электрошоковую терапию, остался хронически больным и зависел от социальной службы и от своих престарелых родителей. Внезапно реальность, которая была у пациентки в голове, стала понятной. Она сама была заперта в палате для пациентов-психотиков. Ужас и отчаяние от возможности иметь такую же судьбу из-за ее нынешней ситуации был темой всего, что она говорила, что воспринималось как психоз, а теперь можно было перевести на обычный язык. С помощью конструкции такого рода она смогла говорить о мучительной теме простыми словами. Несколько примеров: пациентка жаловалась на голоса, которые ее мучают. Исследование показало, что это были реальные голоса людей, которые доносились с улицы через открытые окна вместе с шумом транспорта и напоминали о лете и о здоровом мире снаружи, от которого она была изолирована. Она сказала, что это болезнь вызвала у нее такую глубокую горечь, что она даже не хочет верить во что-нибудь лучшее. Мысль о психически здоровых людях вызывала у нее отвращение и отталкивание. Она заявила: «Само зрелище еды вызывает у меня омерзение». Однажды она перешла к обвинениям: «Это место – театр, и все только играют». На замечание, что она, конечно, хотела бы, чтобы это было так, она продолжила словами: «Ах, если бы это был всего лишь театр, но это даже чересчур реально и истинно. Я пытаюсь найти способ убежать от того, что это истина. Если бы это был только кошмар, но нет, это на самом деле так».

После установления контакта с пациенткой стал возможен разговор, и она начала быстро поправляться. Ее выписали из больницы через две недели без каких бы то ни было симптомов. Психологические тесты на этой стадии не дали никакого указания на психотическое нарушение мышления. Однако амбулаторное лечение было невозможно, и выздоровление не было окончательным.

В своей книге «Основы психоанализа» Грюнбаум (Grünbaum, 1984) представляет свою сенсационную критику научных основ психоанализа. Вначале Грюнбаум признает достоинства Фрейда как ученого, указывая, что Фрейд поднимается над своими критиками с позиции разных философских ориентаций. Затем он начинает казнить Фрейда в одиночку, раскрывая доминирующую слабость в его мышлении, слабость, которую не заметили другие. Когда Фрейд говорит, что объяснение или интерпретация, предлагаемые аналитиком, должны как-то соответствовать тому, что имеет в виду анализанд, Грюнбаум утверждает, что фрейдовский довод соответствия не выдерживает никакой критики. На самом деле психоанализ занимается не реальностью, он зависит от произвольной суггестии, поскольку «в уме» нет ничего, с чем что-то могло бы совпадать в эпистемологическом смысле. То же самое относится к интерпретации сновидений, которая по той же самой причине неверна в эпистемологическом смысле, а состоит просто из суггестий. Клинический пример, предложенный здесь, настолько прост и прозрачен, что нет ни малейшего сомнения, что «что-то» существует в уме пациентки, для чего можно сконструировать сцену так, чтобы пациентка сама способна была представить это «что-то» таким образом, чтобы это поняли все, поняли так, что это совпало бы с тем, что у нее в уме. Успешные психоаналитические конструкции в принципе всегда похожи на то, что представлено здесь, даже когда они выражены в теоретических терминах, таких как психические механизмы. Они предлагают релевантный контекст, сцену психического события, к которой принадлежит диссоциированное содержание.

ДИСКУССИЯ

Каким бы неизбежным ни казался ход двух описанных анализов, вовсе не обязательно, что путь, который был выбран, был единственно возможным и что другой, менее драматичный путь не привел бы также к тому же самому конечному пункту. Можно, пожалуй, найти моменты в ходе работы, когда сделанные ошибки и упущенные детали осложнили анализ.

Однако это несущественная точка зрения, поскольку она содержит идею, что для психоанализа существует надежный, безопасный и правильный путь, на котором описанные ситуации не встретятся. Правильная дорога – это любая дорога, которая устраняет диссоциации, подходим ли мы к ним с севера или с юга, с востока или с запада. Ни с одной из этих дорог нельзя справиться исключительно при помощи общего предварительного понимания. На какой-то фазе аналитик полностью вынужден доверять своим личным конструкциям, вполне осознавая, что другой аналитик в такой же точно ситуации может использовать совершенно иную конструкцию в соответствии со своими собственными возможностями.

Кеннеди (Kennedy, 1990) описывает случай, который имеет интересный общий со случаем миссис А. момент, а именно вопрос, что реконструируется: раннее воспоминание или фантазия? Для начала Кеннеди утверждает, что трудные перерывы в коммуникациях неизбежны при анализе психотических и суицидальных подростков и взрослых. Этого нельзя избежать, даже используя самые лучшие техники ни путем анализа переноса, ни путем понимания. Аналитик должен быть способен выносить напряжение долгие периоды времени, когда невозможно войти в контакт с анализандом. Это может быть неизбежно для того, чтобы стало возможно анализировать сердцевину произошедшего срыва. Его анализанд, юноша семнадцати лет, пришел на анализ после своей второй попытки самоубийства. Мать сказала мальчику, что его сестра-двойняшка была абортирована во время первых месяцев беременности. Значимость этой информации стала очевидна только позже в анализе. Хотя клиническое состояние анализанда улучшилось в течение первых восемнадцати месяцев анализа, сам анализ никак не продвигался, топтался на одном месте, его ход не был понятен. Анализанд в основном продолжал молчать, и аналитик не мог понять причины этого молчания. Он знал из опыта, что в такой ситуации ответственность становится трудно выносить, и появляется искушение «сделать что-нибудь»: сдаться, закончить, посоветовать пойти к другому аналитику, установить

параметры и т. д. В течение отпуска размышляя об этом случае, аналитик пришел к выводу, что молодой человек упрямо пытается усилием воли умертвить его и что эту идею следует рассмотреть более пристально. Безжизненная атмосфера, установившаяся на сеансах, была совершенно противоположна возбужденному чувству, сопутствующему началу анализа. Аналитик сформировал в уме конструкцию, согласно которой объектные отношения пациента были таковы по природе, что он не мог жить, не уничтожая и не делая партнера безжизненным. В анализе была поднята такая тема: пациент едва может выносить жизнь в собственном теле, слишком много жизни – это невыносимо. Наконец аналитик предложил следующее: для анализанда аналитик стал мертвой сестрой, чью жизнь он украл, или матерью, которая полностью предана этой сестре. К его удивлению, реакция пациента на эту *реконструкцию* (термин Кеннеди), как непосредственная, так и в дальней перспективе, содержала облегчение. Кеннеди добавляет: «Это сопровождалось *переживанием истины*» (курсив наш). Такая конструкция стала возможна только после того, как сам аналитик пережил безжизненность, которую нужно было понять. Убийственные и саморазрушительные устремления пациента прежде обсуждались многократно, но в неправильном контексте. Ему не принесла бы пользы эта конструкция, пока он не прошел через «сердцевинный сбой» в анализе. Кеннеди не рассматривает возможность раннего внутриутробного воспоминания об абортированной двойняшке, но предполагает, что информация, сообщенная матерью, стала частью фантазийного мира анализанда. Мы хотим подчеркнуть центральную важность успешной конструкции, в соответствии с которой саморазрушение пациента было помещено в значимый контекст.

Мы считаем, что травма кормления в раннем младенчестве, драматизированная миссис А., имеет природу покрывающего воспоминания, содержащего значительное количество последействия (*Nachträglichkeit)*, отсроченной психической работы. Конструкция смогла ухватить разыгрываемую ею драму. Тем не менее, мы не отрицаем роли элементов очень

ранних воспоминаний. Важность подлинного довербального и дофантазийного материала, включенного в покрывающее воспоминание, невозможно переоценить. Трудно знать количество предфантазии в нашем поведении: аффекты, витальные аффекты, предрефлексивные первичные состояния Я (Stern, 1985), двигательные и другие телесные ощущения и т. д.

Бьерн Киллингмо использует термин «утвердительная интервенция» (Killingmo, 1989) приблизительно в том же самом смысле, как мы используем термин конструкция. Конструкция пытается открыть дверь, в которую стучится анализанд (метафора Киллингмо). Мы можем также сказать, что успешная конструкция дает возможность анализанду сознательно или бессознательно пережить психическую сцену, распознать тот же самый элемент в собственном переживании, который подтверждается утвердительной интервенцией. Мы пришли почти к тем же практическим результатам, что и Киллингмо, другим путем, отталкиваясь от понятия конструкции у Фрейда. С нашей точки зрения, «утвердительная интервенция» – это подкласс конструкции. Это такая конструкция, которая предлагает особый аспект ситуации здесь и сейчас в анализе в качестве психической сцены для переживания анализанда и позволяет ему ухватить смысл того, что он переживает. Возможно, мы распространяем наше представление о конструкции слишком далеко, но это имеет как минимум следующие положительные стороны: 1) отсылает к истории психоанализа и интегрирует понятие конструкции, которое было оставлено в особом состоянии забвения; 2) содержит точку зрения, согласно которой конструкцию можно использовать в патологии на всех уровнях, не только в патологии тяжелой степени дефицита, где потребность в конструкции, несомненно, особенно остра; 3) указывает, что конструкция необязательно должна быть «утвердительной»; важно понимание соответствующего контекста.

Когда знакомишься с иллюстрациями случаев в недавней литературе (например: O'Shaugnessy, 1990; Smith, 1990), можно наблюдать, что вмешательства, которые можно харак-

теризовать как конструкции, достаточно обыденны, хотя их чаще всего называют интерпретациями. Истории случаев часто представляют описание успешных конструкций; интерпретативная работа, которая затем следует, пропускается как нечто самоочевидное, и приводятся примеры того, как все стало на место, после того как был найден правильный контекст. Впечатление успешной аналитической работы часто появляется, когда релевантная психическая сцена, правильный контекст найдены средствами успешных конструкций. Если этого нет, то материал случая неубедителен, и сложное теоретическое обсуждение его не спасает.

ЛИТЕРАТУРА

Bonaparte M. (1945). Notes on the analytic discovery of a primal scene. Psychoanal. Study Child, 1: 119–125.

Faimberg H. (1989). Personal communication.

Faimberg H & Corel A. (1990). Repetition and surprise: a clinical approach to the necessity of construction and its validation. Int. J. Psychoanal., 71: 411–420.

Freud S. (1915). The unconscious. S. E. 14.

Freud S. (1937). Constructions in analysis. S. E. 23.

Grünbaum A. (1984). The Foundations of Psychoanalysis. A Philosophical Critique. Berkeley: University of California Press.

Holland N. (1986). Twenty-five years and thirty days. Psycho-Anal. Q., 52: 23–52.

Kennedy R. (1990). A severe form of breakdown in communication in the psychoanalysis of an ill adolescent. Int. J. Psycho-Anal., 71: 309–320.

Killingmo B. (1989). Conflict and deficit: implications for technique. Int. J. Psychoanal., 70: 65–80.

Loch W. (1988). Reconstructions, constructions, interpretations: from the “Self-Ego” to “Ego-Self”. Bull. Europ. Psychoanal. Fed., 31: 33–66.

O’Shaugnessy E. (1990). Can a liar be psychoanalysed? Int. J. Psycho-Anal., 71: 187–196.

Pasche R. (1988). The “… work of construction, or, if it is preferred, of reconstruction…” Bull. Europ. Psychoanal. Fed., 31: 15–27.

Rechardt E. (1971). Skitsofreniapotilaan kieli. Duodecim., 87: 1591–1599.

Riesenberg-Malcolm R. (1988). Construction as reliving history. Bull. Europ. Psychoanal. Soc., 31: 3–12.

Searles H. (1962). The differentiation between concrete and metaphorical thinking in the recovering schizophrenic patient. J. Amer. Psychoanal. Assn., 10: 22–49.

Smith H. (1990). Cues: the perceptual edge of the transference. Int. J. Psychoanal., 71: 219–228.

Stern D. (1985). The Interpersonal World of the Infant. New York: Basic Books.

Tausk V. (1919). On the origin of the “influencing machine” in schizophrenia. Psychoanal. Q., 2: 261–281. (1933).

Фантазии первичной сцены, катексис Я и то, как они отражаются в психоаналитической ситуации

Пентти Иконен и Эро Рехардт

С тех самых пор как З. Фрейд в своей знаменитой работе «Из истории инфантильного невроза» указал, что психопатология «Вольфсмана» («Человека-волка») основывалась на наблюдении первичной сцены, фантазии о первичной сцене и патогенный эффект наблюдения первичной сцены чрезвычайно интересуют психоаналитиков. Со времен Фрейда о первичной сцене писали в литературе как о детской фантазии или как о травматичном детском опыте, имеющем далеко идущие последствия и опасное воздействие на последующее психопатологическое развитие. Исследователи пытались ответить на вопросы: является ли наблюдение первичной сцены универсально патогенным? Ведет ли оно к какому-то типичному виду патологии? Какого рода наблюдения первичных сцен можно обнаружить в различных культурах, и объясняет ли оно патологическое развитие во всех культурах? (Blum, 1979; Myers, 1979). Аналогичные вопросы можно, конечно, поднять и относительно детских фантазий о первичной сцене.

Наш подход к этому вопросу совсем иной. Хорошо известен тот факт, что для возникновения фантазий о первичной сцене вовсе не обязательно ее наблюдать. Мы хотим рассмотреть фантазии о первичной сцене не с позиции генетических взглядов, а с той точки зрения, что это усилие ребенка и позднее взрослого придать форму сексуальному и нарциссическому либидо. Они являются мощным отражением необходимой потребности человека придать форму своим влечениям

при конкретных внешних условиях. С этой точки зрения, фантазии о первичной сцене отражают бессознательный способ человека справляться со своим либидо на протяжении всей жизни. Конечно, их содержание и развитие также вплетены в психоаналитический процесс. Фантазии о первичной сцене, таким образом, являются частью результатов психической работы, которую каждому приходится проводить со своей собственной сексуальностью.

Еще один подход к интерпретации фантазий о первичной сцене, как нам представляется, это то, что младенец не может катектировать ни использование сексуальных функций, ни их психическое содержание, практикуя их совместно со своими родителями или с окружением, заботящимся о нем. В этом отношении сексуальные функции младенца находятся в особом положении по отношению к его прочим телесным функциям. В попытках исправить эту депривацию ребенок создает фантазийные Я-объекты, протофантазии своих сексуальных родителей, с которыми в форме фантазий первичной сцены он затем может разрабатывать использование своего либидо в направлении своего образа взрослости.

Мы сначала опишем эти интерпретативные подходы, для того чтобы можно было описать их клиническое использование.

ФАНТАЗИИ О ПЕРВИЧНОЙ СЦЕНЕ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ СВЯЗЫВАНИЯ ЛИБИДО

Ребенок озабочен постоянной и фундаментальной проблемой связывания либидо и неустанно ищет форму для своей пока еще бесформенной сексуальности. Вот это-то и называется детская полиморфичная извращенная сексуальность. Попытки ребенка достичь такого рода сексуальности, которая будет выполнима в мире взрослых (так, как он понимает этот мир), составляют обобщенную модель эдипова комплекса (Waelder, 1960). Когда ребенок не может принимать участие в сексуальности родителей/взрослых, он вынужден складывать собственное сексуальное Я путем использования фантазийных объектов (протогештальтов), выступающих

в качестве Я-объектов. Он вынужден складывать свое сексуальное Я таким образом даже в той части себя, которая позднее используется в сексуальном взаимодействии с партнером или объектом. Поступая так, он катектирует свою сексуальность таким способом, который позднее будет источником различных проблем.

Выстраивая себя с помощью фантазийных объектов в сознательных или бессознательных фантазиях, ребенок катектирует, сосредоточив почти полностью на себе, те функции Я, использование которых на самом деле заключается во взаимодействии с кем-то еще. В отношениях с реальным объектом эти фантазийные части Я функционируют не особенно хорошо, а то и вовсе не функционируют. Поэтому затем поневоле возникает необходимость отказаться от тех объектов или тех частей Я, которые обеспечивали удовлетворение в фантазии. Такой конфликт неизбежно приводит к угрозе несвязанного либидо или к переживанию чувства неуверенности, беспокойства, тревоги или паники (Ikonen, Rechardt, 1980). Проблема в ее наиболее обычной форме такова: сохранять ли мне объект и отречься от самореализации, т. е. от моих фантазий первичной сцены, или мне реализовать себя, т. е. мои фантазии первичной сцены, и отказываться вновь и вновь от объекта? В каждом из нас есть часть, которая хотела бы сказать, если бы могла: «Мне хотелось бы исполнять свою любовь своими собственными особыми способами. Но кто может понять меня и тем более мое безумие?»

Здесь перед нами проблема признания своим своего сексуального тела, проблема, которую человеческому существу особенно трудно решить. Тут мы хотели бы подчеркнуть, что в связи с мастурбацией и мастурбационными фантазиями сексуальная функция Я катектируется особенно. Мы имеем в виду работу Лауфера (Laufer, 1976) о центральной важности мастурбационных фантазий. Он указывает, как природа катектических связываний, сформированных ко времени вхождения в пубертат, задает направление всей последующей жизни.

ФАНТАЗИИ О ПЕРВИЧНОЙ СЦЕНЕ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАРЦИССИЗМА И ЭДИПАЛЬНОСТИ

Путем участия в активности ребенка – либо предлагая помощь, либо подавая пример, либо участвуя в деятельности как партнеры – родители поддерживают нарциссический катексис соответствующих функций и частей я. Это может быть также достигнуто словесными похвалами достижений ребенка. Однако такого рода поддержка не касается сексуальных функций или сексуальных частей Я ребенка. Чаще всего есть тенденция подталкивать их к декатектированию или клеймить их как запретные. И поэтому сексуальная самооценка человека почти повсеместно формуется как что-то приниженное, постыдное и двусмысленное. Более того, эта сниженная сексуальная самооценка связана с особой подверженностью человека генитальной травме (термин Х. Дойч), с завистью между полами и с защитными структурами, выстроенными против того и другого.

Далее в этот сложный клубок проблем вплетается следующая тема. Когда во время первой фазы сексуального созревания ребенок не может участвовать в сексуальных активностях взрослых и взрослости, не способен катектировать свои сексуальные функции и эквивалентные им части своего Я в реальных условиях, с реальными партнерами, то катектическая рана, нанесенная таким образом Я (нестабильное связывание нарциссизма и сексуальности), и переживаемая исключенность фактически связаны воедино. Тема включения или исключения задевает, причем весьма глубоко, не только объектные отношения, но и самооценку, и самокатексис.

Хотя кажется, будто тема исключенности или включенности относится к объектным отношениям, может позднее в жизни действовать, в первую очередь, как попытки регулировать катексис Я, как тема, обеспечивающая модель самооценки. Она, однако, действует в этом качестве не напрямую и не непосредственно, а через посредство фантазий о включенности и исключенности. Тема включенности или исключенности, так часто встречающаяся в психоаналитической ситуации, является точкой пересечения фантазий о первичной

сцене, катексиса Я, а также нарциссических и эдипальных проблем. С нарциссической точки зрения, в эту тему включены амбивалентные, часто даже одновременные значения: «Не ради объектных отношений или практических причин, но чтобы быть хоть кем-то, мне нужно быть включенным в определенные вещи определенным образом. Иначе я ничто, и жизнь не имеет никакого смысла».

«Мне абсолютно необходимо избежать вовлечения в определенные вещи, иначе я рискую превратиться во что-то совершенно иное (т. е. вынужден буду катектировать себя новым, незнакомым образом) или буду уничтожен (т. е. буду вынужден отказаться от моего нынешнего самокатексиса)».

Фантазии первичной сцены, таким образом, содержат нарциссический аспект, отражающий неполный катексис Я и попытки компенсировать его. Они также содержат эдипальный аспект. Фантазии первичной сцены отчасти можно понять уже из сознательных фантазий ребенка. Что еще может означать вырасти и жить такой жизнью, к которой стоит стремиться, как не включенность в жизнь родителей/взрослых? Что еще может в уме ребенка быть дверью во взрослость, кроме двери в спальню родителей? Оказаться снаружи за этой запертой дверью означает, что ты беспомощен, что тебя оттолкнули и оставили в одиночестве. Мы надеемся, что эта дверь будет открыта, когда мы, наконец, вступим во врата рая. Снаружи этой двери находится полнейшая пустота, бездна, вечная жгучая боль неудовлетворенности – ад. В глазах ребенка жизнь взрослого полна завиднейших возможностей. Каждый должен решать для себя, стремиться ли ко взрослости через дверь родительской спальни, чтобы участвовать в жизни вместе с компетентными родителями, или развивать свои собственные умения, свои собственные эмоциональные отношения и свою собственную жизнь. Оливер Флуорной (Fluornoy, 1979) говорит о своем собственном опыте: психоанализ следует закончить, когда анализанд оставил своих родителей, чтобы жить самостоятельно, и сам начал создавать значимые отношения в своей собственной жизни. Когда такое происходит, становится возможным сосуществование между детьми,

живущими своей собственной жизнью на своих собственных условиях, и родителями на их условиях. Когда эта фаза достигнута, катектирование собственного Я и собственной сексуальности продвинулось достаточно, и эдипальная ситуация утратила свое объектно-либидное и нарциссическое значение, и все это отражается в содержании фантазии о первичной сцене, актуальном на данный конкретный момент.

ФАНТАЗИЯ О ПЕРВИЧНОЙ СЦЕНЕ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Наш подход в этой статье относительно фантазий о первичной сцене таков: рассматривать их как проводящую среду, необходимую для создания внутренней сцены для постановки спектакля, в котором принимается как своя и формуется собственная сексуальность. Они отражают фактическую экономию либидо и проблемы взятия Я в свое владение, т. е. Я-катексис. Фантазии о первичной сцене являются значимыми в психоаналитической ситуации как многофасеточные отражатели реальных проблем. Они раскрывают проблемы связывания либидо, нарциссические проблемы, проблемы сексуальных катексисов и эдипальные проблемы, по мере того как те возникают в ходе психоаналитической ситуации.

Как следует воспринимать фантазии о первичной сцене, как их читать и как их интерпретировать?

В фантазиях о первичной сцене или в бессознательно связанных с этим переживаниях партнерами могут быть люди, животные, природа или природные стихии. Пьеса часто оказывается величественной, драматичной, страстной или полной насилия. Субъект может переживаь ее как сторонний наблюдатель, бессильный перед ней, встревоженный или подавленный ею. Он может переживать себя как пассивный объект, иметь пугающее чувство, что его во что-то втягивают, или страстное чувство проникновения во что-то и даже мучительное чувство, что его оттолкнули в сторону. Переживания, которые бессознательно связываются с фантазиями о первичной сцене, могут представляться крайне блистательными или крайне подозрительными. Очень часто это события,

в которых человек должен всецело участвовать, или которых должен старательно избегать, или которые должен полностью контролировать. Наши бессознательные фантазии о первичной сцене, возможно, очень часто являются причиной, почему мы находим таким трудным поверить, что происходит что-то стоящее, когда мы не можем почувствовать себя участниками. Деструктивность, бесформенность и грандиозность, так часто характеризующие фантазии первичной сцены, в нашем представлении как бы отражают несвязанность и бесформенность их стремлений, незаконченное состояние их работы с собственной психикой. Из этого происходит природа детских фантазий о первичной сцене, часто полная насилия и диффузная. По ходу продвижения психической работы содержание фантазий первичной сцены начинает походить на социальные ситуации, которые содержат переживание описанных выше качеств.

Анализанд всегда приходит на анализ с целью восстановить свой нарциссизм (Grunberger, 1979; Miller, 1979), поэтому сам анализ как таковой втягивается в попытки латания нарциссизма, связанного с фантазиями первичной сцены: анализанд надеется, что психоаналитическая ситуация будет работать как средство для переживания включенности или станет объектом включенности. Точно таким же образом он равно стремится сделать психоаналитическую ситуацию средством для избегания включенности или объектом этого избегания. Чаще всего в аналитической ситуации отношения бывают амбивалентные, сформированные этими двумя аспектами. Твердо связано с этой темой желание использовать психоанализ и психоаналитическую ситуацию как средство и/или объект контроля.

По сути, объект психоаналитического процесса должен достичь осознания защитного Я-катексиса и катектических структур Я-объектов, содержащихся в этом стремлении. Эти структуры являются защитными в том смысле, что они содержат стремление избежать того, чтобы проблемы реально завладели Я, стремление избежать трудностей Я-катексиса путем катектирования и использования всемогущества

родителей/аналитика. Анализанд стремится разрешить проблему взятия под свою власть Я примерно таким же образом, как младенец вынужден делать это в начале своего развития, вместо самого себя катектируя мать. Реакция анализанда на это его стремление часто крайне амбивалентна: это единственный способ взять под свою власть Я и в то же самое время это разрушение реального Я. Цель аналитического процесса – отметить реальный путь и показать истинное решение, как стать хозяином своего Я и войти в состояние взрослости.

Пример 1

Анализанд – Винсент, молодой человек, чей анализ у аналитика-женщины шел хорошо и теперь подходит к концу. Ниже приводится материал двух сессий с комментариями.

Винсент рассказывает аналитику, что приближающийся летний отпуск наводит его на мысль о том, что анализ закончится в ближайшем будущем, возможно, следующей осенью. Он тогда утратит поддержку, которую давал ему анализ. Конец, однако, неизбежен, и он связан с событиями, которые произошли этой весной.

На следующей сессии он рассказывает сновидение: «Я пришел в ваш дом или офис. Я не уверен, вроде бы другой пациент сказал мне, что у вас бывают сексуальные контакты с вашими клиентами. Когда я спросил, что думает ваша семья о таком поведении, вы сказали мне, что это часть вашей работы, что вы хотите, чтобы ваши клиенты получали всевозможные стимулы и переживания. Затем я пришел посетить ваш офис, и вы были там не то обнаженная, не то полуодетая. Я начал чувствовать сексуальное возбуждение, но у меня нет воспоминаний о том, что что-то произошло… была в сновидении часть, когда я пошел в туалет в вашем доме писать. Ваши дети заглядывали в щелочку и протестовали: „Он туда пошел“. Они следили, чтобы я не испачкал стены. Дополнительная подробность: стены в сновидении были темного оттенка, как у моих родителей в гостиной».

Ассоциации: «Сновидение было, возможно, подсказано вчерашним обсуждением завершения анализа. Все может

и должно обсуждаться». «Приходит на ум мать, трудно думать о сексуальности матери. Тогда, похоже, возникает ревность, и я не смею думать о матери как о сексуальном существе». Эта тема повторяется анализандом в различных выражениях, пока аналитик не начинает чувствовать, что Винсент что-то утаивает о сновидении и его деталях. Она отмечает, что сновидение явно было связано с матерью, хотя в этом сновидении была она сама (аналитик), и она спрашивает мнение Винсента. Он колеблется, затем говорит, что хотел бы выкинуть все это из головы: «Сексуальные мысли, которые у меня, несомненно, есть о матери и о вас, с ними трудно справляться. Мне только что пришло в голову, что на прошлой неделе на вас была прозрачная блузка. Я гадал, какого рода мысли мой аналитик хочет возбудить во мне». Аналитик отмечает, что Винсент думает, что она хотела быть соблазнительной. Винсент: «Но это было также разрешением мне говорить об этих вещах». Остаток сессии Винсент говорит про Хельсинки летом и женщин там, которые производят на него сильное впечатление: «Это нелегко сказать, но я теряю свой душевный покой». Он описывает очаровательных женщин, которых он видел в последнее время. В присутствии матери он не смеет смотреть на них открыто, а поглядывает в заднее зеркало автомобиля, потому что ему кажется, что смотреть на девушек абсолютно запрещено.

Фантазия первичной сцены, содержавшаяся в сновидении, и другой материал этой сессии отражают катексисы сексуальности и эдипальную ситуацию, которая была неплохо проработана. В психоаналитической ситуации Винсент ищет нарциссической репарации своего детского переживания стороннего наблюдателя с чувством вины в сексуальной жизни своих родителей. Теперь, по его представлению, он больше не является сторонним наблюдателем в сексуальной жизни взрослого мира аналитика, а сам участвует в нем. В ассоциациях отражается также тот факт, что он больше не хочет быть частью жизни матери/аналитика; собственно говоря, они могут делать или думать все, что им угодно. Он сам имеет искушающие возможности в своей собственной жизни.

Пример 2

Это очень подходящий случай совершенно обычной и не драматической аналитической сессии, однако с присутствием темы фантазии о первичной сцене. Анализанд – Лиза, молодая замужняя женщина. Проблема, представленная во время сессии, такова: как мне использовать себя и свою сексуальность? Как мне катектировать себя? Делать ли мне это, пытаясь войти в мир фантазий о первичной сцене аналитика или оставаясь вне ее? У нее есть дальнейшая фантазия, что удовлетворяющая сексуальная жизнь возможна только в мире фантазий о первичной сцене аналитика.

Оказавшись на кушетке, первое, что наблюдала Лиза: аналитик входит в комнату с чашкой кофе в руке. Эта мелкая деталь заставила ее почувствовать себя неуютно, ей казалось, что она прервала аналитика во время перерыва. После этого она рассказала ему о том, что прошла мимо магазина сумочек по пути в его офис. Магазин напомнил ей о сновидении, в котором подруга А. собиралась расстаться со своим мужем из-за того, что она нашла прекрасную новую любовь. А. и аналитик принадлежат к одному и тому же миру, а Лиза абсолютно вне его. Она подчеркивает, как она несчастна, и рассказывает еще одно сновидение, которое у нее было двумя годами ранее, в то время, когда начался анализ. В том сновидении у А. был роман с аналитиком. Она вошла в комнату и обнаружила, что она им помешала. Она им объяснила, что просто зашла за своей сумочкой, а затем уехала вместе со своим мужем на парном велосипеде (тандеме).

Лиза чувствует, что аналитик не хочет слушать о том, как ей жалко себя. Он очень требователен и не позволяет ей быть депрессивной, беспомощной. Она нынче чувствует только жалость к себе. Затем она начинает говорить о том, в какой она хорошей форме на своей работе. Она почувствовала себя довольной и начала принимать транквиллизаторы по вечерам. Они помогают ей хорошо спать, так что с утра она в хорошей форме для работы. Если полностью отказаться от сексуальной жизни, то легче активизировать внимание. Когда

аналитик спрашивает, на чем она хочет сосредоточиться, она начинает пробовать это слово на вкус, находя в нем что-то отвратительное, как если бы оно было связано с сексуальной жизнью. Аналитик замечает, что Лиза, по-видимому, чувствует, что вопрос стоит так: либо работа, либо сексуальная жизнь. Лиза откликается с гневом: конечно, нет, она не чувствует ничего подобного; конечно, она наслаждается удовлетворяющей сексуальной жизнью, но она хочет избавиться от неудовлетворяющей. Аналитик цитирует Библию: «Если рука твоя искушает тебя, отсеки ее». Лиза сердится еще сильнее: она надеется, что аналитик в глубине души способен ее понять, несмотря на то, что он, вероятно, нарочно ее провоцирует. Она никогда не говорила, что ей не нравится сексуальная жизнь, аналитик совершенно неправильно ее понял.

Желание, выраженное анализандкой, по-видимому, таково, чтобы аналитик принял ее и ее сексуальность как часть своего ценного мира первичной сцены, но в то же самое время она хочет не предпринимать никаких шагов, чтобы стать хозяйкой собственной сексуальности. Сцена для проблемы, как стать хозяйкой своей сексуальности, – это мир фантазий первичной сцены, а не реальная жизнь.

Пример 3

Джейн – молодая замужняя женщина. Она обратилась на анализ из-за депрессии, которая началась и прямо-таки парализовала ее сразу после свадьбы, особенно после рождения ребенка. На первом плане анализа были ее интеллектуальные способности и активность. Это ее самая непроблематичная область, потому что вскоре трудности с тем, чтобы быть хозяйкой собственного тела, становятся все более очевидными. Она страдала от различных мелких физических заболеваний и симптомов, которые делали ее тревожной и нерешительной. Они одолевали ее, но как бы она ни боялась этих симптомов, она еще больше боялась обратиться с ними к врачу. Похоже было, что она переживает свои проблемы по-детски беспомощно. Ни ее профессиональное образование, ни ее общая интеллектуальность, казалось, не помогали ей понять

собственное тело. Каждый раз, как она обращалась за советом к медикам, она так или иначе бывала разочарована. Эти попытки, похоже, только ухудшали ситуацию. Со времени пубертата она чувствовала, что стыдится собственного тела. Особенное чувство деградации вызвала беременность. Ее отношение к сексуальности было истерически амбивалентным. Она надеялась войти в мир аналитика с помощью своего интеллекта, выдавая интеллектуальные идеи. У нее один ребенок, но мысль о новой беременности и родах ее пугает. Она описывает свою мать как энергичную женщину, которая в юности любила спорт, но на какой-то фазе ее жизни мать страдала от симптомов по типу анорексии, а также она была в смертельной опасности во время родов. По мнению Джейн, здоровье ее матери было навсегда физически разрушено рождением ее единственного ребенка. Джейн описывает свою мать как исключительно умную и интеллектуально разнообразную женщину, та много читает, и у нее исключительно хорошая память.

Два различных настроения и характерные для каждого фантазии преобладают на протяжении всего анализа. Первое настроение, которое присутствовало в самом начале, несколько гипоманиакальное. У Джейн создалось ощущение, что она участница чего-то, у нее есть роль в ее профессии, в жизни и даже в мире аналитика. Она испытывает желание выполнять те задачи, которые связывают ее с аналитиком; общие задачи в профессии, общие цели в планах обучения, культивирование теоретических и интеллектуальных элементов сходства между ней и аналитиком. У нее есть фантазии о родстве душ, может быть, даже об общих родственниках. Другое настроение слегка депрессивное. Она чувствует тогда, что она находится вовне, исключена, ей нигде нет места, даже в мире аналитика. Аналитику нет до нее дела, он не заинтересован в том, чтобы втянуть Джейн в свой мир, она сама от всех таких целей отказалась. В противовес этому она в своем разочаровании мстительно желает найти средство для сепарации. Она отрицает любое сходство в роде занятий, ее мышление совершенно противоположно мышлению аналитика, и она

хочет направить свое развитие в таком направлении, которое никак не будет связано с его интересами. Она чужая, и ей мстительно хочется вытолкнуть аналитика из своей жизни.

Во время одной сессии Джейн сообщает, что ей предстоит экзамен, довольно простой, но который теперь разросся в ее воображении до непропорциональных размеров и вызывает у нее серьезные опасения, пройдет ли она его. У нее фантазии, что ее втаптывает в грязь и дурно с ней обращается какое-то жестокое существо. Накануне ночью у нее было сновидение, в котором был дом со множеством коридоров, трупов, умирающих, совокупляющихся пар, комнат, в которые нельзя войти. Такие сновидения у нее бывали неоднократно.

Сновидение вызывает у нее ужасные ассоциации с тем временем, когда ей было 4–5 лет. Ее отец едва не умер в ходе срочной хирургической операции. Ее мать была совершенно одна, врачи давали ей ложную информацию, она была очень расстроена и совершенно без денег. Отец после долгой госпитализации выжил, но затем мать совершенно внезапно заболела и попала на операцию, которая привела к осложнениям. Отец все еще был в постели дома, выздоравливая, мать в больнице, а в доме чужая женщина заботилась о девочке и ее отце. Интерпретация аналитика: экзамен требует пользоваться своими собственными умениями, а признаться в собственных умениях – это так же пугает, как быть взрослой, т. е. уязвимой для всех тех опасностей, что едва не унесли ее отца и мать.

Сдача экзамена стимулирует у Джейн фантазию о первичной сцене. Ее собственные болезни суть повторение ранних травматических переживаний: она живет под тенью болезни, которой она не понимает и лечение которой полно ошибок и неверных советов. В анализе последовала фаза, во время которой проводилась работа с воспоминаниями о ранней травме и их воздействии на настоящее. Многие воспоминания, которые возникали, были новыми даже для Джейн, и они помогли реконструировать переживания того периода. Болезни Джейн, вызывающие дистресс и почти смятение, закончились, и отношение к ее хворям пошло на иной ноте.

Фантазии о жизни родителей были не только пугающие. Они включали немалую долю идеализации, любопытства и зависти, как показывает следующий материал. В сновидении аналитиком Джейн был на самом деле не он, а его жена. Она говорила ей: «Я страдаю акрофобией. Я могу выдержать только такую высоту, с которой я могу спрыгнуть». В сновидении где-то была башня. Временный аналитик, жена настоящего аналитика, очень сердилась и говорила: «И вы мне раньше об этом не сказали; а я, знаете ли, знать хочу».

Ассоциации: Джейн однажды взобралась на высокую башню со своим мужем, и он очень сердился из-за того, что она боялась. Аналитик Б. действует холодно, используя такие выражения как «теперь она попалась, теперь все раскрылось». Мысли Джейн останавливаются. Комментарий аналитика по поводу сновидения: «Может быть, сновидение связано с любопытством?» На что Джейн отвечает: «И завистью! Я была в очень плохом настроении, потому что мой муж шел на вечеринку, на которую мне не хотелось. Я хотела вместо этого пойти в город с подругой. У меня все внутри переворачивается даже от мысли об этой паре К. и об аналитике Д., которые будут присутствовать на вечеринке. Я никогда не хочу видеть жену моего аналитика. Она, должно быть, неприятная старая карга и держится абсолютно свысока. В чем секрет, что она так хорошо ладит с моим аналитиком?» Аналитик: «Сновидение было вдохновлено завистливым и любопытным чувством, созданным фантазиями о жизни аналитика и родителей: „В чем секрет? Я должна знать“. Ее подруга для нее как сестра, сестра, которую ей всегда хотелось иметь для обороны/защиты от переживания, связанного с тем, что она находится вне родительских отношений». Та же самая тема продолжалась в сновидении, о котором говорилось на следующей сессии. Она соблазнила своего мужа на сексуальный контакт, но осталась неудовлетворенной и сердитой. Она стыдится своего брака. У нее невыносимое чувство, что она третий лишний в фантазируемой, по настоящему ценной жизни первичной сцены родителей/аналитика. Тема повторяется во время следующих сессий. У нее нет никакого будущего, у нее не тот

аналитик и не тот муж. В ее жизни ничего не происходит такого, чего она ожидает. Чтобы получить от анализа то, что она на самом деле хочет – она сама не знает, что это такое, – она скрывает, что она здорова и способна работать между сессиями, и ведет себя как больная и «чокнутая». Она чувствует себя больной, странно и упрямо, но прежнее качество дистресса и смятения отсутствует.

Джейн начинает одну сессию с замечания, что с тех самых пор, как она стала взрослой, она все время больна; она страдала от воспаления горла, ушей и рта. У нее были боли в животе, гинекологические симптомы и проблемы с носоглоткой. «Я никогда больше не хочу ребенка. Это самое худшее, что я только знаю». По пути в офис она встретила другую анализандку, когда та уходила. Встреча вызвала раздражение. Эта женщина, похоже, плакала? Произошло что-то важное и серьезное. «Ничего подобного никогда не происходит со мной». Аналитик предлагает Джейн остановиться и рассмотреть эту фантазию: что-то более важное, происходящее с другой клиенткой, а не с Джейн. «Вы меня не понимаете, когда я говорю вам о моих болезнях. Вы принимаете все слишком буквально, или вы потом преуменьшаете все, что я говорю, вы всегда откликаетесь не так. Я всегда чувствую себя оскорбленной, когда вы пытаетесь говорить о моих болезнях. Я бы хотела заплакать, как та, другая женщина». Аналитик указывает, что, возможно, Джейн хочет использовать отверстия своего тела отважно и свободно, что она хочет плакать из глубины сердца, использовать свое тело, свои аффекты, свои телесные отверстия. Он также предполагает, что болезни Джейн связаны с отверстиями ее тела, т. е. «она хворает своими отверстиями». На это Джейн отвечает: «Мои гениталии я ни с одним мужчиной делить не буду».

Содержание этой сессии указывает, что Джейн соблазняет аналитика разделить с ней ее тело, использовать отверстия ее тела с ней вместе. Это переживание является ценным только с аналитиком/отцом. Этот материал, вместе с более ранними материалами, позволяет реконструировать ее фантазию первичной сцены: в коитусе первичной сцены создается фантазийный пенис для другого партнера. Психоанализ

может быть успешен, только если он является коитусом первичной сцены, который снабжает ее теми же самыми возвышающими свойствами, которыми обладает ее мать. Когда коитус первичной сцены оказывается неудачей, следует кастрация (как случилось с ее родителями, когда ей было 4–5 лет от роду), а когда он бывает успешен, создается пенис (отец сделал пенис для матери). Амбивалентное отношение истерических анализандок к болезни и лечению широко известно, так же как и их кастрационные фантазии и желание иметь пенис. Тогда как, насколько мы знаем, до сих пор неизвестно, что подлинное звено, их соединяющее, – это фантазии о первичной сцене: создание пениса в коитусе. «Существует реальный и успешный коитус первичной сцены, при котором создается пенис. Как мне оказаться включенной в него?»

По мере приближения отпуска Джейн становится грустно, потому что фантазийная цель первичной сцены никогда не будет достигнута. Она грустна, она в депрессии, потому что отец не так заинтересован в ее жизни, как ей хотелось бы. Его не интересуют ее занятия, ее семья, ее хобби. У нее детская фантазия, которая в то же самое время является результатом анализа и средством оставить аналитика снаружи. Сотрудничество с отцом/аналитиком, которого нельзя использовать как опору для ее самооценки и т. д., кажется трудным, но, пожалуй, возможным.

Фантазийный пенис, который в фантазиях Джейн выдвигается в качестве решения для ее жизни и ее анализа, требует нескольких слов пояснения. Этот фантазийный пенис очень мало имеет общего с анатомическим пенисом. Это, скорее, нечто вроде фетиша в том смысле, в котором это слово использовал Фрейд: это катектическая конденсация всего ценного, как, скажем, государственный банк или королевский трон, при поддержке которого собственное участие или использование собственных умений становится излишним. Это фетиш типа грудь–фаллос, обладание которым не требует никакого катектирования истинного Я.

Значимость фантазий о фетише является центральной в следующем примере.

Пример 4

Родители Джима развелись, когда он был еще младенцем. О нем заботились дедушка и бабушка, и в течение детства у него не было никакого контакта с отцом. У его матери началось хроническое заболевание, когда Джиму не было еще 10 лет. В течение детства он чувствовал, что он зритель в нормальной семейной жизни других детей. У других мальчиков был отец и ключи к тому, какова жизнь, которую он был обречен видеть только снаружи. За школьные годы Джим стал умелым организатором и работником. Отсутствие родителей в его жизни имело такой эффект, что его фантазии первичной сцены были диффузными и неограниченными, и их сцена включала все социальное окружение, студенческий мир и его профессиональную жизнь. Ему приходило на ум много видов деятельности, при которых он мог избежать положения стороннего наблюдателя. Центральным симптомом в начале его анализа была неспособность терпеть ни малейшего чувства исключенности из какой бы то ни было социальной ситуации без вспышки тревоги, головокружения, поноса и других симптомов. Он чувствовал, что он обязательно должен быть в свете рампы и использовал свои многочисленные навыки, чтобы этого достичь.

У него была способность делать себя необходимым путем оказания умелых услуг, которая успешно приводила его в компанию людей, которых он ценил. Усилия Джима быть принятым содержат колоссальный голод на Я-объекты. Без них, в качестве только себя он чувствует, что он никто и ни на что не годится. Один из его симптомов оказался фетишизм. В детстве фетишами были нижнее белье матери, позднее ноги и обувь женщин. В течение долгого времени аналитик, аналитический метод и аналитическая ситуация имели для него смысл фетишей. Различные вопросы и люди, которые у него в уме по различным причинам светились особенным светом, также были фетишами. Под этим особым сиянием он чувствовал, что обретает ценность и смысл. Если тот или иной из его фетишей не срабатывал или его нельзя было использовать или контролировать, то у него происходил

припадок интенсивной слабости, которую он принимал за органическое заболевание. Тогда он периодически не мог работать. Джим бесконечно и отчаянно идеализировал анализ и аналитика. Он видел шанс всей своей жизни в том, что ему посчастливилось участвовать в чем-то столь замечательном. Он думает, что фантазийная жизнь первичной сцены аналитика невероятно блистательна, и надеется, что ему постепенно будет разрешено войти в нее. Он дает своим интересам и энергии такое направление, которое заставляет его чувствовать, что он стремится быть включенным в жизнь аналитика. Он стремится разделить реальные и воображаемые мнения аналитика, его хобби, его профессиональную ориентацию и т. д. Худшее препятствие, стоящее на пути этих усилий, – это его собственное, недостойное ничьего внимания Я, существование которого нужно сначала уничтожить, для того чтобы достичь реальной цели. Каждая собственная мысль, любая независимая активность или любое независимое деяние, похоже, уничтожают отношения, которые он хочет построить со своим аналитиком. В своем наилучшем варианте аналитическая ситуация, похоже, бывает тогда, когда он воздерживается делать что бы то ни было вообще, когда не формулирует собственные мысли, а вместо этого отдает все аналитику так, как оно есть, как фекалии, экскременты, формулировкой которых аналитик затем занимается, согласно своим собственным принципам. Каждое самостоятельное деяние разрушает фантазию, что аналитик необходим и что он выше. Джим хочет стать чем-то, что аналитик сможет ощущать как продолжение себя и как часть своей жизни. Эта защитная фантазия первичной сцены была центральной в анализе Джима и требовала постоянного внимания. По мере прогресса анализа Эго Джима постепенно становилось богаче и сильнее. Затем стало очевидно, что он стремится достичь тотального нарциссического триумфа над унижениями, пережитыми в детстве. Его не интересовало использование своих возросших возможностей для того, чтобы сделать свою сегодняшнюю жизнь более комфортной в обычном смысле. Ему нужен был полный триумф. Он сделает себя незаменимым и желанным для всех,

используя те способности, которые высвободил анализ. Затем он повернется ко всем спиной, это будет его шанс наконец почувствовать себя победителем. Он, похоже, не был заинтересован в признании и успехе, которых он уже достиг. Вместо этого он был чрезвычайно внимателен к чему бы то ни было (даже к тону голоса аналитика), что звучало бы уничижающе, потому что теперь он способен был поразить стыдом любого, в чьем отношении будет хотя бы намек на обесценивание. Он находит удовлетворение в том, чтобы отказываться от приглашений и от расспросов: «Теперь моя очередь повернуться к вам спиной». В течение аналитической сессии он чувствует, что аналитик похож на отсутствующего родителя, который его не понимает и не ценит. Однако он чувствует, что ему постепенно удается сделать так, чтобы аналитик его понимал: «Мне удалось вернуть своего родителя».

Фантазия первичной сцены у Джима может быть в основе своей реконструирована так: мать ограбила отца, отняв отцовский фаллос, выбросила отца вон и оставила фаллос-фетиш себе (как уже описывалось ранее в этом тексте, фаллос-фетиш – это катектическая конденсация всего, что для него важно и хорошо). По мере того как Я укрепляется в ходе анализа, он чувствует, что это он грабитель, он отнял фетиш и стал его владельцем. Для того чтобы оставить его у себя, он идентифицируется с матерью, поворачивается спиной и уходит в себя. Он боится, что, если он начнет катектировать себя как человека сотрудничающего, фетиш у него выхватят, как он чувствует, что он выхватил здоровье/фетиш у аналитика/матери. Фантазии Джима о том, что он уничтожающий грабитель, обсуждались в анализе.

В этом позитивно прогрессирующем, но еще не законченном анализе идет сейчас фаза, которую можно было бы назвать пубертатной фазой анализа. После определенного периода продвигающегося исцеления и укрепления Я часто, похоже, в анализе появляется фаза, когда анализанд стремится использовать свое растущее здоровье не для непосредственного выстраивания взрослой жизни, а для некоторой экспериментальной пробы сил, пытается контролировать детскую

травму, стремится сделать с аналитиком или с окружением то, что, как он чувствует, сделали с ним самим в детстве. Такого рода использование способностей как оружия и как инструмента возвышения является для него репрезентацией фантазии взрослости. Это означает иметь способность войти в мир взрослой первичной сцены. Точно так же при стремлении достичь взрослости в пубертатный и подростковый период в разнообразных пропорциях переплетаются эксперименты с новообретенной силой, чтобы достичь реальной взрослости (т. е. стать хозяином своего Я) и испробовать свою способность реализовать фантазии о первичной сцене.

По мере того как анализ подходит к концу, усилия анализанда добиться какого-то разрешения, согласованного с фантазией о первичной сцене, заметно усиливаются. Разнообразие форм целей этих фантазий невозможно описать. Два следующих примера, значительно сокращенные, могут служить прояснением этой темы.

Пример 5

В результате детской травмы Рэчел сформировала фантазию о первичной сцене взрослости и жизни родителей как о чем-то, характеризующемся способностью к колоссальной сдержанности/контролю, а также столь же колоссальному отсутствию сдержанности. Ее тревога и компульсивные невротические симптомы возбуждаются в любой ситуации, где она чувствует, что невольно или по небрежности заплыла в область несдержанной активности взрослой жизни или стала объектом такой активности. Из фантазийного мира первичной сцены взрослых она хочет приобрести величайшую способность к контролю – это то, как она хочет участвовать в жизни. В противоположность этому, фантазии несдержанности и утраты контроля вызывают ужас и возвращают ее в травматичные детские воспоминания. Рэчел не способна иметь ничего общего с такой взрослостью фантазий первичной сцены. У нее есть цель в жизни – стать достаточно сильной с помощью колоссально могущественной матери-аналитика, чтобы сопротивляться тому, чтобы кто бы то ни было делал

ее объектом несдерживаемых чувств или втягивал ее в такую несдержанность, как бы она ни проявлялась. Когда она начала планировать временные рамки для своего анализа, эта целенаправленность по достижению ошеломляющей власти была интенсифицирована. Иногда она экспериментировала с этой способностью на аналитике, а иногда ожидала, что он будет делать то же самое.

Продвижение психоанализа к реальному завершению отражалось в той части материала анализандки, в которой она могла чувствовать, что у нее есть контроль над сдержанностью и высвобождением и что она больше не зависит от власти матери-аналитика в использовании этих функций.

Пример 6

Роберту было 4 года, когда его отец вернулся с войны и вновь занял свое положение хозяина дома. Вскоре после этого родилась маленькая сестричка, отняв у него мать. В долгом анализе интенсивная эдипальная ситуацию Роберта и его детский мир, в котором отец – это единственный мужчина, имеющий реальную власть, обсуждались подробно. Роберт фиксирован на беспомощности детства и нарциссической травме своих эдипальных желаний. Его нынешняя жизнь и брак представляются несущественной компенсацией за то, чем жизнь на самом деле могла бы быть. Единственный путь к реальной жизни – это быть рядом с отцом и в положении отца, исполнять фантазию первичной сцены. То, что все это стало понятно, похоже, не помогает Роберту. Чем ближе к концу подходит анализ, тем глубже жизнь заходит в эмоциональный и практический тупик. В этой фазе становится очевидно, что у Роберта беспомощность носит характер почти аддикции. Она создается в ситуациях, в которых у него есть a) возможность стучаться в запертые двери, как он делал в детстве в эдипальной ситуации, и b) возможность опробовать свою способность выпутываться из все большей и большей беспомощности. Чем больше он чувствует, что прогрессирует в анализе, тем сильнее рискует, ставя себя в ситуации беспомощности. Его усилия контролировать ситуацию первичной

сцены средствами анализа проявляются в его стремлении научиться выносить все более и более несчастливую жизнь все лучшим и лучшим образом.

ДИСКУССИЯ

Если мы рассматриваем психоаналитическую ситуацию с точки зрения фантазии первичной сцены, это, конечно, не исключает других подходов к интерпретации. Представленные примеры можно также рассматривать с точки зрения развития Эго-идеала, развития Супер-Эго, разрешения эдипальной ситуации, объектных отношений или нарциссических проблем. Мы хотели бы упомянуть коротко соотношение между параноидными переживаниями и фантазиями первичной сцены. Бессознательные связи с фантазиями первичной сцены могут придать определенным переживаниям нахождения вовне или фантазиям исключенности значение невыносимой угрозы самооценке. «Поскольку я сюда не включен, то я вне всего, я ничто». Параноидное переживание может часто быть интерпретировано как сочетание мучительнейшего переживания исключенности и одновременно полного отрицания исключенности: «Неправда, что я полностью вне их уютного веселья, наоборот, они все смеются надо мной, я присутствую у них в голове», «Неверно, что никто на этом совещании обо мне не помнит. Наоборот, они все строят планы против меня, я в самом центре их интереса», «Неправда, что аналитик невнимателен ко мне, когда отменяет сессии. Совсем наоборот, он спланировал это как испытание для меня, чтобы посмотреть, как я буду реагировать» и т. д. и т. п.

Нашей отправной точкой при рассмотрении фантазии первичной сцены было положение, что задача психического процесса состоит в умиротворении и придании формы психическому беспокойству, телесному по происхождению, для которого используются такие метафоры, как инстинкт, сексуальность, либидо, Эрос (Ikonen, Rechardt, 1978). Иными словами, мы обращаемся с фантазией первичной сцены в основном как с продуктом психической работы, а не как только с переживанием детства. Психопатологическое значение

фантазии первичной сцены, таким образом, предстает в новом свете: когда фантазия первичной сцены играет в психическом процессе доминирующую роль, то это признак значительной незавершенности психической работы, предполагающий присутствие психопатологии. Фантазии о первичной сцене особенно активно присутствуют в сновидениях и в психоаналитической ситуации. Для этого есть вполне конкретные причины. Во сне мы все возвращаемся в беспомощное состояние детства, когда возможности справиться с реальными либидными желаниями были достаточно ограниченны. В психоаналитической ситуации создается сходное состояние беспомощности, и поэтому способы справиться с либидо возвращаются к детским моделям, которые присутствуют в вытесненной форме даже во взрослом состоянии. Можно было бы сказать, что, поскольку психоаналитическая ситуация конкретно активирует фантазии первичной сцены, их следует также проработать для того, чтобы их активированные остатки не вызвали нарушений после того, как анализ закончится.

Наше внимание было вначале привлечено к тому факту, что анализанды с довольно долгим анализом, думающие о том, чтобы его закончить, интенсивно продуцируют материал фантазий о первичной сцене. В своей работе мы сделали наблюдение, которое оказалось очень полезным, что путем исследования этих фантазий очерчивается всесторонняя интегрированная картина бессознательной жизненной программы анализанда: какого рода результаты он рассчитывает получить от анализа; каковы цели в жизни, ради которых он живет; куда он стремится прибыть и каким образом, чтобы чувствовать, что он взрослый и довел свой анализ до завершения? Неразрешенная часть его прошлого также впутана в эту программу и поэтому должна быть проанализирована во всей ее полной динамической свежести.

Шокирующее, с точки зрения общепринятого мышления, количество установок в отношениях между индивидуумами и группами людей, а также в их отношении к социальным институтам определяется бессознательными попытками

защитить и исправить нарциссизм, связанный с фантазиями о первичной сцене.

Стремления, импульсы и страсти, которые проходят под совершенно разными заголовками, черпают свою силу из этого источника. Психоаналитическая ситуация, похоже, особенно склонна активировать фантазии о первичной сцене как у ее участников, так и у сторонних наблюдателей. Было бы неплохо исследовать с этой точки зрения психоаналитические общества, обучение психоанализу и отношение к нему в его социальном окружении и среди людей, посторонних психоанализу.

Поскольку фантазии первичной сцены – это в первую очередь неполные, защитные попытки разрешить проблемы сексуальности в связи с объектными отношениями и катексисом Я, они становятся источником постоянного конфликта и угрозы неразрешенного, несвязанного либидо. Независимо от того, прилагаются ли или нет усилия, чтобы избежать этих попыток или, наоборот, довести их до конца, на них построена бессознательная жизненная программа постоянной неудовлетворенности, которая определяет осмысленность существования.

В своем фильме «Анни Холл» Вуди Аллен показал бесполезность всех событий жизни человека, утрату ценности и смысла происходящего в тот момент, когда оно становится частью нашей жизни. Отношения с девушкой, принадлежащей кому-то другому, кажется, предлагают ключи к райскому блаженству, но после того, как она завоевана, неизменно становятся ненужными. Филип Рот дал яркое описание такого переживания. В своем романе «Профессор желания» он описывает, какое ошеломляющее воздействие оказывает жизнь родителей с ее ритуалами и традициями, какими бы тривиальными они в остальном ни казались. Как бы шумно главный герой книги ни проводил свою жизнь, он не может убежать от звука вздохов и упреков своих родителей, которые просачиваются через весь этот шум. Только после бесконечных связей с женщинами, после нескольких психоанализов и психотерапий, после целого ряда браков он готов, наконец,

встретиться со своим старым, больным и одиноким отцом, теперь вдовым пенсионером, уже без страха ввергнуться в бездну смятения и ничтожества при сравнении его собственной реальной жизни с жизнью отца. До этого момента он пытался жить свою жизнь, включив музыку на полную громкость, он как интеллектуально, так и сексуально искал чего-нибудь особенно блистательного. Ему понадобилось долгое время, чтобы понять, что удовлетворение в жизни находится в вещах более простых, чем превращение своей жизни в колоссальную драму первичной сцены, вращающуюся вокруг пассивного или пустого Я.

ЛИТЕРАТУРА

Blum H. P. (1979). On the concept and consequences of the primal scene. Psychoanal Q., 48: 27–47.

Fluornoy O. (1979). Verbal communication.

Freud S. (1918). From the history of an infantile neurosis. S. E. 17.

Grunberger B. (1979). Narcissism. New York: Int. Univ. Press.

Ikonen P. & Rechardt E. (1978). The vicissitudes of Thanatos: On the place of aggression and destructiveness in psychoanalytic interpretation. Scand. Psychoanal. Rev. 1: 79–114.

Ikonen P. & Rechardt E. (1980). Binding, narcissistic psychopathology and the psychoanalytic process. Scand. Psychoanal. Rev. 3: 4–28.

Laufer M. (1976). The central masturbation fantasy, the final sexual organization, and adolescence. Psychoanal. St. Child. 31: 297–316.

Miller A. (1979). Depression and grandiosity as related forms of narcissistic disturbances. Int. Rev. Psycho-Anal. 6: 61–76.

Myers W. A. (1979). Clinical consequences of chronic primal scene exposure. Psychoanal. Q., 48: 27–48.

Roth P. (1977). Professor of desire. London: Jonathan Cape Ltd.

Waelder R. (1960). Basic theory of psychoanalysis. New York: Int. Univ. Press. Scand. Psychoanal. Rev. (1981) 4: 75–93.

Происхождение стыда и его проявления

Пентти Иконен и Эро Рехардт

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы было отмечено, что стыд – это область, не получившая достаточного внимания в теории и практике психоанализа. Наша клиническая практика подтолкнула нас к этой теме. Мы заметили, что психоанализ многих пациентов получает значительную пользу от идентификации стыда и его обсуждения.

Мы представим здесь наш собственный взгляд, в соответствии с которым стыд – это реакция на отсутствие одобряющей реципрокности. Базовая форма стыда – это тревога младенца, вызванная незнакомцем. Когда младенец доверчиво протягивает ручонки к взрослому, а затем замечает, что это не его мать, он прерывает свое приближение, отворачивает голову, прячет лицо и начинает плакать. По мере развития требование реципрокности становится более определенным: когда младенец замечает, что он не встретился со взглядом матери, чего он ожидал как чего-то само собой разумеющегося, он испытывает стыд по поводу своего ложного ожидания.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Литература описывает многие психические состояния и инциденты, которые содержат особую предрасположенность к стыду или связаны с переживанием стыда. Эти описания разные, обычно они соответствуют современной им фазе психоаналитического мышления [Abraham, 1913; Alexander, 1938; Erikson, 1963; Fenichel, 1945; Freud, 1905, 1926;

Jacobson, 1954, 1964; Levin, 1971; Piers, Singer, 1953; Rank (см.: Steinberg 1991); Reich, 1960]. Согласно традиционной точке зрения, стыд не заслуживает особого внимания или собственной теории, поскольку он является неотделимой частью отношений Эго с Супер-Эго и эго-идеалом. Запрет, наказание, унижение и пристыжение используются параллельно как воспитательные методы при формировании Супер-Эго. В клинической работе обычно предполагается, что стыд бывает устранен как побочный продукт, когда проанализированы конфликты, связанные с инфантильной сексуальностью и нарциссизмом. Стыд считался побочной темой психосексуальной теории, структуральной теории, теории объектных отношений и нарциссизма. Делались попытки встроить его в существующие теории, и его значимость преуменьшалась (Kinston, 1987). Вурмзер (Wurmser, 1981) подчеркивает вездесущность стыда и необходимость справляться с ним в клинической психоаналитической работе.

Хелен Блок Льюис – в числе первых, кто занимался психологией стыда. Согласно Льюис, тот факт, что в психотерапии и психоанализе обращалось недостаточно внимания на стыд, был причиной многих неудач. Психотерапевт или аналитик, часто не подозревая того, повинен в том, что заставляет пациента чувствовать стыд. Стыд значительно более важен клинически и значительно чаще встречается, чем считалось ранее. Нередко он бывает скрытым, и необходимо знать, как найти его и сделать его осознанным, для того чтобы с ним справиться. Стыд часто трудно распознать: его часто ошибочно называют виной, на которую он феноменологически похож. Различие в том, что вина относится к действию человека, либо психическому, либо фактическому, тогда как стыд относится к человеку в целом. Легче заметить вторичные последствия стыда и методы того, как его избежать; некоторые из них – это реакции тела: покрасневшее лицо, потовыделение и треморы, депрессия, апатия, болтливость, лихорадочные действия, бесстыдство, равнодушие и цинизм. Стыд порождает гнев, который направлен как на себя, так и на других. Образы мести и насилия, вызванные стыдом-яростью, со своей стороны, порождают

чувство вины. Стыд-гнев и стыд-уныние чаще являются первичными причинами депрессии, чем вина (Lewis, 1987a).

В литературе «новой волны» (например: Lewis, 1987a, b; Natanson, 1987b) стыд определяется как аффект. Феноменологически стыд – это нечто вроде взрыва наоборот, или вовнутрь (Lang, см.: Lewis 1987a, b), который парализует и заставляет замереть. Стыд сочетается с желанием спрятаться, «провалиться сквозь землю». Феноменология стыда содержит также искушение отказаться от собственной идентичности, для того чтобы обеспечить принятие со стороны другого. По мнению Кинстона (Kinston, 1987) и Лихтенштейна (Lichtenstein, 1963), это центральное для стыда событие. Стыд относится ко всему Я. Человек может попытаться исправить деяние, которое вызвало чувство вины, но стыд представляется непоправимым, и Я в целом ощущается как неправое до самого своего основания; поэтому нужно изменить Я в целом. Способность терпеть стыд важна точно так же, как способность терпеть депрессию и вину. Избегание стыда не позволяет человеку думать и воспринимать реальность; оно запускает механизм отрицания реальности, которое шире, чем то, что вызывается простой регрессией и приводит к отсутствию мысли (Kinston, 1987).

Штейнберг (Steinberg, 1991) говорил о великой значимости стыда в принятии политических решений. Он представляет хорошо документированный обзор того, как во время Кубинского ракетного кризиса лидеры обеих сторон ощущали себя под угрозой интенсивного стыда и как ситуация в результате достигла эскалации почти до ядерной войны.

По мнению Томкинса (Tomkins, 1987), стыд и отвращение ко вкусу и запаху можно понимать как вариант блока влечения, который не дает быть неосторожным, несмотря на энтузиазм («Стоп!»), не дает проглотить что-то неподходящее, несмотря на голод («Не ешь это!»), или приближаться, проявляя интерес, несмотря на опасность («Держись подальше!»). Выражение стыда – это поворот головы в сторону и взгляд, опущенный вниз. Натансон (Natanson, 1987b) в своих рассуждениях о стыде опирается на созданную Томкинсом теорию аффекта. Он говорит о базовой форме стыда («первичный

стыд»), которая уже проявляется в уходе в себя и опускании головы и взгляда в возрасте 3 месяцев, если попытки младенца приблизиться к матери не удаются (Broucek, 1982). По мнению Натансона, это эффект того самого парализующего неуместную привязанность блока влечения, который описывает Томкинс.

Картина стыда содержит следующие основные элементы:

1) Наблюдается в сочетании с попытками достичь реципрокности. Выражение и проявление на многих уровнях психосексуальности: например, приближение, появление, рассматривание, выражение эдипальной или доэдипальной сексуальности. Состояние нахождения под наблюдением может также реализоваться как неконтролируемость и энтузиазм.
2) Непригодность Я в вышеупомянутых ситуациях. Неудача, например, при реализации приближения, эдипальных целей, Я-идеалов и стремления достичь идентификации.
3) Обращение против Я и других, связанное со стыдом. Коллапс самооценки, парализованное Я, нарциссический коллапс, который происходит, например, когда человек отказывается от своей идентичности и стремится к симбиотическим отношениям; стыд-ярость, унижение, уныние, пристыжение, аннулирование другого.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТЫДА

Стыд с точки зрения дуалистической теории влечений

Согласно тому, что мы называем традиционным психоаналитическим мышлением, стыд есть защитное событие, связанное с раскрытием выражения влечений и нарциссических устремлений и неудавшейся попыткой их реализовать. Здесь мы сосредоточимся на тех моментах, которые, по нашему мнению, корректируют психоаналитическую теорию стыда и повышают ее полезность в практической психоаналитической работе. Наша точка зрения такова, что исходная форма стыда – это парализующая, устраняющая и подавляющая реакция, связанная с неудачей попытки получить

одобряющую реципрокность/взаимность. Тревога, вызванная незнакомцем, может рассматриваться как его первый легко наблюдаемый и хорошо известный пример, хотя самые первые выражения стыда относятся к еще более ранней стадии (Natanson, 1987b).

Стремление к реципрокности происходит из матрицы либидо, Эроса; реакция стыда происходит из матрицы Танатоса, которая блокирует стремление к реципрокности. Стыд не есть обычная эмоция, связанная со всеми возможными дефицитами и неудачами. Это эмоция, связанная с реакцией Танатоса, которая определяет неудачу стремления к одобряющей реципрокности. Для того чтобы продолжить изучение происхождения стыда и его метапсихологии, мы должны коротко описать наши взгляды как на либидо, или Эрос, так и на влечение к смерти, или Танатос.

Матрица либидо

Матрица либидо вмещает, помимо прочего, интерес, любопытство, желание наблюдать, желание приблизиться и энтузиазм. Исследование раннего детства в последние десятилетия (например: Stern 1985) заставляют нас сделать некое предположение относительно природы либидо. Мы полагаем, что с момента рождения и позднее на протяжении жизни либидо есть потребность найти реципрокность. Поиск взаимности происходит между Я и внешним миром как надежда найти дающего реципрокность другого человека, но также между различными частями Я как надежда стать цельным и расширяться. Отвечающее реципрокностью окружение вначале создает обстоятельства, когда младенцу дается возможность найти свое нарождающееся Я. Младенец нуждается в постоянно доступном, отвечающем взаимностью другом человеке для того, чтобы принять власть над миром, а также чтобы найти себя и гештальт-инвариантов (моторика, сенсорика, амодальные качества, ритмы жизненных аффектов, категорий аффектов и т. д.) (Stern, 1985). Таким образом младенец вырабатывает свои функции исследования своего окружения. Младенец и мать пытаются настроиться друг на друга. Мы предполагаем,

что уже на этой фазе динамика Танатоса начинает останавливать, отделять и устранять такие попытки получить взаимность, которые не срабатывают и только создают беспорядок.

Исследования, проведенные на младенцах, не рассматривают и не концептуализуют материал с той точки зрения, на которую мы нацелены. Стерн говорит только, что младенец является полностью продуктом своего окружения, формируется им и теми знаками, которые он получает (Stern, 1985). Мы же предполагаем, что наблюдатель не обратил внимания на ту возможность, которую мы представляем.

Позднее сексуальность становится центральным, но никоим образом не единственным проявлением поиска взаимности. Через сексуальность надежда на взаимность связана с прокреативным Эросом, который идет дальше, чем сексуальность.

Японский психоаналитик Такео Дои (Doi, 1989) вызвал интерес, введя понятие амаэ – японское представление о любви. Амаэ есть, как нам представляется, нечто вроде либидо-матрицы, которая не проводит различия между субъектом и объектом, между нарциссизмом и объектной любовью; она одинаково переживается и взрослыми, и детьми. Одно из ее проявлений – это жажда ответа на любовь; однако требовать ответной любви или показывать это желание публично неприемлемо. «Хорошая амаэ» – это когда человек живет в гармонии с желанием ответной любви, а стремление к этому состоянию характерно для японской культуры. «Плохая амаэ» требовательна и эгоцентрична, то, что на Западе называют патологический нарциссизм. Что делает понятие амаэ интересным, так это то, что центральное место в нем занимает жажда взаимности, что похоже на наше предположение, согласно которому «с момента рождения и позднее на протяжении жизни либидо есть потребность в реципрокности».

Матрица Танатоса

Наша интерпретация работы Фрейда «За пределами принципа удовольствия» (Freud, 1920) сводится к тому, что он говорит о стремлении к состоянию покоя и к тому, чтобы

каким бы то ни было способом, иногда любой ценой, устранить нарушения покоя. Влечение смерти, направленное на самого человека, стремится устранить бесполезные психические усилия, направить их в полезном направлении, либо генетически заданном, либо указанном опытом, чтобы таким образом достичь осуществления. Но это происходит только в идеальных случаях. Придавание формы неопределенному желанию, связывание его есть центральное событие в психической энергетике человека.

Действие Танатоса, направленное на то, чтобы устранить нарушения покоя, можно сравнить с психической гетероиммунной и аутоиммунной реакцией: нарушение покоя устраняется, но механизм может также действовать не должным образом, а гиперреагировать, и может, кроме того, начать уничтожать своего носителя.

Стыд принадлежит к аффектам Танатоса. Это аффект, который возникает, когда человек пытается цепляться за взаимность или получать ее, направляя реакцию Танатоса на себя. Стыд может чередоваться с другими параллельными стремлениями Танатоса. Такие репрезентации Танатоса – это, например, уход в себя, отталкивание и ярость. В ходе психоанализа можно видеть, как, например, унижение, уход в себя, стыд, ярость и отталкивание следуют друг за другом в течение короткого периода времени.

Психический акт связывания

Взаимодействие матрицы либидо и матрицы Танатоса придает форму психическим событиям. Мы называем это психическим актом связывания. Более того, Танатос стабилизирует или делает застывшими достигнутые формы или связывания. Наша интерпретация предполагает, что влечение к смерти действует как устраняющий и сдерживающий фактор, который вызывает остановку, определенного рода застывание, но, кроме того, устраняет то, что не соответствует достигнутой форме. «В то же самое время, когда он уничтожает, он также подкрепляет психические структуры. Эта интерпретация отличается от традиционных, которые подчеркивают

только деструктивные функции влечения к смерти. Заботящаяся или игнорирующая среда является, согласно нашей интерпретации, некоей матрицей, которая формирует либидо. Акт связывания есть центральная репрезентация влечения к смерти, но без либидо было бы нечего связывать» (Rechardt, Ikonen, 1986). Цель акта связывания – такие формы реципрокности, которые удаются многократно. Стыд служит мотивом того, чтобы не срабатывающие устремления к взаимности рассыпались или ослабевали, и устраняет те, которые не достигают значимых фигур. Таким образом, взаимодействие матрицы либидо и матрицы Танатоса есть нечто совершенно отличное от элементарной гидродинамики, в духе которой в основном понимают энергетические рассуждения Фрейда.

МЕТАПСИХОЛОГИЯ СТЫДА

Актуализация

Психическая отправная точка стыда – это стремление реализовать определенное желание или, как выражает это Фрейд, определенное удовлетворяющее ощущение (Freud, 1900). В данном случае это ощущение взаимности. Мы используем понятие реализации в том же смысле, в котором Сандлер использует понятие актуализации (Sandler, 1990).

Актуализированное ощущение может быть либо (a) унаследованным (генетически), либо (b) переживаемым индивидуумом в течение его жизни (включая внутриутробную жизнь), либо (c) их какой-то комбинацией (например, (a) + (b), (a) + (a), (b) + (b), (a) + (a) + (b) + (c) + (c), и т. д. и т. п.).

Попытку актуализации можно анализировать как действие двух противоположных стремлений, Эроса и Танатоса, из которых первое направлено на то, чтобы увеличить взаимность и через нее обогатить, «оживить» мир опыта, создавая связи, тогда как последнее стремится умиротворить, устранить все, что нарушает покой путем сжатия, ограничения, прекращения и разрыва соединений.

Актуализация может, с другой стороны, быть полностью аутопластичной или одновременно аутопластичной и аллопластичной. То, что предстоит актуализировать, или его

филогенетический либо онтогенетический «вспоминаемый образец», состоит из субъекта (Я) и объекта (Другого), их отношений (случай, состояние) и аффекта (удовольствие, неудовольствие, покой, беспокойство). Отклик Танатоса может быть направлен на любой из них, а тот, со своей стороны, создаст различные последствия и различную психопатологию.

Понимание особой природы стыда заслоняется тем фактом, что в литературе стыд связывают со всевозможными неудачами в преследовании целей. Мы связываем стыд в особенности с достижением взаимности, с устремлением передать послание и получить желательный ответ. Он действует как фактор, руководящий сношениями, как их защитник (Lewis, 1987b). Стыд есть интенсивное неудовольствие, которое мы обыкновенно переживаем, когда преследуемая взаимность остается нереализованной, хотя мы думали, что она была или будет реализована; реакция Танатоса направлена против Я в то же самое время, когда стремление к взаимности сохраняется.

Мы вышли в город и видим знакомого человека. Мы спешим к нему и радостно приветствуем. Когда он оборачивается, мы видим незнакомое лицо и готовы провалиться сквозь землю от стыда. «Что он, должно быть, обо мне подумал?!»

Когда довербальный ребенок выражает стремление, которое ищет взаимности, он делает это всем своим существом, и у него имеется глубокая потребность в резонансе. Когда ему не удается найти взаимность, неудача оказывает воздействие на все его существо. В стыде все существо человека, которое было выражено другому, раскрывается как ложное. Стыд сохраняет эту природу откровения во всех контекстах; это фундаментальная часть стыда. Попытка актуализировать желание, выразив или раскрыв его, угрожает переживанием стыда на всех фазах развития.

Коллапс стыда

Когда выражение стремления к взаимности сталкивается с отсутствием взаимности со стороны другого, последствием является немедленный коллапс независимо от того, было ли

отсутствие взаимности со стороны другого результатом равнодушия, непонимания, унижения, наказания, или же сам человек, стремившийся к взаимности. проявил неловкость или что-то не рассчитал. В результате человека охватывает внутренний паралич: витальность Я исчезает, энтузиазм падает; действие останавливается и сменяется уходом в себя и попытками спрятаться. Эмоциональное состояние стыда рядится в выражения: «Я готов сквозь землю провалиться», «Я умираю от стыда», «Что я за дурак!», «Я никогда себе этого не прощу». Другим следствием может быть ярость на себя или на другого. Полномасштабный стыд – это самая невыносимая из всех эмоций, почему мы и склонны думать, что «лучше смерть, чем позор». Подчеркнутые дефициты реципрокности в раннем детстве создают обстоятельства, которые усиливают деструктивный потенциал стыда. В таких обстоятельствах акцентируется противополагание либидо и Танатоса, деструктивные формы Танатоса берут верх и человек оказывается в плену стыда.

ПСИХОЛОГИЯ СТЫДА

Знаки и подсказки

В исследованиях по развитию младенцев было отмечено, что в новых ситуациях ребенок наблюдает за матерью и действует на основе невербальных знаков, полученных от матери (Stern, 1985). У Винникотта (Winnicott 1982, p. 52–54) есть описание младенца, который сидит на руках у матери и заинтересовался лопаточкой, которая блестит на краю стола. Винникотт описывает, как ребенок кладет руку на лопаточку и, держа тело совершенно неподвижно и широко раскрыв глаза, смотрит на него и на мать, наблюдает и ждет или в некоторых случаях уводит свое внимание прочь от лопаточки и прячет лицо в блузке матери.

Мы считаем, что, не искажая картину психических событий младенца, мы можем характеризовать его прекращение действия как реакцию Танатоса на либидное желание потянуться к лопаточке. Он хочет актуализировать что-то, связанное с лопаточкой, но в то же самое время он боится, что это

нарушит что-то, в чем участвует его мать и наблюдающий Винникотт. В некоторых случаях младенца «поощряют» (так мы полагаем). Он следует своему желанию, придает ему форму и реализует его. Но в некоторых случаях подчеркивается реакция Танатоса, она организуется таким образом, что направлена на него, и он прячется или устраняет себя из ситуации, которая включает его, лопаточку, его мать и Винникотта, которые наблюдают за ним. Мы можем представить себе, что младенец чувствует, что его желание, направленное на лопаточку, нарушает покой, угрожает чему-то такому, чего он желает в качестве преобладающего в его отношениях с матерью и Винникоттом. Он хочет устранить то, что нарушает покой, и поскольку он идентифицирует себя со своим желанием, то он пытается спрятать себя. Мы можем далее концептуализовать этот материал, сказав, что младенец чувствует себя зависимым от отношения к нему своей матери и Винникотта, и он реагирует соответственно тому, как он ожидает, что они будут реагировать на его намерения.

Когда ребенок постарше ведет себя сходным образом, поворачивается спиной и прячет лицо в ладони или прижимается лицом к матери, мы говорим, что он стесняется или стыдится. Мы видим и можем предположить, что он переживает такие эмоции. В то же время он может, помимо стыда, выражать гнев, ненависть или даже ярость по отношению к тем, кто привел его в такую ситуацию. Мы можем концептуализовать и описать психические события ребенка постарше таким же образом, как у младенца, но в более организованной манере и более точно, коль скоро его самовыражение более организовано. Он может сказать нам, чего он ожидает или боится в своем окружении и как он боится, что потерпит неудачу или чувствует, что он уже потерпел неудачу или неадекватен.

Винникотт (1982) описывает, что мы, точно так же как младенец, на протяжении нашей жизни слушаем голоса других, наблюдаем их взгляды и знаки. В книге Достоевского «Бедные люди» Макар Девушкин пишет своей знакомой письмо, где слова робки и полны стыда, наполнены брошенными исподтишка взглядами и сдерживаемым вызовом

(Bachtin, 1984). Нас подтолкнул к параллельному использованию текстов Бахтина, Достоевского и Винникотта Микаэль Лейман, хотя он делает это в ином контексте (Leiman, 1991, не опубликовано).

Эти взгляды исподтишка на социально чуждый мир определяют не только стиль и тон Макара Девушкина, но и то, так он мыслит и переживает, видит и понимает себя в окружающем мире (Bachtin, 1984). Более того, психические движения Девушкина можно концептуализовать и раскрыть точно так же, как описанные выше реакции младенца и ребенка постарше.

«Отнеслись намедни в частном разговоре Евстафий Иванович, что наиважнейшая добродетель гражданская – деньгу уметь зашибить. Говорили он шуточкой (я знаю, что шуточкой). Нравоучение же то, что не нужно быть никому в тягость собою, а я никому не в тягость! У меня кусок хлеба есть свой; правда, простой кусок хлеба, подчас даже черствый; но он есть трудами добытый, законно и безукоризненно употребляемый. Ну, что ж делать! Я ведь и сам знаю, что я не много делаю тем, что переписываю; да все-таки я этим горжусь: я работаю, я пот проливаю. Ну, что же тут в самом деле такого, что переписываю!.. „Он, дескать, переписывает!“ <…> Да что же тут бесчестного такого <…> Ну так я и сознаю теперь, что я нужен, что я необходим, и что нечего вздором человека с толку сбивать. Ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли! Да крыса-то эта нужна, да крыса-то эта пользу приносит, да за крысу-то эту держатся, да крысе-то этой награждение выходит – вот она, крыса, какая! Впрочем, довольно об этой материи, родная моя; я ведь и не о том хотел говорить, да так, погорячился немного. Все-таки приятно от времени до времени себе справедливость воздать» (Ф. М. Достоевский. «Бедные люди»*).

Макар Девушкин чувствует, что он зависит от отношения других («Евстафий Иванович говорили мне…»), он начинает

* *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. М., 1957. Т. 1. С. 125, цит. с некоторыми неточностями.

колебаться («я знаю, что шуточкой…»), он пытается скрыть принижающую или постыдную часть своей работы («Он, дескать, переписывает…») при помощи различных защит и притч («А я никому не в тягость… но он есть трудами добытый, законно и безукоризненно употребляемый… что же тут в самом деле такого, что переписываю…»), начинает сердиться на своих воображаемых критиков («…Нечего вздором человека с толку сбивать. Ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли…»), а затем стыдится своей собственной вспышки гнева и стыда («Впрочем, довольно об этой материи…») и старается спрятать свою примирительность и свои защиты («…я погорячился… все-таки приятно от времени до времени себе справедливость воздать»). Внутренний акт сложнее, чем у младенца или ребенка постарше, но его базовые материалы те же самые.

Из внешнего впечатления младенца, который уходит в себя и прячется, подкрепленного экстраполяцией внутреннего мира детей постарше и взрослых, мы можем предполагать, что реакция младенца – это некий базовый, или первичный, стыд, или, по меньшей мере, эмоциональная матраца, из которой стыд постепенно дифференцируется в четкую самостоятельную реакцию.

О метаморфозах стыда

Вышеописанная концептуализация внутренней ситуации младенца порождает различные дальнейшие мысли. После своей первой реакции Танатоса, когда он перестает придавать форму (связывание) своему либидному желанию по поводу лопаточки, младенец имеет возможность пойти по разным путям. Он может следовать своему желанию относительно лопаточки, придать этому желанию какую-то форму, привязать его к определенного рода поведению, направить его на что-нибудь совершенно иное, рассердиться на тех, кто, по-видимому, стоит на пути его желания, апатично смотреть в пространство или прятать лицо в блузке матери, как было в том случае, который мы наблюдали в качестве примера. Вопрос в том, насколько организованно он воспринимает

ситуацию (чего он хочет, чего боится), какой психоэкономический вес имеют различные вопросы (что важнее: желание получить лопаточку или отношения с его матерью и Винникоттом и их предполагаемые реакции), что нарушает покой, что следует устранить и какими средствами?

Если исходная реакция Танатоса формируется в стыд, это означает, помимо прочего, что младенец имеет некоторое представление о конфликте или возможности конфликта между его собственным желанием и отношением других к этому желанию. Отношение других важно для него, и он хочет поддерживать с ними «хорошие отношения». Для него его собственное желание и его я – это одно и то же, и он пытается устранить или спрятать свое собственное никчемное Я, чтобы сохранить важные для него фигуры.

Таким образом, попытки спрятать себя, которые связаны со стыдом, являются неким парадоксальным выражением надежды: отказавшись от себя или от части себя, как я есть, я, возможно, смогу сохранить важных для меня других людей и их приятие. Если реакция Танатоса направлена в первую очередь на желание взаимности и Я, то стыд превращается в депрессию: «Я ни на что не гожусь», «Я никчемен, и никто не может ко мне хорошо относиться». Если, с другой стороны, желание взаимности остается, а реакция Танатоса направлена в первую очередь на Я, которое недостаточно хорошо для взаимности и для других, которые его не принимают, то результатом будет стыд-ярость, который описывает Льюис. Этот стыд-ярость превращается в депрессию в прямой пропорции к тому, насколько подчеркивается компонент Танатоса, который направлен на Я. Различная динамика этих депрессий обычно также видна в поведении людей. Первая бывает тихой и уходит в одиночество, тогда как при второй заметно какое-то количество возбуждения и мучений.

Есть также, по крайней мере, два базовых типа реакций Танатоса, которые соответствуют бесстыдству. Бесстыдный человек либо отвергает подлинно важных для него других и не заботиться о том, что они думают, либо он может привязывать либидо к ним еще теснее в то самое время, когда

он нагло повторяет ситуации, генерирующие стыд. Первая реакция характеризуется спокойным, почти наивным безразличием, вторая – вызовом или насмешливым нахальством. В ходе анализа или через другую психическую работу стыд часто превращается в вину (Anthony, см.: Paikin, 1981; Lewis, 1987b). Затем картина ситуации стыда становится более организованной либо прямо, либо в форме защит, а реакция Танатоса уже не направлена неопределенно на Я, она направлена на акт, который является отдельным проявлением Я и, по крайней мере, в некоторой степени, может определяться при помощи Я.

Вина дифференцируется и выделяется как самостоятельная эмоция из исходной матрицы стыда как реакции Танатоса, и ее мишень также становится дифференцированной. Открытие вины может, однако, пробудить новый стыд, стыд за вину. Часто защита от чувства вины более мотивирована страхом стыда за эту вину, чем страхом самой вины. Человек может убегать или от стыда в вину, или от вины в стыд в зависимости от того, что ему легче вынести.

Ловушка стыда, или заколдованный круг стыда

Ожидание стыда может заставить человека отложить свое действие, колебаться и проявлять неловкость, что часто заметно в том, как он говорит. Он может также пытаться спрятать себя и источник стыда за повышенной активностью и оживленностью, или только обходить источник стыда. Или он может просто стать бесстыдным. Все эти позиции сопровождаются аффектом Танатоса, который направлен и на Я, и на других и который в своей самой острой форме можно назвать, как называет Льюис, стыд-ярость, а в его более недифференцированных формах, например, стыд-гнев, стыд-отталкивание, стыд-скука и стыд-усталость. Все эти позиции также сопровождаются характерной для стыда эмоциональной ловушкой. Человек, который откладывает свое действие, колеблется и неловок, будет, помимо того, что он обычно завидует людям более активным, чем он, чувствовать стыд и стыд-досаду за то, что все откладывает. Тот, кто защищает

себя от стыда активностью и оживленностью, чувствует себя не подлинным и в то же самое время переживает ощущение отталкивания, усталости и утомления относительно себя и других. Бесстыдный человек, в свою очередь, будет бросать вызов и надоедать своему окружению и себе новыми бесстыдными актами. В каждом случае стыд и защита от него будут пробуждать новый стыд и новые защиты. Если они остаются бессознательными и не проанализированными, такие замкнутые круги стыда могут продолжаться очень долго, и они могут устанавливаться так, чтобы длиться всю жизнь. Вероятно, у всех есть определенное количество неразрешенных и раз за разом активирующихся замкнутых кругов стыда, но есть люди, которые переживают их так интенсивно или имеют их так много, что они постоянно живут в некотором общем состоянии стыда.

Сексуальность

Автор Книги Бытия представляет себе Рай, где люди, которые в нем жили, Адам и Ева, не испытывали стыда, хотя были наги. Первое, что случилось после грехопадения, – это то, что глаза их открылись, и они увидели, что обнажены. Они устыдились друг друга и прикрыли свои гениталии фиговыми листьями, а затем они устыдились перед Богом и спрятались от него.

Почему отношение именно сексуальности к стыду столь центрально? Когда ребенок сознательно видит различия между мужскими и женскими гениталиями, это вызывает не только тревогу, но также стыд. До некоторой степени то же самое происходит при наблюдении различий между гениталиями взрослых и детей. Ребенок вырабатывает постыдное любопытство относительно того, кто увечен, а кто цел и какова значимость этих различий. Само существование гениталий кажется постыдным. Неполучаемые или получаемые, но непонятые ответы только усиливают стыд. Сексуальное знание и незнание, любопытство и равнодушие равно постыдны. Но более всего сексуальные желания ребенка ведут к стыду из-за табу на инцест и из-за сексуальной

недостаточности ребенка. Кажется, чем больше желания относятся к гениталиям и сношениям, тем это более явно. Более того, отказ в сексуальных желаниях часто несет с собой стыд или же отказ вызван стыдом. Таким образом, сексуальное желание, основная цель которого – получить приятную взаимность для чувственного удовольствия, становится в детстве постыдным желанием, которое отделяет ребенка от тех, кого он любит. Различные попытки ребенка актуализировать свои надежды, связанные с эдипально-сексуальным ядром, могут порождать в нем стыд либо немедленно, либо когда он сталкивается с фрустрацией или отказом, либо когда ребенок наблюдает, какой стыд это вызывает у его родителей и любимых им людей. Эти попытки актуализации и есть то, что мы называем полиморфной извращенной сексуальностью ребенка. Если все прочие желания и стыд, связанный с их фрустрацией, обычно можно проработать через психическую работу, то сексуальные желания, в особенности относящиеся к эдипально-сексуальнму ядру, проработаны быть не могут. Ни ребенок, ни его родители не могут сознательно увидеть их, и поэтому с ними нельзя справиться.

В качестве недифференцированного и неопределенного центрального желания, являющегося частью Я и столь же неопределенно окрашивающего другого, от которого мы ожидаем взаимности, сексуальность предрасполагает человека к стыду. Сексуальность есть один из центральных элементов Я, и ее ценность решающим образом привязана к тому, какого рода реакцию она вызывает у других. Чтобы ни принималось как открытая или скрытая значимость сексуальности внутри Я и во внешнем мире, сексуальность может вызывать стыд практически в любом контексте. Количество стимулов, которые сексуальность может предложить для того, чтобы спровоцировать замкнутый круг стыда, бессчетно. Великая значимость сексуального стыда заключается в его безграничной способности расширяться, в его скрытых формах и трудности обнаружить его стартовые точки в детстве, а также в трудности сознательной психической работы.

Юмор

Как утверждает Льюис, один из лучших способов облегчения стыда – это юмор. Следует внести поправку, что в случае детей это верно только после определенной стадии развития. С точки зрения метапсихологии, мы можем концептуализовать значение юмора приблизительно следующим образом. Человек может благожелательно смеяться над своими собственными недостатками и неудачами с того момента, как он поймет, что вообще-то они не представляют собой все его Я. Необходимым условием для этого является то, что его представление о собственном Я должно быть организовано на достаточном уровне, чтобы реакцию Танатоса, направленную на это Я, можно было ограничить частью Я или мгновенным Я («Ну и дурака я свалял в тот момент!»). Если такая внутренняя организация личности еще не достигнута, то для помощи, которую дает юмор, нет условий. Такой человек получить ее не сможет, а когда ее предлагают другие люди, то стыд становится только сильнее. Это означает еще более полную утрату себя и других. Это так, например, для детей, которые юмора еще не понимают, не говоря уже о том, чтобы уметь им пользоваться.

Ранние формы юмора, которые дети используют, чтобы справиться со стыдом, проливают немало света. Ребенок дошкольного возраста тянется к вазочке с конфетами, как будто собирается взять горсть, следя в то же самое время за выражением лица родителей; в последний момент он не берет конфеты и разражается смехом, заставляя родителей смеяться вместе с ним. Ребенок показывает, что он понимает, что у него есть достойная сожаления детская и постыдная часть, но есть также и другая, мудрая часть, согласно которой он, в конечном итоге, действует, и эта часть может принимать благожелательную позицию по отношению к постыдной части, потому что та не находится в доминирующем положении. Можно вместе с родителями посмеяться над ней. Во время следующей стадии ребенок может также в том же духе рассказывать о своих реальных неудачах и неприятностях. Его представление о себе и параллельная психоэкономия

либидо и Танатоса организованы и надежны до такой степени, что стало возможным использование юмора.

Психоэкономические отношения между юмором и стыдом бросают свет на отношения между стыдом и психоэкономической организацией психики в целом. Самая характерная и в то же время самая мучительная черта стыда – это то, что он касается всего Я, и чем более диффузна реакция Танатоса в ситуации стыда, тем в большей степени стыд имеет власть. Так, дети на ранних стадиях развития склонны по самым поразительным причинам чувствовать опасность, что их бросят насовсем.

Конструктивное значение стыда

Стыд можно также характеризовать как некоего врожденного учителя. Он говорит: «Прекрати это, это бесполезно», «Избегай этого», «Не делай этого больше». У этой функции множество значений, конструктивных, социализирующих или ограждающих. Ее происхождение лежит в матрице Танатоса, которая содержит или также порождает и другие реализующие Танатос функции. Он может также пробудить желание развивать свое Я таким образом, чтобы оказавшееся бесплодным устремление позднее нашло одобряющую взаимность. Когда стыд действует как осознанная и понятая функция Танатоса, которая оберегает и направляет взаимность, то он длится недолго, и после того, как он прекратил какую-то одну форму действия, он связывает либидо с новыми формами, которые функционируют лучше, а затем исчезает за ненадобностью (ср.: Matthis, 1981). Ему можно приписать развитие разумности, социальности и внимательного отношения к людям. Пока он не понят и не осознан, он превращается в более или менее постоянный замкнутый круг стыда.

ПРИМЕР ИЗ КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Когда стыд прячут и обходят

Первая характеристика стыда – это то, что его нужно прятать. Аналитика легко подвести к тому, чтобы участвовать в этом, и он сосредоточивает свое внимание на различных

последствиях стыда и на методах, которые устраняют его и помогают им овладеть. Он интерпретирует слабое самоуважение, ярость, вину, всемогущество, мазохизм и различные другие последствия стыда и способы избегать его, не замечая стыда в его психических и физических проявлениях. Когда стыд капсулируется, он останавливает аналитический процесс или блокирует его начало. Если стыд обсуждать как тему в атмосфере свободного и спокойного наблюдения в психоаналитической ситуации, это облегчает и раскрывает, это предлагает пространство для маневра, которое не было доступно ранее.

Гиперкомпенсация стыда

Видимые проявления стыда – часто это методы, используемые, чтобы отвергать и устранять его. Примеры этого – определенные гиперкомпенсирующие «маниакальные» методы, выполнение запросов требовательных Я-идеала или Супер-Эго, вынужденное стремление к совершенству, «жажда стимуляции», гиперактивность, аддикции и деструктивное поведение. Истериформное стремление к совершенству, очаровывание в общении, требовательность и самодовольство могут быть способами укрыться от стыда. Кохут заметил, что стыд не зависит от силы Я-идеалов; многие люди, склонные к стыду, имеют небольшое количество Я-идеалов, и большинство из них – эксгибиционисты, преследуемые честолюбием (Kohut, 1972). Нам хотелось бы подчеркнуть, что стыд – это не столько следствие чересчур требовательных Эго-идеалов и невозможности достичь их; слишком обширные Эго-идеалы, эксгибиционистское поведение и подгоняющее честолюбие предназначены для того, чтобы отбивать атаки парализующего стыда и излечивать нанесенные им раны; они являются защитами.

Прятаться и уходить в себя как проявление стыда

Потребность прятаться и уходить в себя может быть последствием стыда. Почти незаметная, она распространяется на повседневную жизнь во многих формах, таких

как осуществленные и неосуществленные мечты уйти в одиночество и покой природы (Kinston, 1987). Многие люди с психическими проблемами в своем страдании ищут такого состояния, которое могло бы освободить их от стыда, не подозревая об этом.

Молодая студентка решила сменить свою уже освоенную профессию и находилась в поиске другой карьеры. Попробовав различные варианты в течение какого-то времени, обдумав другие на стадии планирования, она от каждого из них уходила с разными рационализациями. Она стыдилась положения, в котором оказалась, и чувствовала, что она утратила свое Я. Она также чувствовала, что отказалась от надежды, что погрязла в цинизме, а временами и в саморазрушительном бесстыдстве. Ее анализ развивался в направлении все большего хаоса, его все труднее было понять, и она впадала в уже пугающее состояние. Она знала, что у нее плохие отношения с матерью и что ее матери крайне недоставало понимания дочери. Она понимала, что конфликт с учителем заставил ее отказаться от прежней карьеры. Однако она не знала, что ее доминирующей проблемой была не ее карьера, не ее учеба, не ее женственность, а стыд. Она также не знала, что стыдом можно поделиться и справляться с ним вместе с кем-то еще. Аналитик указал ей, что стыд – это эмоция, которая заставляет ее всегда уходить, стыд подавлял ее, стыд лишал ее способности думать, стыд вынуждал ее саморазрушительно и цинично хвастаться, стыд не давал ей выразить себя и вынуждал ее прятаться в непонятности в анализе. Стыд не позволял ей попытаться сделать что бы то ни было всерьез. Для того чтобы освободить себя от стыда, она искала чего-нибудь совсем нового и иного, чего-то, что она могла бы принять всем сердцем, тем самым освободив себя от своего никчемного Я. В психоанализе она пыталась найти себе монастырь, чтобы скрыться от мира. Когда и анализанд, и аналитик осознали могущественное присутствие стыда, аналитический процесс был освобожден из его плена.

История о Робин Гуде – это история молодого человека, который попал в плен стыда, его унизили, когда он пытался

быть принятым среди воинов. Он пошел к людям шерифа Ноттингемского, чтобы вступить в их ряды. Стражники предложили ему доказать, что он умеет стрелять, и одурачили его, уговорив подстрелить королевского оленя – преступление, каравшееся смертью. Робин Гуд сумел убежать и жил разбойником, прячась в лесу. Он стал мастером скрытности и посвятил себя тому, чтобы унижать шерифа и его людей.

Паралич стыда

Основная черта стыда – паралич – может доминировать в аналитической ситуации. Вместо психической работы анализанд может уйти в бездумное молчание или использовать речь против угрожающего паралича. Недостаток мысли в речи может проявляться как застой и недостаток содержания. Стыд может также проявляться в неловких предложениях, грамматических ошибках, смешении слов, которое напоминает нарушение чтения и письма (дизлексию и дисграфию), чего на самом деле нет, повторении слов аналитика и разных клише. Различные попытки компенсации и репарации могут скрывать паралич и отсутствие мысли. Для того чтобы скрыть пустоту, анализанд может демонстрировать энтузиазм и внимание. Он стремится к переживанию успеха, но, когда это не удается, он немедленно впадает в коллапс. Когда стыд обнаруживается, то невнятное содержание аналитических сессий может смениться настоящей работой. Стыд, превращенный в осознанный, может иметь то воздействие, которое он часто имеет в повседневной жизни: он подталкивает человека попытаться реализовать свой потенциал. Постоянная борьба со стыдом может быть неврозом характера, который руководит всей жизнью.

Анализандка – молодая женщина, у которой было много травматических и унизительных переживаний в детстве. Она вызывала восхищение своими способностями, сообразительностью, изобилием идей и гипоманическим темпераментом, часто проявляемым с определенным бесстыдством. Когда в анализе она вошла в контакт со своим неотступным стыдом, она признала еще одну свою сторону: она была не

способна действовать, беспомощна, парализована стыдом. «Мои действия замедленны; я замечаю, что на самом деле я туповата, я не схватываю целого. Я уверена, что у меня есть нарушение чтения и письма. Мне хочется принижать других. Способности других напоминают мне о моей неполноценности, и я начинаю завидовать им».

Проявления стыда как конверсий, компульсий и фобий

Стыд может также распознаваться через эквиваленты аффекта, которые напоминают конверсии. Если показать их связь с чувством стыда, то стыд принимает более четкую форму и входит в сферу аналитической работы.

В течение последних стадий длительного и трудного анализа пациентки значимость проблемы стыда становилась осознанной как для аналитика, так и для анализандки. У нее была тенденция к симптомам по типу конверсии. Когда она чувствовала, что двигается неловким образом, что ее мысли дезориентированы, а левая сторона ее тела мягкая и слабая, ее на самом деле парализовал стыд. У нее был «левосторонний паралич на почве стыда» – так этот случай описывался. Симптомы конверсии содержали, в первую очередь, отвергаемый аффект, а не бессознательную фантазию.

Еще одна анализандка «чувствовала отвращение» во время аналитических сессий или по пути туда. Это был аффект, эквивалентный связанному со стыдом отвращению (Tomkins, 1987), в котором фантазийное содержание часто было вторично относительно формирования симптома. Обнаружение стыда и отвращения помогли дотянуться до текущей реальности ее психики, и через это понятно стало несколько вещей, таких как страх «потерять лицо» и «исправление внешнего вида», которые проявлялись в сновидениях и симптомах.

Компульсивный контроль и нарастающие обсессивно-компульсивные симптомы могут быть попыткой использовать анальные средства для того, чтобы дотянуться до переживания успеха, которое необходимо для защиты от стыда и которое невозможно получить никакими другими

средствами. Стыд может быть центральной проблемой обсессивно-компульсивного человека, а анальность – усилием контролировать стыд. Функцией обсессивных мыслей может быть то, что они помогают справиться со стыдом и при этом прячут его.

В дополнение к прочим обсессиям у анализандки была компульсивно повторяющаяся воображаемая картинка, как она вырезает на себе крест. Эта компульсия содержит фантазию харакири, окончательного устранения стыда.

Стыд часто оказывается тем фактором, который лежит в основе фобических тревожных атак. Существует предрасположенность к стыду; коллапс, вызванный стыдом, паралич, отсутствие мышления и чувство никчемности могут привести к панической реакции. Традиционная теория не предлагает средств для понимания такой паники, что может быть одной из причин, почему психиатрия создала новую диагностическую единицу, паническое расстройство, которая вызывается физиологическим нарушением головного мозга и не поддается психотерапии.

Семинар по паническим расстройствам разбирает случай пациентки, которая разочаровалась в своей долгой психотерапии и перешла на медикаментозное лечение. Ее панические атаки постепенно нарастали по интенсивности до такой степени, что она стала способна передвигаться только в сопровождении кого-либо или же на такси. Примерно за год до начала атак ее первый ребенок родился инвалидом. В своей терапии она говорила о чувстве вины, которую у нее порождает эта инвалидность. Она пережила свою первую паническую атаку, когда ехала на крестины. Ее родственница родила своего первого ребенка. Когда пациентка приближалась к их дому, ее охватила паника. Предположение, что, как мать ребенка-инвалида, она стыдится пойти и встретиться со своими родственниками на церемонии крещения, было поддержано дополнительной информацией, что ее собственные родители вели себя унижающим образом по отношению к внуку-инвалиду. Стыд оставался нераспознанным; как часто бывает, он проходил под именем вины.

Человек, у которого в раннем детстве были травматические, вызывающие стыд переживания брошенности, может быть очень чувствительным ко всевозможным формам отвержения и сопутствующего ему стыда.

Анализандка, чьи симптомы временами включали обессиливающие состояния паники, рассказала о новой панике, с которой она уже смогла справиться: она видится с подругой и ожидает, что сможет пойти с ней в город. Подруга сообщает ей, что у нее изменились планы и что она едет в другое место, чтобы встретиться с кем-то еще. Анализандка решила воспользоваться общественным транспортом, потому что автобусная остановка была совсем рядом. Она говорит: «…Когда я вышла, у меня совсем закружилась голова, я стала искать автобусную остановку, но не могла ее найти… я не знаю, как я поймала такси, меня охватил ужасный страх… мои мысли были парализованы, я не могла ничего отслеживать или как-то планировать свои действия». Она смогла, однако, взять себя в руки и справиться со своей паникой. Разочарованная в своих ожиданиях, она чувствовала стыд по поводу нереализованных надежд, оказалась парализованной, беспомощной и охваченной паникой. Позже она сообразила, что не видела остановку, хотя была рядом с ней.

Темница стыда

У анализанда должно быть сколько-то доверия, что его поймут, для того чтобы могла быть создана аналитическая сцена, область взаимного размышления. В начале анализа он часто проверяет аналитика в этом отношении. Самая большая трудность и, возможно, непреодолимое препятствие во многих анализах – это то, что аналитическая сцена (терапевтический альянс) не может быть создана, несмотря на усилия обеих сторон. На основе нашего опыта мы разделяем взгляд Фонаги (Fonagy, 1990), что происхождение стыда – это часто подавляющее или эмоционально пустое отношение родителей. «По нашему опыту, наиболее широко распространенная причина – это абьюзивная или психически опустошенная родительская забота. В первом случае ребенок вынужден

отрекаться в целях защиты от своих представлений об объектах, от мыслей и чувств по их поводу, поскольку они воспринимаются как опасные для собственной психологической целостности. Во втором случае родители могут настолько неверно воспринимать аффекты своего ребенка, что ребенок вырабатывает психическую репрезентацию такого объекта, который не способен наблюдать, видеть и понимать психические состояния» (Fonagy, 1990). В таких случаях выстраивание возможности взаимного понимания становится первой, иногда основной задачей психоанализа.

Мы сталкиваемся со значимой проблемой стыда у тех анализандов, которые пережили травму в раннем детстве. Они остались пленниками стыда, как часто бывает с жертвами дурного обращения, узниками концлагерей, жертвами школьных издевательств или супружеских побоев. Им все время стыдно, что они не смогли пробудить принятие и понимание у тех, от кого они зависели. В их внутреннем мире Танатос стоит в жестокой оппозиции к либидо.

Отсутствие понимания или унижение в отношении родителей к ребенку часто отражают их собственную трагедию. Достаточно часто бывает, что родитель пытается разрешить свою собственную проблему стыда через ребенка. Единственное, что в ребенке хоть чего-то стоит, – это то, что позволяет родителю чувствовать себя успешным в качестве матери или отца или чем отец и мать могут гордиться. Опыт стыда из детства родителя или постыдный семейный секрет, который анализанд назначен выправить или сам себя назначил это сделать, может быть задником той темницы стыда, в которую заключен анализанд. «Телескопичность поколений», описанная Файмберг и Корелом (Faimberg, Corel, 1989), когда анализанд идентифицировал себя в отношениях между своими родителями и их родителями, в случае стыда особенно ясна.

Анализанд, претерпевший травму в результате детства, разрушившего его психическую интеграцию, или эмоционально пустого детства, может обнаружить, что для него критически важно осознать существование стыда и его

различных эффектов: «Я не обязан защищать себя от бездонной и непоправимой неполноценности. Я не являюсь неизлечимо беспомощным, бессильным, не умеющим думать, погруженным в уныние и лишенным Я. Стыд – это чувство, которое всех заставляет чувствовать нечто подобное». Тогда стыд становится открыт для более близкого рассмотрения. Хотя Танатос держится за свои позиции с почти невероятным упорством, аналитический процесс все же может начаться.

Стыд, созданный психоаналитической ситуацией

В повседневной жизни стыдить – это оружие, которым много пользуются, чтобы реально или в воображении поправить, подавить, парализовать или заставить человека почувствовать себя беззащитным. Этим пользуются педагоги и начальники, это профессиональный инструмент некоторых судебных адвокатов. Он используется элитарными кликами и популистскими политическими партиями, такими как нацисты или коммунисты. Парализующие «стрелы стыда» – частое оружие в супружеских ссорах, которое вредит отношениям, чего тот, кто им пользуется, часто не понимает, и отношения потом трудно исправить. Стыдить – опасное оружие, поскольку его использование вызывает у оппонента желание ответить тем же, ударить по какому-нибудь больному месту, добиваться превосходства, уничижать и подавлять.

В случае психоанализа само признание потребности в помощи может быть невыносимо унизительным. Оно показывает нашу слабость. Но, помимо того, это желание может выказываться, когда взаимность не удалась и само существование желания стало источником стыда. Такое желание может стоять в скрытом виде за тем, что человек начал участвовать в психоаналитическом сотрудничестве, проявляет интерес к нему или дает себе труд организовать практические моменты. По той же самой причине любая помощь со стороны аналитика может быть постыдной, например, дать дополнительную сессию, изменить расписание ради нужд анализанда. Поиски такого другого человека, который

выполнит невыраженное желание и которого не будет надобности о чем-то просить (поиски того, что мы часто называем жаждой симбиоза), может быть попыткой избежать такого стыда. Циничное замечание Ницше о благодарности (благодарность – это более мягкая форма мести) касается унижения и стыда в связи с получением помощи.

У анализандки было достаточно травматичное и лишенное заботы детство; в настоящее время ее общественное и финансовое положение достаточно неловкое, и для того чтобы быть способной продолжать свой анализ, она нуждалась в изменениях в расписании и денежных договоренностях. Однако она пренебрегала аналитическими сессиями, которые стали возможны через прямую помощь аналитика. У нее было такое же отношение к помощи от друзей и к договоренностям, которые помогали ей учиться. Она могла принимать только такую помощь, которая приходила как бы на бегу, почти по ошибке, не вызывая у нее стыда. Проблема интенсивного стыда доминировала в ее анализе.

Психоаналитическая ситуация может содержать постоянную угрозу стыда, который временами не особенно заметно отличается от постыдных ситуаций повседневности. Отчасти эта угроза происходит из природы работы, которая требуется в анализе, отчасти из недостатков, которых никакой психоаналитик (и никакой педагог или родитель) не могут избежать. Анализанда просят выразить и раскрыть такие вещи, которые он прятал, изолировал и диссоциировал. Однако редко бывает так, что аналитик способен понять рассказанное немедленно и в том виде, как требуется анализанду. Нечасто анализанд может получить такой немедленный знак, как взгляд, выражение лица или жест, в котором он может усмотреть понимание или интерес аналитика. Потребность в нарциссическом Я-объекте, которую описывает Кохут (Kohut, 1971), можно рассматривать с этой точки зрения, и то же самое относится к контакту глаза в глаза, который некоторые находят необходимым. Аналитик может также заставить анализанда почувствовать стыд тем, что держится заинтересованно и оскорбительно из-за недостатка понимания

или знаний, или в результате контрпереноса. Анализанд может реагировать на стыд, созданный аналитической ситуацией, идя в контратаку и вызывая стыд у аналитика, или стараясь быть более послушным, или то и другое одновременно.

Когда анализанд чувствует, что его «внутренние голоса» не принимают его ассоциаций, он считает само собой разумеющимся, что аналитик их тоже не принимает, и он испытывает стыд как перед «внутренними голосами», так и перед аналитиком. Реакция Танатоса обычно также направлена на аналитика и аналитическую работу. Она направлена на аналитика как неопределенный гнев, задетые чувства и критика, или просто как осторожные сомнения относительно его понимания или конфиденциальности. Реакция Танатоса на аналитическую работу выражается различными сопротивлениями, которые обычно также знакомы по другим контекстам.

С точки зрения аналитического метода, в таких ситуациях важно добраться до внутренних голосов, угрожающих анализанду стыдом, как можно более самостоятельно от аналитика и аналитической работы, не связывая их непосредственно с переносом. Лучший способ сделать это – идти от чувства анализанда, чувства стыда и аналитического материала вокруг него; другая причина, почему следует делать именно так, – это чтобы не поддерживать в сознании анализанда такую связующую мысль, что аналитик тоже думает, что анализанду следовало бы стыдиться себя.

Аналитик тоже всегда подвержен стыду. Когда он не чувствует, что успешен в своей работе, когда он не получает взаимности, которую он ожидает от анализанда, или когда он является мишенью порождающего стыд нападения анализанда, у него может быть искушение отклониться от рабочей атмосферы свободного наблюдения и тем самым начать делать технические ошибки. Его способность думать может быть парализована на какое-то время, а то и надолго, и он может начать теоретизировать и делать интерпретации, которых он сам не понимает; или он может прибегать к завуалированным педагогическим или другим неаналитическим мерам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Почему стыду уделено так мало внимания в теории и практике психоанализа? Почему было так трудно признать его? Первой причиной может быть то, что стыд присутствует повсюду, и это такое обыденное явление, что о его существовании невольно забываешь. Другая причина: психоанализ подходит к психическим явлениям со стороны симптомов и концепции болезни, что создает точку зрения: «Это болезнь, это симптом, это не я». Таким образом, стыд можно обойти, как бы не замечая, потому что существенный элемент стыда – это чувство, что он относится ко всему Я. Третья причина может быть та, что психоаналитический язык вообще создал много выражений, рассчитанных на то, чтобы обходить стыд. Их функция была помочь анализанду принять такие части, которые он изолировал и сделал чужими для себя. Разговоры о «младенце», «детской части», «нуждающейся части», «зле» и т. д. предназначены были для того, чтобы облегчить признание определенных содержаний психики и их приятие. Этому они, возможно, и помогают, но в то же самое время они помогают обойти стыд. Стыд, который избегают замечать, остается лишенным формы, и в таком виде на него можно натыкаться снова и снова, со всеми вытекающими последствиями.

ЛИТЕРАТУРА

Abraham K. (1913). Restrictions and transformation of scoptophilia in psychoneurotics with remarks on analogous phenomena in folk psychology. In: Selected Papers on Psychoanalysis. New York: Basic Books, 1953, pp. 169–234.

Alexander F. (1938). Remarks about the relation of inferiority feelings to guilt feelings. Int. J. Psychoanal., 19: 41–49.

Bachtin M. (1984). Problems of Dostoyevsky's poetics, ed. Caryl Emerson. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Bollas C. (1990). Origins of the therapeutic alliance. Paper read at the English Speaking Conference, London, 1990.

Broucek F. (1982). Shame and its relationship to early narcissistic developments. Int. J. Psychoanal., 65: 349–354.

Doi T. (1989). The concept of amae and its psychoanalytic implications. Int. Rev. Psychoanal., 16: 349–354.
Dostoyevsky F. (1956). Poor Folk. (Translated by C. J. Hogarth). London: J. M. Dent & Sons Ltd.
Erikson E. H. (1963). Childhood and Society. New York: W. W. Norton.
Faimberg H. & Corel A. (1989). Repetition and surprise: a clinical approach to the necessity of construction and its validation. Int. J. Psychoanal., 71: 411–420.
Fenichel O. (1945). The Psychoanalytic Theory of Neurosis. New York: W. W. Norton, 1972.
Fonagy P. (1990). Discussion of Christopher Bollas paper. Origins of therapeutic alliance. Paper read at the English Speaking Conference, London, 1990.
Freud S. (1900). On the interpretation of dreams. S. E. 5.
Freud S. (1905). Three essays on the theory of sexuality. S. E. 7.
Freud S. (1920). Beyond the pleasure principle. S. E. 18.
Freud S. (1926). Inhibitions, symptoms and anxiety. S. E. 20.
Jacobson E. (1954). The self and the object world: vicissitudes of their infantile cathexis and their influences on ideational and affective development. Psychoanal. Study Child, 9: 75–127.
Jacobson E. (1964). The self and Object World. New York: Int. Univ. Press.
Kinston W. (1987). The same of narcissism. In: The Many Faces of Shame, 214–245, ed. D. L. Nathanson, New York: Guilford Press.
Kohut H. (1971). The Analysis of the Self. New York: Int. Univ. Press.
Kohut H. (1972). Thoughts on narcissism and narcissistic rage. Psychoanal.Study Child, 27: 360–400.
Levin S. (1971). The psychology of shame. Int. J. Psychoanal., 52: 355–362.
Lewis H. B. (1971). Shame and Guilt in Neurosis. New York: Int. Univ. Press.
Lewis H. B. (1987a). Shame and the narcissistic personality. In: The Many Faces of Shame, 93–132, ed. D. L. Nathanson. New York: Guilford Press.
Lewis H. B. (1987b). The Role of Shame in Symptom Formation. Hilisdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publ.

Lichtenstein H. (1983). The dilemma of human identity: Notes on self-transformation, self-observation and metamorphosis. J. Amer. Psycho-Anal. Ass., 11: 173–225.

Matthis I. (1981). On Shame, women and social conventions. Scand. Psychoanal. Rev., 4: 45–58.

Nathanson D.L. (1987a). The Many Faces of Shame. New York: The Guilford Press.

Nathanson D.L. (1987b). A timetable for shame. In: The Many Faces of Shame, pp. 1–63, ed. D.L. Nathanson. New York: Guilford Press.

Paikin H. (1981). Report from the 7th Nordic Psychoanalytic Congress. Scand. Psycoanal. Rev., 4: 95–99.

Piers G. & Singer M.P. (1953). Shame and Guilt. New York: W.W. Norton.

Rechardt E. & Ikonen P. (1986). Die Interpretation des Todestriebs. In: H.L. Lobner, ed. Psychoanalyse Heute. Wien: Orac.

Rechardt E. & Ikonen P. (1989). A propos de I'interpretation de la pulsion de mort. in: La pulsion de mort, 2[e] edition. Paris: Presses Universitaires de France.

Reich A. (1960). Pathologic forms of self-esteem regulation. Psychoanal. Study Child, 15: 215–231.

Sandler J. (1990): On internal object relations. J. Amer. Psychoanal. Assn., 38: 859–880.

Steinberg B.S. (1991). Psychoanalytic concepts in international politics. The role of shame and humiliation. Int. Rev. Psychoanal., 18: 65–85.

Stern D.N. (1985). The Interpersonal World of the Infant. New York: Basic Books.

Tomkins S. (1987). Shame. In: The Many Faces of Shame, 133–161, ed. D.L. Nathanson. New York: Guilford Press.

Winnicott D. (1982). The observation of infants in a set situation. In: Winnicott D.W. Through Paediatrics to Psycho-Analysis. London: Hogarth Press.

Wurmser L. (1981). Shame, the veiled companion of narcissism. In: The Many Faces of Shame, 64–92, ed. D.L. Nathanson. New York: Guilford Press. Scand. Psychoanal. Rev. (1993) 16: 100–124.

О переносе: история и современная перспектива

Эро Рехардт

РОЖДЕНИЕ ПСИХОАНАЛИЗА

Мало кому известно, что то, как мыслил Фрейд, было недалеко от научного мышления его времени и близко к концепции перцептивной психологии Гельмгольца (Makari, 1994; Rechardt, 2000).

Фрейд принадлежал к научной традиции, идущей от Иммануила Канта, одним из самых знаменитых представителей которой был немецкий физиолог Гельмгольц. Фрейд восхищался им и явно считал его своим научным идеалом. Гельмгольц сделал блестящую карьеру в науке, его можно было считать «суперученым» своей эпохи. Среди его многочисленных научных достижений – основание перцептивной психологии, а в физике – открытие закона сохранения энергии. Ученики Фрейда не видели связи между Фрейдом и Гельмгольцем, поскольку их в основном интересовало клиническое применение психоанализа. Лишь немногие из них проявили склонность отслеживать мысль Фрейда, по мере того как он закладывал основы психоанализа, основы, очень близкие к идеям перцептивной психологии Гельмгольца. Эти параллели, которые в то время не были замечены, были раскрыты только значительно более поздними исследованиями истории психоаналитической мысли (Makari, 1994).

Происхождение психологии, или научного исследования событий и функционирования человеческой психики, прочно связано с перцептивной психологией и сенсорной физиологией. Традиционным взглядом на функционирование

человеческой психики была принадлежащая Аристотелю идея, что наблюдение дает точную репрезентацию реальности. Пробные попытки подвергнуть сомнению эту теорию «непорочного восприятия» (Makari, 1994) ранее предпринимались Кантом (1724–1804), а его главный труд «Критика чистого разума» (1781) привел к окончательному, необратимому коперниковскому сдвигу, к революции в нашем взгляде на мир, в наших представлениях о человеческой психике и о природе нашего чувственного восприятия. Понятие «активного наблюдателя», который сам создает для себя содержание того, что он наблюдает, теперь навсегда вошло в эпистемологию европейской философии. Намерение Канта было не субъективировать реальность, а скорее показать, что мы не можем делать наблюдений по поводу реальности «вещи как она есть в себе» (das Ding an sich), но лишь по поводу отражений этой реальности. Эти отражения порождаются всеобщими априорными способами видения мира.

Еще более значимой, чем открытия философов, явилась новая область исследования, называемая перцептивной психологией, которая была построена на основе кантовского мышления. Потомки ошибочно полагали Гельмгольца (1821–1894) представителем биологических наук – противником философии, враждебным психологии, механистичным в своих взглядах и чисто физиологичным по ориентации. Люди забыли, что мышление Гельмгольца опирается на философию Канта.

Другая широко распространенная ошибка – вопрос о том, какое место занимал Фрейд в науке своего времени. Его изображают противоречивым одиноким гением, оторванным от современной ему научной мысли. На самом деле Фрейд восхищался Гельмгольцем, и психология Фрейда весьма оригинальным образом расширила перцептивную психологию Гельмгольца, распространив ее на внутреннее восприятие (Makari, 1994). Знаменитая модель Гельмгольца, касающаяся психологических иллюзий, или галлюцинаций, была основана на ошеломляюще простом наблюдении. Если мы с силой нажмем на яблоко правого глаза, то левым глазом мы увидим

определенное световое явление. Оптические нервы, пересекающиеся на пути к головному мозгу, вызывают переключение сторон. Гельмгольц определял это световое явление как воспоминание о прежних интенсивных световых стимулах и называл его иллюзией, т. е. галлюцинацией, «бессознательным выводом», когда знакомое прошлое смешивается с незнакомым настоящим (Helmholtz, 1868; см.: Makari, 1994). Память о световом явлении знакома из прошлого; незнакомое настоящее – это то, что на глаз оказывают давление, а не стимуляцию светом. Переживание чувственного восприятия, таким образом, обеспечивает нас только информацией о наличии стимула, но не информацией о его природе. Гельмгольц числил себя учеником Канта и считал, что он разрабатывает взгляды Канта на априорность, заменяя ее памятью.

Мышление того времени можно было бы назвать двусторонним монизмом. Оно включало принцип, уже заложенный Кантом, что научное знание о реальности количественно, но при этом считалось, что психологическое, связанное со значениями знание о переживаниях является качественным. Ни количественное, ни качественное знание не ставилось на первое место, они позволяли ученым быть одновременно биологическими материалистами и психологическим идеалистами, не вступая в противоречие (Makari, 1994). Гельмгольц и его ученики действительно насмехались над романтической посткантианской философией, считавшей переживаемое в опыте подобием сновидения, но они отнюдь не недооценивали критическую важность личных значений в формировании чувственного переживания. Однако качественные различия считались не универсальными трансцендентными категориями, а основанными на переживаниях воспоминаниями. Перцептивная психология – новая область исследования, открытая Гельмгольцем, и другие его научные нововведения были значительно более важными для научного мира их времени, чем игры философов, которые не очень интересовали Фрейда. Возможно, что пренебрежительное отношение Фрейда к философии было основано на том, что своим идеалом он считал исследования Гельмгольца.

ПСИХОЛОГИЯ ОШИБОК

Согласно Гельмгольцу, чувственное восприятие не обеспечивает нас надежной информацией о внешнем мире. Он выдвинул мысль, что те характеристики, которые мы ассоциируем с объектом, не есть характеристики объекта как такового, а представляют собой воздействия, которые объект оказывает на наши органы чувств. Восприятие – это не непосредственное знание об объекте, а, скорее, психологический процесс, когда объект облекается внутренними значениями, т. е. качествами наблюдателя.

Во время первой стадии своих психоаналитических исследований Фрейд пытался создать некоторую общую модель психологии (Freud, 1895), которую он называл «Проект», или «Психология для неврологов». Французский психолог и философ Ипполит Тэн (1828–1893) и немецкий психолог Теодор Липпс (1851–1914) пытались построить модель психологии нормальных людей, следуя двустороннему монизму Гельмгольца, который рассматривает поддающееся качественной оценке субъективное восприятие и поддающуюся количественной оценке материальную истину как параллельные друг другу. Они взяли в качестве отправной точки модель иллюзии по Гельмгольцу. Согласно их мнению, восприятия вначале являются иллюзиями, в основном сформированными в результате несовершенного бессознательного рассуждения, а опыт постепенно вынуждает человека исправлять их.

Влияние Канта, Миллера, Шопенгауэра и Гельмгольца привело к возникновению традиций критической психологии в Европе, отправная точка которой была – подвергнуть сомнению идею непорочного восприятия и сосредоточиться на том, как наша картина мира формируется через иллюзию или ошибки. Понимание рождается из ошибок.

Совершенно по-своему, своеобразно Зигмунд Фрейд также примыкал к этой традиции, и его интерес был в первую очередь сосредоточен на психопатологии. По мнению Канта, «актуальная реальность» внешнего мира, Ding an sich, есть нечто неведомое. Фрейд расширил эту точку зрения, применив ее также к восприятию внутреннего мира. Внутренний

мир вначале точно так же неведом, но путем проб и ошибок, руководствуясь своими неудачами, мы постепенно находим функциональные значения, опирающиеся на воспоминания. Развитие человеческого существа – это процесс медленного расширения нашего видения мира в направлении осознания наших собственных пределов. Это развитие, которое постоянно рискует затормозиться на кажущихся очевидными истинах.

ЖЕЛАНИЯ И ВНУТРЕННЕЕ ВОСПРИЯТИЕ

В своем «Толковании сновидений» (1900a) Фрейд обсуждал теорию сновидений с точки зрения иллюзорного восприятия Гельмгольца. Вильгельм Вундт (1832–1920), занимавшийся исследованиями под руководством Гельмгольца, утверждал, что сновидения интерпретируют внешние стимулы образом, подобным тому, как, когда мы бодрствуем, мы переживаем зрительные иллюзии. Фрейд подытожил идеи Вундта следующим образом:

«Разум получает стимулы, которые достигают его во время сна… сенсорное впечатление узнается нами и правильно интерпретируется, т. е. оно помещается в группу воспоминаний, к которым, в соответствии с нашим прежним опытом, оно принадлежит… Если эти условия не выполнены, значит, мы ошиблись в отношении объекта, являющегося источником впечатления: относительно него у нас формируется иллюзия» (Freud, 1900a, p. 29).

Фрейд принял гельмгольцианскую теорию Вундта, которая утверждала, что «сновидения интерпретируют объективные сенсорные стимулы точно так же, как это делают иллюзии», но он добавляет: «Мы нашли мотив, представляющий причину этой интерпретации, причину, не указанную другими авторами». Фрейд имеет в виду, что мотивирующая сила в его модели иллюзий и сновидений – это причина внутренняя, желание. В «Толковании сновидений» Фрейд добавил новое существенное измерение в посткантианскую модель восприятия. Непознаваемой является не только «актуальная» реальность экзогенных стимулов, как показал Кант, но также и эндогенные бессознательные стимулы. Фрейд отмечает:

«В своей глубинной природе оно (бессознательное) настолько же неведомо нам, как и реальность внешнего мира, и оно так же неполно отображается данными сознательного, как внешний мир – сообщениями наших органов чувств» (Freud, 1900a, p. 613).

Гельмгольц и его последователи использовали идеи Канта, чтобы создать представление о нашем восприятии окружающего мира. Фрейд обратил их вовнутрь, чтобы объяснить восприятие нашего внутреннего мира, и попытался путем аналогий описать то, как бессознательные внутренние события становятся сознательными. Согласно Фрейду, осознание бессознательного «субъективно искажено таким же образом, как не вполне достоверно сенсорное восприятие внешнего мира», пишет Макари (Makari, 1994, p. 568). Макари добавляет: Фрейд полагал, что «бессознательные количества… допускаются в сознательное и воспринимаются лишь как качества удовольствия или неудовольствия» (Makari, 1994, p. 570).

Фрейд провел параллель между системой восприятия и сознательным. Согласно Фрейду, сознательное есть часть перцептивной системы; это орган чувств для психологических качеств. Как объясняет Макари, Фрейд опирался на двусторонний монизм, «…объявляя, что бессознательное представляет свои непознаваемые количества сознательному, которое является (по словам Фрейда) „органом чувств для восприятия психических качеств“» (Makari, 1994, p. 569).

Проведя параллели между сознательным и органом чувств, Фрейд использовал существующую модель, знакомую по теории восприятия Гельмгольца. Это помогло ему описать события бессознательного таким языком, который был понятен его коллегам.

ПЕРЕНОС

Говоря о проявлении желаний, Фрейд предполагал также существование еще одной формы, через которую бессознательные количества могут быть в контакте с сознательным. Тот же самый базовый принцип теории перцепции Гельмгольца

помог Фрейду сформулировать и объяснить явление, которое он назвал переносом. В модели Гельмгольца опыт иллюзии появляется, когда необычный и не идентифицированный стимул ошибочно отождествляется с каким-то знакомым воспоминанием. Фрейд подчеркивал, что его модель отличается от модели Гельмгольца тем, что она выражает мотив, стоящий за иллюзией. Бессознательное воспоминание не присоединяется случайным и «нечаянным» образом к неправильному стимулу: ложное отождествление имеет свою мотивацию. Мотивирующей силой является бессознательное желание, которое ищет возможности быть исполненным. Бессознательное количество находит сознательную форму и косвенное выражение, выливая себя в предсознательное психическое содержание.

В «Толковании сновидений» Фрейд назвал это явление переносом. Фрейд объяснил, что …бессознательная идея как таковая совершенно неспособна войти в предсознательное, и она может оказывать какое бы то ни было воздействие там, только установив связь с какой-то идеей, уже принадлежащей предсознательному, перенеся на нее свою интенсивность и «прикрыв» себя ею. Здесь мы имеем факт «переноса», который позволяет объяснить столько поразительных явлений в психической жизни невротиков (Freud, 1900a, p. 562–563).

Облачившись в уже существующее психическое содержание, перенос не проникает в сознательное, подобно галлюцинации, а, скорее, искажает ранее сформированные наблюдения и предлагает впечатления и мысли, которые сами по себе являются нейтральными и безразличными, тем самым одалживая им свою собственную интенсивность и содержание.

Перенос занимал важное место во фрейдовской модели психики, поскольку, по словам Макари, «являлся метапсихологическим понятием, формализующим то, как бессознательные процессы вторгаются и искажают предсознательное психическое содержание, а в результате и сознание, и восприятие» (Makari, 1994, p. 573). Для Фрейда перенос был столь же центральным понятием, каким иллюзия была для Гельмгольца. Это было одно из тех необычных явлений,

которые позволяют идентифицировать бессознательные явления в бодрствующих людях, не имеющих психоза.

Понятие переноса важно для формирования всего нашего взгляда на человеческое существо. Оно описывает, как бессознательные психические процессы искажают и субъективируют переживания, впечатления и мысли в состоянии бодрствования. Оно показывает не только то, что люди ошибочно интерпретируют и ошибочно понимают внешние объекты, но и то, как ограничена их способность наблюдать и знать. Непознаваемое вытесненное внутреннее явление выражает себя только своей способностью искажать предсознательное. Оно пронизывает и мышление, и восприятие внешнего мира, наполняя их приятными и неприятными эмоциями, которые возникли в других контекстах и других взаимодействиях (Makari, 1994; Rechardt, 1998).

КЛИНИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ПСИХОАНАЛИЗА

Психоанализ возник из клинической потребности, из попытки Брейера и Фрейда (Freud, 1895d) найти метод лечения симптомов истерии. Он имел практическую направленность на решение остро реальных вопросов, касающихся плоти и крови. Основной мишенью психоаналитического метода являются страдания человеческого Я, беспомощность, нарушения телесного функционирования, чувство угрозы и недостаточного контроля над собственной жизнью. В этой ситуации изучение бессознательных значений находит свою конкретную цель. Центр исследования смещается с психики вообще на ее нарушения. Задача психоанализа – определить наличие изолированных участков психики и помочь интегрировать их с Эго, ожидая, что от этого Эго станет сильнее и сможет существовать в менее опасном состоянии. Это привело к тому, что характерные для психоанализа исследования ставят целью понимание себя и нацелены на контакт с переживаниями, сформировавшими значения при восприятии внутреннего Я и внешнего мира, с переживаниями, истоки которых лежат вне области сознательного понимания себя. Таким образом, цель – найти связи с личными, возможно, достаточно

ранними переживаниями и с воспоминаниями о них. В ходе индивидуального развития эти воспоминания прошли много фаз и породили много производных, которые Фрейд называет «*subsequent*» (добавленными после). Немецкое выражение, использованное Фрейдом, – *nachträglich*. Французский психоанализ использует термин *aprés coup,* который играет заметную роль в теории французского психоанализа. «Каждое слово, которое мы используем, включает свои более ранние значения. Задача психоаналитика выяснить эти значения» (Green, 1998). Английский перевод Стречи «*deferred action*» (отсроченное действие) отличается в том смысле, что предполагает действие, хотя речь идет о значениях, которые выявляются позднее, после определенной задержки.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРЕНОСА

Концепция «переноса» было частью теории сновидений. Согласно этой концепции, все наши восприятия, касаются ли они внешнего мира или исходят из внутренних восприятий, являются воспоминаниями. Они исходно неизвестны, т. е. бессознательны, как это называл Гельмгольц (1868). К восприятиям внешнего мира по Гельмгольцу Фрейд добавил внутренние восприятия, желание. В термин «желание» входят стремление к удовольствию, удовлетворению и облегчению. В своей архаической форме они стремятся к исполнению, невзирая на последствия и любой ценой. На языке клинических терминов желания могут быть деструктивными, либидно ориентированными или же смесью того и другого.

Для того чтобы увидеть перенос, недостаточно осознавать возможность его существования. Хотя Фрейд уже писал о переносе и объяснял его теорию, ему пришлось позднее признать в случае Доры, что он не заметил ее переноса на себя, ее аналитика (Freud, 1905e). Фрейд утверждает часто, что найти и переработать перенос критически важно для результатов анализа. Это проблема, с которой постоянно приходится сталкиваться каждому аналитику.

Гельмгольц пришел к выводу, весьма важному для перцептивной психологии, что значения, которые наша психика

придает воспринимаемому, являются результатами воспоминаний о нашем опыте. Фрейд добавил внутреннее восприятие к восприятию внешнего мира по Гельмгольцу. Все наши восприятия исходно неизвестны, т. е. бессознательны, как выражает это Гельмгольц. Они получают свое значение, эмоциональное содержание, словесное выражение, свое имя через воспоминания о переживаниях, в контексте которых они пришли в нашу психику. Возможно, забытая связь между Фрейдом и Гельмгольцем является причиной того, что так долго не обращалось внимания на роль памяти в формировании переноса. Если мы начнем наши размышления с процесса вспоминания, нам придется изменить свои привычные представления о переносе.

В последние годы психоанализ принял от когнитивной психологии теорию, согласно которой существуют два вида вспоминания: процедурная, т. е. программированная память, и личная, т. е. ситуационная память. Эти разновидности памяти хранятся по-разному, хотя медленное преобразование из одного типа в другой возможно. Процедурная память не может быть выражена словесно, вместо этого она проявляется в действии. Она хранится отдельно от личной ситуационной памяти, которая выражается словесно и до которой легче дотянуться в психоаналитической работе. Фактически акт вспоминания задействует части обоих видов, такие как программированные двигательные воспоминания, с фиксированным двигательным содержанием и привязанные к ситуации, имеющие конкретные характеристики, поддающиеся анализу, и словесно выражаемые воспоминания. Поэтому акт вспоминания обычно более или менее ненадежен. Он включает компоненты, которые ощущаются как бесспорно истинные, какой бы ошибочной ни была эта уверенность. Личной ситуационной памяти может не хватать компонентов, потому что, хотя их восприятия и переживания должны существовать, разум не может их восстановить. Парадоксально, но амнезия тоже является формой вспоминания. Возможно, что переживания, которые не были записаны в ситуационную память, а хранятся вместо этого в процедурной памяти, разом выплескиваются в психику как иллюзорные переживания.

Я склонен считать, что травматические переживания в особенности предрасполагают процедурную память становиться сверх разумного предела доминирующей. Тогда действие вытесняет способность к мышлению и воображению, так что образы, требующие действия, нарушают наши взаимодействия, а воспоминания о позитивных переживаниях оказываются на заднем плане нашего переживаемого мира. Процедурную память не следует, однако, снабжать просто ярлыком «плохая память». Удовлетворяющий опыт достаточно защищающей заботы у маленького ребенка формирует хорошую основу в нашей процедурной памяти для дальнейшей жизни. Возможно, что тех людей, кого мы сейчас называем «нарциссически поврежденными», будут в будущем описывать как людей, у которых доминирует травматизированная процедурная память.

ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ СВОЕГО Я

Согласно традиционным психоаналитическим представлениям, переживание своего Я как отдельного от объектов возможно только после того, как сформировалась граница между Я и Другим и отдельность от этого другого. Лакан говорит, что ребенок находит свое Эго в зеркале. С этого момента Я тоже одновременно является Другим и с ним есть некие внутренние отношения. Кохут думает иначе: первое зеркало ребенка – это одобряющий взгляд матери (Kohut, 1971). Эта отправная точка рассуждений Стерна в книге «Межличностный мир младенца» (Stern, 1985), где он описывает современные исследования по развитию в раннем детстве. У него интересная точка зрения на развитие переживающего Я. Его предпосылка такова: Я младенца происходит из реципрокности с его окружением, с начала жизни переживающее Я является центральным организующим принципом в развитии ребенка. Особенно интересно, что Стерн ввел новую психоаналитическую парадигму: центральное значение реципрокной коммуникации.

Стерн пытался понять мир младенца с первых моментов его существования. Новорожденный может реагировать на внешний мир сосанием, поворотом головы или взглядом. Отслеживая движения сосания, удалось выяснить, что

младенец больше возбуждается от звука человеческого голоса, чем от других похожих звуков. Отслеживание количества поворотов головы младенца показало, что младенец узнает запах молока своей матери, отличая его от молока других матерей. Наблюдая, куда младенец смотрит, удалось выяснить, что его больше интересуют картинки, изображающие лицо, чем любые другие картинки. Все эти явления свидетельствуют о способности младенца формировать ранние объектные отношения. Результаты многих других исследований доказали, что способность стремиться к контакту полностью задействована у младенца с момента рождения. Важно то, что эти особенности восприятия изменили представление о такой ранней стадии развития, как стадия аутизма. Стерн утверждает, что усилия достичь реципрокности и постоянно расширяющееся переживание Я присутствует в жизни младенца с самого начала. Ранее считалось невозможным переживать Я на этой фазе, поскольку дифференцированное Я, единица, которая независима от своего окружения, на этой стадии не существует. Стерн доказывает, что Я есть переживание связных и дифференцирующих психических функций. Демонстрируемые ребенком в обеспечивающем безопасность присутствии своей матери способности (такие как способность формировать восприятия или понимать их внутренние соотношения) на самом деле есть то же самое, что переживаемый опыт рождения Я. Ребенок, о котором хорошо заботятся, может также быть в состоянии мирной пассивной активности, которая регулярно повторяется. В такие моменты ребенок наблюдает свое окружение, оглядываясь в поисках чего-нибудь нового. Ребенок перерабатывает свои восприятия через врожденные склонности. Я включает как формирование, так и постоянство новой организации. Это, прежде всего, опыт достижения и функционирования, опыт того, чтобы быть живым (Rechardt, 1988).

НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Представление о роли переноса сходно у представителей различных психоаналитических школ. Однако различные школы трактуют перенос по-разному: некоторые акцентируют

его часто непростые вербализованные черты, соединенные с процедурной памятью, другие фокусируются на личной ситуационной памяти, отражаемой переносом. С точки зрения реципрокности, перенос отражает все те ее формы, которыми были встречены ранние желания, нужды и устремления, и всю ту реципрокность, которая отсутствовала. Представление о постоянно присутствующей потребности в реципрокности, существующей с самого раннего детства, придало новый аспект психоаналитическому знанию. Возникла поворотная точка, признаки чего присутствовали во многих направлениях в последние годы. Важность быть понятым и переживания в области реципрокного понимания обретают новую значимость. Стерн с соавт. (Stern et al., 1998) говорили о «моментах встречи» между психотерапевтом и человеком, получающим терапию, о событии, которое характеризуется мгновением взаимного понимания. Этот момент расширяет сознание человека, получающего психотерапию, и формирует новые ракурсы понимания. Стерн ставит целью найти у своих клиентов такие участки психики, в которых можно обнаружить поддающееся словесной передаче понимание. Фонаги (Fonagy, 1999a) четко изложил свои мысли на эту тему в редакционной статье, высказав, что нам следует забыть археологические метафоры и что понимание прошлого не обязательно гарантирует достижение результатов в лечении. Голдберг ответил на это, что статья Фонаги недостойна опубликования, и утверждал, что реконструкция прошлого остается одним из краеугольных камней психоаналитической работы (Goldberg, 1999). Фонаги затем ответил (Fonagy, 1999b), подчеркнув, что на первом месте стоит понимание сегодняшнего состояния психики, и именно поэтому необходимо перерабатывать ту часть переноса, которая связана с невербальной процессуальной памятью. Тэхкэ (Tähkä, 1993) предлагает подход более простой и более близкий к практике. Он подчеркивает, что пограничный пациент не получает пользы от того, что ему указывают на перенос, а получает пользу от способности аналитика выражать настроения и чувства пациента, чего сам пациент сделать не способен. Он называет это эмфатическим описанием (там же, p. 349–360).

Различия между теорией и практикой психоанализа, описанные выше, становятся столь напряженными потому, что они – за исключением мыслей Тахка – не учитывают полностью, какого рода нарушение является предметом лечения. Бём (Böhm, 1999) говорил, что опытный аналитик найдет проблемные области анализанда наилучшим образом, просто вслушиваясь в неконтролируемые мысли, которые вызывают у него речи пациента. По мнению Бёма, различные типы программ, например такие, которые предлагает клейнианская традиция, просто отвлекают от этого процесса. Он подчеркивает, что даже перенос не следует делать ключом к решению. Аналитик должен вслушиваться без предвзятых идей во все, что приходит ему на ум, пока говорит пациент. Метод, который описывает Бём, вероятно, лучше всего подходит тем пациентам, чей перенос в основном находится в области персональной ситуационной памяти. Для того чтобы достичь взаимного понимания, пусть на мгновение, аналитику нужно, как писал Тахка, распознавать и называть настроения и чувства, через которые проходит пациент, ограниченный узким диапазоном невербальной двигательной процессуальной памяти.

АНАЛИТИК КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ

Цель выявления переноса, таким образом, в том, чтобы найти связи, ведущие к персональным, возможно, достаточно ранним воспоминаниям и к их производным. Часто это процесс, который требует много времени и тщательной проработки и переработки воспоминаний, вновь и вновь в разных контекстах. Однако опыт показал, что, даже если старательно работать с переносом, это не всегда приносит результаты. Недавно высказанные взгляды на вспоминание помогают это понять. Выяснилось, что важно искать новые точки зрения, чтобы достучаться до все более нарушенных анализандов. Стало обычным говорить, что анализанд нуждается в новом объекте в лице аналитика. Это значит, что человек, получающий анализ, обретает опыт коммуникации с кем-то, кто может понять его иным образом, чем люди, когда-то важные в его прошлом

(Fonagy, 1999; Loewald, 1960; Tähkä, 1993). Фокус смещается с прошлого и истории в настоящее, на тот факт, что аналитик находит словесные выражения для настроений и состояний психики анализанда, которых у того ранее не было, но которые для него приемлемы. Это расширяет способность анализанда достигать самопонимания.

СТУПОР СТЫДА КАК ОДНО ИЗ НАРУШЕНИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Исследования по раннему развитию очень важны для сегодняшнего психоанализа. Было доказано в терминах биологии, насколько важно найти принимающую реципрокность в человеческих отношениях и какие тяжкие и долгосрочные последствия для ребенка может иметь ее недостаток. Крайний пример этой значимости – ребенок, выращенный обезьянами, который никогда не выработает человеческих способов мышления и социальных навыков. С раннего младенчества и позднее реакции на потребность младенцев во взаимности воздействуют на их отношения с другими людьми такими способами, которые оказывают влияние на всю их жизнь. Реакции, которые мы получаем на наши поиски реципрокного взаимодействия, формируют наш социальный язык. Возможно, хотя и трудно, позднее научиться новому языку. Достаточно хорошая взаимность в отношениях формирует у ребенка фундамент для чувства безопасности, переживания Я, самоуважения и способности к сотрудничеству.

Проводились экспериментальные исследования по реакция младенца на недостаток взаимности у его матери. Матерей инструктировали выдерживать лицо без выражения, не смотреть на малышей, которые ловят взгляд матери, и не улыбаться им. Малыши какое-то время были в замешательстве, но быстро собирались и были готовы попробовать снова встретиться взглядом с матерью. Если ответ матери был по-прежнему без выражения, почти все младенцы реагировали одинаково: их Я давало сбой, их двигательная активность становилась неконтролируемой, и они регрессировали на болезненный плач. Мы можем догадываться, что, если

это происходит часто, младенец быстро научится не искать контакта и не ожидать, чтобы кто-то понимал его, когда его Я разбивается вдребезги. В таком состоянии «тебя избегают, как чумного, и ты должен также избегать других» – пишет шведский психоаналитик Кьеллквист (Kjellqvist, 1993) в своей книге о стыде. Язык стыда – это наш естественно врожденный язык морали, нечто, что стали лучше понимать в последние годы. Ранее стыд рассматривался как типичное явление личной ситуационной памяти, временное чувство дискомфорта. Однако акцентированная тенденция испытывать стыд является важным нарушением процессуальной памяти. Оно ведет как к более высокому риску оказаться парализованными стыдом, так и ко многим формам антисоциальности, чтобы защитить себя от ступора. Что упускалось, так это архаическая природа стыда, которая заставляет нас верить, что всякое усилие поиска взаимности неразумно и ведет к полному внутреннему ступору и ослаблению жажды жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье ставилась задача подчеркнуть, что перенос есть воспоминание о прошлых переживаниях, хотя это воспоминание имеет многие черты, которые не вписываются в наше повседневное мышление. Как предполагал Фрейд, в соответствии с Гельмгольцем, наши восприятия – даже восприятия по поводу нашего внутреннего мира – не имеют «типичного» значения. Мы интерпретируем наше восприятие на основе своих воспоминаний. Наши воспоминания программируют значения для наших восприятий, но этот процесс в очень большой степени бессознательный. Воспоминания меняются с течением времени. Возможно, что то, как на ранней стадии жизни формируется восприятие или насколько оно было травматично, воздействует на то, насколько хорошо оно перерабатывается. Фрейд исследовал событие вспоминания с целью сделать его более сознательным и менее диссоциативным. Одна из существующих на сегодняшний день –теория, согласно которой не бывает какой-то единой «памяти», а есть различные формы памяти, которые записываются разными

способами. Одна из них связана с действием и невербальна, а другая – это ситуационная память, которую можно выразить словами и переработать психологически. Эта форма вспоминания также требует контакта с бессознательным, но к ней легче найти доступ в психоаналитической работе. Те пациенты, которых трудно лечить (пограничные, нарциссически травмированные и психотики), контролируются первой, и им нужна своя особая стратегия, чтобы испытать переживание взаимности. Об этом писали Фонаги, Левальд, Тэхкэ и группа Стерна.

Те дополнения, которые были произведены в психоаналитической теории и практике в последние одно-два десятилетия, представляют собой шаг вперед и повышенную интеграцию психоанализа. Как пишет Пайн (Pine, 1998), психоаналитическое знание развивается путем роста, а не путем отказа впустить что-то внутрь. В нашей повседневной работе мы не «обходимся» только одним богом, как сказал Фонаги; нам нужно много богов, которых мы будем использовать, когда они будут нам нужны, и которым мы будем изменять в соответствии с сиюминутной потребностью, ситуацией и клиентом. Необходимо поступать так, как рекомендовал Бём (это знал также Фрейд): вслушиваться в пациента через собственные впечатления аналитика и распространять это на всю область знаний. Теоретические знания всегда должны быть на практике чем-то, что можно свободно перемещать вокруг себя, хотя невозможно игнорировать тот факт, что некоторые гипотезы могут поглотить весь наш интерес и сузить наши горизонты.

ЛИТЕРАТУРА

Böhm T. (1999). The difficult freedom from a plan. International Journal of Psycho-Analysis, 80: 493–506.

Fonagy P. (1999a). Memory and therapeutic action. International Journal of Psycho-Analysis, 80: 215–224.

Fonagy P. (1999b). Response. International Journal of Psycho-Analysis, 80: 1011–1012.

Freud S. (1895). Project for a scientific psychology. S. E., 1: 281–392. London: Hogarth.

Freud S. (1895d). Studies on hysteria. S. E., 2: 3–305. London: Hogarth.

Freud S. (1900a). The interpretation of dreams. S. E., 5: 509–627. London: Hogarth.

Freud S. (1905e). Fragment of an analysis of a case of hysteria. S. E., 7: 3–122. London: Hogarth.

Green A. (1998). Personal comment. IPA Symposium, Paris.

Helmholtz H. von (1971) [1868]. Recent progress in the theory of vision. In: R. Kahl (Ed.), Selected Writings of Hermann von Helmholtz. (pp. 144–222). Middletown, CT: Wesleyan University Press.

Kant I. (1965) [1781]. The Critique of Pure Reason. New York: St Martin's Press.

Kohut H. (1971). The Analysis of the Self. New York: International Universities Press.

Lacan J. (1988).The Seminars of Jacques Lacan. Books I and II. J.-A. Miller (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press.

Lipps T. (1905) [1926]. Psychological Studies. Baltimore: Williams and Wilkins.

Loewald H. (1960). On the therapeutic action of psychoanalysis. International Journal of Psycho-Analysis, 41: 16–33.

Makari G. J. (1994). In the eye of the beholder: Helmholtzian perception and the origin of Freud's 1900 theory of transference. Journal of the American Psychoanalytical Association, 42: 549–580.

Pine F. (1998). Diversity and Direction in Psychoanalytic Technique. New Haven: Yale University Press.

Rechardt E. (2000). Transferensseista (On transferences). Paper read at the symposium of the Finnish Psychoanalytical Society, January 2000.

Schwaber E. (1998). Travelling affectively alone. Journal of the American Psychoanalytic Association, 46: 1044–1065.

Stem D. (1985). The Interpersonal World of the Infant. New York: Basic Books.

Stern D., Sander L., Nahum J., Harrison A., Lyons-Ruth K., Morgan A., Bruschweiter-Stern N. & Tonick E. (1998). Non-interpretive mechanisms in psychoanalytic therapy. International Journal of Psycho-Analysis, 79: 741–756.

Taine H. (1872). On Intelligence. New York: Holt and Williams.
Tahka V. (1993). Mind and Its Treatment. A Psychoanalytic Approach. Madison, CT: International Universities Press.
Wundt W. (1900). Grundzilge der physiologischen psychologies Leipzig 1874. Ref: Freud S., «The interpretation of dreams» (1900a). S. E., 5. London: Hogarth.

О психологии панической тревоги

Эро Рехардт

Паническое расстройство – это новый диагностический ярлык. Это вызов психодинамической интерпретации тревоги, поскольку, применяя его, мы признаем, что в основе тревоги лежат нейрохимические, а не психодинамические факторы. Есть доказательства того, что психотерапия не показывает никаких результатов при лечении случаев тревоги, которые классифицируются как панические расстройства. Прием антидепрессантов и некоторых анксиолитиков, однако, полезен, и говорят, что они представляют собой новый курс лечения в состояниях тревоги.

Я подойду к этому вопросу с точки зрения своего долгого психоаналитического опыта, а также с использованием имеющейся литературы.

ПРИСТУПЫ ТРЕВОГИ: СЛИШКОМ МНОГО СОЛНЦА?

Я получил первый опыт работы с состояниями тревоги, когда работал врачом общей практики в Восточной и Северной Финляндии. Среди женщин молодого и среднего возраста достаточно обычным заболеванием было состояние, которое называли расстройством сердечного нерва. На пациентку нападали необъяснимые страхи, ее сердце бешено колотилось, казалось, что она вот-вот умрет, и вызывали врача. Деревенские врачи называли это сердечно-нервным расстройством, специалисты по внутренним заболеваниям говорили о вегетативной дистонии. По мере того как состояния тревоги повторялись, пациентка попадала в долгую круговерть

медицинских обследований. В Северной Финляндии это расстройство явно было сезонным: оно случалось более всего поздней весной и ранним летом. Жены мелких землевладельцев чаще приходили на прием к врачу, подскакивала продажа лекарств, успокаивающих сердечный нерв. Какова была причина этого сезонного колебания? То ли внезапное увеличение количества солнца после субарктического темного периода как-то нарушало баланс органов, то ли народы Дальнего Севера страдают не только депрессией в течение темного периода, но также весенним возбуждением? Поскольку меня интересовали психологические факторы, я провел интервью со всеми моими пациентками и расспросил их об их текущей жизненной ситуации. Шли 1950-е годы, и я вновь и вновь слышал одну и ту же историю: поскольку снег растаял, то кончился лесоповал и муж вернулся домой из лагеря лесорубов после долгого зимнего сезона. Возникала боязнь новой беременности, превалирующим методом контрацепции был *coitus interruptus*. Так что сексуальные конфликты были острой, хотя и не единственной проблемой. Достаточно часто случалось, что глава семьи по дороге домой прошелся по кабакам, потратив деньги, которые нужны были, чтобы заплатить по счетам и купить еду и одежду.

Таким образом, это была одна из форм тревожного нарушения: истерический аффект, эквивалентный ярости и сексуальному возбуждению, который был далее окрашен сопутствующей гипервентиляцией. Когда приступы повторялись, то заболевание принимало затяжной характер и становилось большим бременем. Правильное обучение, например, методам контрацепции могло облегчить симптомы и предотвратить ненужную череду медицинских обследований. Такие состояния тревоги могут появляться у относительно здоровых людей.

ТИПИЧНЫЙ СЛУЧАЙ ПАНИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА

Обычно, однако, психологический фон более сложен. Хотя состояние тревоги связано с каким-то угрожающим чувством и хотя это чувство провоцируется каким-то недавним опытом,

оно может быть также связано с прошлым. Я расскажу о психотерапии, которую я супервизировал.

Молодая женщина из сельской местности в Восточной Финляндии, госпожа А., выехала в Швецию работать. Пока она находилась там, начались панические приступы, и они были отчасти причиной ее возвращения в Финляндию. Она вышла замуж и училась, чтобы заняться профессиональной деятельностью. Панические атаки постоянно ограничивали ее жизнь. Она вынуждена была зависеть от помощи своего мужа, поскольку ему приходилось сопровождать ее, когда она выходила из дома, и ей приходилось выбирать, куда поехать, где работать и т. д. таким образом, чтобы она не подвергалась тревоге.

Сессии психотерапии проходили раз в неделю. Нетрудно было обнаружить красную нить. Перед ее первой атакой тревоги в Швеции закончились важные отношения с мужчиной. Более незначительный опыт сепарации немного позже спровоцировал первую паническую атаку. Затем паническую атаку могли вызывать временное и краткое одиночество, о котором она еще даже не думала четко и не могла связать с паникой. Так, она пережила паническую атаку, пока была на каникулах в Испании с подругой. Ее подруга пошла вечером на свидание с джентльменом, с которым познакомилась, а госпожа А. осталась в своем гостиничном номере. Она не осознавала своего чувства одиночества, и в номере на нее напала паника. Было ясно различимо, как исходная травматическая тревога развилась в сигнальную: малейшая вероятность одиночества вызывала реакцию угрозы. Она пережила свою первую тревожную атаку еще ребенком. Она была одна в лодке на середине озера. Когда она легла на дно лодки и увидела над собой бесконечное небо, ее охватил необъяснимый страх. В те детские годы ее мать лечилась в туберкулезном санатории. Ее отец заботился о семье в одиночку, но из-за работы ему приходилось много разъезжать. В этих обстоятельствах госпожа А. рано стала самодостаточной, независимой и даже упорной специалисткой по выживанию, и одним из следствий этих черт была ее эмиграция в Швецию.

Когда она смотрела на открытое небо посреди озера, ее охватило одиночество, которое на самом деле было вокруг нее каждый день, только она не оставляла ему никакого места в своей душе. Это безымянное одиночество теперь наполнило ее душу ужасом. Когда она, став взрослой, почувствовала себя покинутой в ходе любовной истории, она была по-прежнему все так же лишена средств справиться со своим одиночеством, как было в детстве. Психотерапия помогла ей распознать в себе одинокого ребенка, находившегося внутри нее, и соединиться с ним, чтобы он образовал часть ее. Во время одной драматической психотерапевтической сессии она рухнула на пол, раздавленная чувством беспомощности, которую вызывала у нее мысль о завершении психотерапии. В случае этой женщины меньше двух лет психотерапии привели к полному снятию симптомов.

Легкие, временные и поддающиеся контролю состояния паники появляются как вторичные диагнозы у многих пациентов, проходящих психоанализ, которые приходят за помощью по поводу других симптомов, таких как депрессия, компульсивные симптомы или трудности в отношениях с людьми. Ехать в лифте или сидеть в кино может показаться неприятным, в самолете приходится успокаивать себя выпивкой. Пациент может мимоходом упомянуть, что он много лет не водит собственный автомобиль, потому что для него настолько невыносим страх потерять контроль над машиной или страх, что кто-то в вас врежется. Эти небольшие тенденции к панике обычно исчезают сами по себе по ходу психоанализа и по мере того, как пациент знакомится со своим собственным бессознательным.

ПАНИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА И НАРЦИССИЧЕСКАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Иногда тенденция впадать в панику настолько упорна, и тревога иногда может быть настолько жестокой, что и психотерапевт, и пациент теряют веру и приходят к убеждению, что лечение безрезультатно или даже вредно. В этих случаях сопротивление лечению связано с базовыми проблемами психики

пациента. Тенденцию впадать в панику можно наблюдать в сочетании с различными видами психических расстройств.

– Состояния тревоги, связанные с временными кризисами и конфликтами, одним из примеров этого будет вышеописанный случай жены мелкого землевладельца из Северной Финляндии. Часто достаточным средством от этого является обучение и краткосрочная терапия.

– Неврозы тревожности, связанные с вытесненными чувствами и провоцируемые жизненными ситуациями, у людей, которые не имеют особо заметной нарциссической структуры характера, примером чего служит молодая госпожа А., у которой появилась тенденция впадать в панику в Швеции. Эта группа, пожалуй, самая широко распространенная. В этих случаях обычно эффективны психотерапия и психоанализ.

– Когда человек, страдающий от состояний паники, имеет выраженные нарушения на нарциссическом уровне, то тенденция впадать в панику может быть упорной и сопротивляться лечению и результаты лечения нельзя гарантировать. Психическое расстройство может содержать психотические, депрессивные или параноидные ингредиенты, суицидную тенденцию, аддикции и перверсии. Длительные терапевтические отношения в этих случаях всегда будут приводить к проблемам, и из-за них продолжение лечения часто бывает поставлено на карту. По мере того как ситуация с переносом-контрпереносом становится более напряженной, ухудшается общее состояние пациента, симптомы становятся более тяжелыми, лечение кажется безнадежным и выглядит так, будто причиняет только вред. Тенденция к панике привносит в лечебную ситуацию совершенно особый элемент драматичности и угрозы, и продолжение лечения может представляться слишком большой ответственностью. Пожалуй, только опытный терапевт может справиться с такой задачей без хорошей супервизии.

Я еще не встречал случаев состояния панической тревоги, которым нельзя было бы помочь психотерапией или психоанализом, если есть все необходимое, чтобы продолжать работу достаточно долго. Ярлык «паническое расстройство»

используется, чтобы собрать воедино тех пациентов, которые, как уверяют, получают пользу от медикаментозного лечения, но не от психотерапии. Идею, что паническая тревога не имеет психодинамики, можно подкрепить тем фактом, что нарциссическое расстройство может быть внешне невидимым, проявляться как псевдонормальность и сопровождаться успешной карьерой.

Молодой человек Б. был в большом возбуждении, когда начал свой психоанализ. Он был одарен и очень хорошо учился в школе. Теперь он ринулся в свой собственный психоанализ, готовый к эффективной и ориентированной на результат работе. Его немедленно одолела тревога. После нескольких недель он попал в больницу в бессвязном возбужденном паническом состоянии. Бессвязность речи и возбуждение снизились за несколько дней, и лечение было возобновлено, вначале как психотерапия раз в неделю. После своей госпитализации Б. какое-то время проходил психофармакотерапию. Теперь он выдерживал значительное расстояние в своих лечебных отношениях, был сдержан и осуществлял строгий интеллектуальный контроль. Его настроение было пустым и подавленным. В социальных ситуациях, но также временами и в одиночестве, его могли охватывать панического типа тревоги. Мало-помалу его внутренний мир становился понятным. И его отец, и его мать были сироты, в детстве одинокие. Оба они не способны были передать переживание присутствия и реципрокности своему сыну, но они оставались отстраненными: отец был поглощен своей депрессией и рабочей нагрузкой, а мать учебой. Мать говорила, что ей бы следовало играть с ребенком. Он помнит одного непохожего человека в своем детстве, воспитательницу с игровой площадки, которой нравилось быть с детьми. Даже в пубертатном возрасте Б. ходил на встречи с нею. Ребенком Б. спасался от своего одиночества тем, что был непрестанно подвижен, кривлялся, был полон действия и нетерпелив. Желание эротического сближения, которое пришло с пубертатом, вызвало у него недоумение, его представления о сексуальности были смутными и связанными с насилием.

Вскоре после того, как он начал учебу, он влюбился в привлекательную молодую девушку. Б. восхищался ее духовностью и артистической натурой. Их роман характеризовался взаимным нарциссическим содержанием. Они сразу же сняли квартиру вместе и, будучи в некотором шуточном настрое, поженились без ведома своих родителей. Ее беременность была прервана, поскольку появление детей не соответствовало правилам игры, в которую они играли. Скоро им надоел их брак. Оба стали экспериментировать с внебрачными отношениями, что привело к ссорам и разводу. На этой стадии Б. обратился за профессиональной помощью к психоанализу. До этого он жил, не признавая в себе жажды реципрокности, чувства, что ему что-то нужно, чувства беспомощности. Незадолго до начала анализа он развелся, переехал в незнакомый район и устроился на новую, незнакомую работу. Одинокая часть его, которую ему удавалось как-то сдерживать, прорвалась в психоаналитической ситуации, словно горная лавина, и запустила в действие примитивные защиты. После его госпитализации психотерапия продолжалась и в должное время перешла вновь в психоанализ. По мере того как объединение его личности двигалось вперед, его переживание паники стало слабее и постепенно прекратилось.

В., моложавый мужчина, является примером, по-видимому, нормального человека, у которого развилось тяжелое тревожное расстройство. Он пришел на психоанализ просто из интереса и не думал, что ему нужна какая-то помощь с его проблемами. Он незадолго перед тем женился, и с учебой, и с работой у него все шло хорошо. Вскоре начала раскрываться другая реальность. Его родители развелись сразу же после рождения В., поскольку отец В. был психопат. Он иногда оставался со своей юной матерью, а иногда жил с дедушкой и бабушкой, пока не пошел в школу и не стал жить с ними постоянно. В. встречался со своей матерью от случая к случаю, она дважды снова выходила замуж. Он восхищался своей прекрасной, недостижимой матерью и стыдился своего отца, о котором слышал только плохое. Он также восхищался нераспавшимися семьями и родителями других детей

и стыдился своих пожилых дедушки и бабушки. Он поправил постыдную ситуацию, в которой находился, тем, что создал миф, будто его отец был герой и погиб как летчик-истребитель. Риск выяснения, что все это неправда, добавлял ему стыда. Он рос пугливым мальчиком, играл с младшими детьми и пугал их своей склонностью к насилию. Отличие от других мальчиков усилилось с наступлением пубертата, когда проснулся интерес к девочкам. Он пытался прятать это отличие за напористостью и выдуманными историями. Один поворотный момент был, когда его вызвали в кабинет директора и пригрозили исключить. Он сильно испугался. Сразу же он стал старательным и обязательным учеником, который избегал недисциплинированных действий и участия в активности сверстников. До своего брака он дважды был помолвлен, но оба раза его бросали. Он цеплялся за свою жену собственнически и ревниво. Патологическая ревность стала упорным и устойчивым симптомом. Его ум охватывали приступы ревности, часто сопровождаемые ревнивыми фантазиями. Иногда приступы ревности с неопределенным содержанием бывали у него в офисе, и они были так сильны, что ему немедленно нужно было бежать в безопасность, домой. Иногда на людях его поражал парализующий страх потерять рассудок. Он всегда носил с собой успокоительное, чтобы принимать по мере надобности. В придачу ко всему этому ему удавалось работать, так что никто не подозревал, в каком состоянии находится его ум. Временами он не мог вынести мысль, что я недоступен ему каждый день и каждый час. Во время каникул и выходных его жизнь была невыносимой мукой. Он боялся утратить рассудок, боялся рака, боялся начальства, боялся своих собственных клиентов. Годами он был убежден, что психоанализ не может ему помочь и что его судьба – утратить рассудок или умереть. Временами он требовал, чтобы я изменил свой метод лечения, временами он был убежден, что его анализ – это не настоящий психоанализ. Метод неустанной работы, в которой важным мотивом было исследование, приводил к результатам медленно. Вначале он искренне удивился, когда я заговорил о том, что ему нужен

отец. Он сказал, что ему трудно представить себе что-нибудь столь же неважное, как отец, так как он только видел своего отца мельком несколько раз. Одиночество его детства, его разочарование в матери, его потребность в отце, его бездонная жажда объятия, его ярость и стыд стали почти безнадежно медленно частью ландшафта его психики. Он обнаружил значимость своего отца, он начал понимать, что и его дети тоже жаждут от своего отца понимания, и он смог увидеть, что его жена и мать – обыкновенные люди со своими собственными слабостями. Постепенно его симптомы стали легче. Он освободился от своих страхов и нашел новые способности в себе и новое содержание в своей жизни.

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Госпожа Д. является примером крайне трудного психоанализа, в котором тупик и наконец неудача на какой-то стадии казались неизбежными. Несчастием госпожи Д. было иметь мать, у которой несколько недоставало материнских способностей как благодаря недостатку опыта, так и ее собственным разочарованиям. Госпожа Д. была старшим ребенком. В младенчестве она в первые несколько месяцев плакала не переставая, а мать не понимала, что ребенок недоедает. Девочка теряла вес с пугающей быстротой, боялись, что она умрет. Наконец, матери дали совет воспользоваться искусственным вскармливанием, и малышка начала развиваться нормально. Когда госпоже Д. был год от роду, родился следующий ребенок, который полностью завладел временем и вниманием матери. Недостаток материнской заботы висел над ее детством и позже. Ее одежда была неухоженной, несмотря на богатство ее родителей. Среди сверстников она чувствовала себя чужой, неполноценной и неловкой. Однажды ее мать положили в больницу с депрессией, и она исчезла из дома надолго. Мать считала ее непослушным и неблагодарным ребенком, и позднее их отношения всегда были плохими. Отец смог сблизиться с ней больше и временами заботился о ней, но также во многих отношениях унижал ее. У отца были внебрачные связи, о которых Д. относительно рано узнала во многих

контекстах. После окончания школы она пошла учиться и была удивлена новой для себя популярностью. Очень скоро она вышла замуж за мужчину старше ее, для того чтобы можно было уехать из дома. Ее муж был элегантным, одаренным, очаровательным, но абсолютно ненадежным, и очень скоро он стал алкоголиком. Родители госпожи Д. развелись, и ее мать винила Д.: «Потому что это то, чего ты всегда хотела». Д. думала, что у нее есть тайные связи со своим отцом: «Если что-то пойдет не так, я всегда могу положиться на отца». Ее первые панические атаки начались, похоже, тогда, когда рухнул этот последний рубеж безопасности. Ее отец собрался жениться заново и пригласил Д. встретиться с его юной невестой в ресторане. Отец сидел возле бара со своей жизнерадостной невестой, которую Д. раньше не встречала. Она почувствовала мучительный внутренний толчок. Она вернулась домой. Когда она проснулась на следующее утро, ее мир стал иным, она с трудом смогла встать и ее одолело сильное чувство тревоги. Эта тревога находила волнами. Она не могла встать, ей казалось, что дома рухнут и раздавят ее, и ей приходилось прислоняться к стене, чтобы достичь безопасности. Она проконсультировалась с психоаналитиком и начала ходить на психотерапию. Скоро она почувствовала себя лучше и удивилась, что люди на самом деле понимают ее. Психотерапия была прервана, потому что ее аналитик уехал. Ее муж умер в результате своего алкоголизма, и Д. осталась одна с детьми школьного возраста. Она несколько раз возобновляла психотерапию с другим психотерапевтом, и с этой поддержкой она смогла справиться со своей непростой работой и с заботой о своей семье. Когда она снова вышла замуж, она захотела полностью избавиться от своей тенденции к депрессии и кратковременным ощущениям паники. Поэтому она пришла ко мне на психоанализ, на который я согласился, несмотря на то, что возраст Д. был не особенно подходящим для этого. Я доверял ее психической гибкости и прежним благоприятным переживаниям в психотерапии. Она пережила много утрат в своей жизни, и у нее не хватало способности справиться с ними психически. В анализе

обсуждались смерть ее мужа, смерть ее родителей и смерть ее сына в начале ее второго брака. Ее тенденция к тревоге шла волнами. Когда возникала новая тема, она переживала снова панику и депрессию. Постепенно фокус сместился на ее детство, на ее бездонное чувство, что она вытолкнута вон, чувство неполноценности, на ее стыд из-за того, что она писала в постель до позднего школьного возраста, ее зависть и досада на младших и более популярных сиблингов. Когда ее тревога понизилась, а ее благополучие возросло, я посчитал, что анализ достаточно подошел к своим терапевтическим целям, учитывая также ее возраст. Мысленно я начал готовить ее к завершению анализа, и я высказал свои взгляды ей, когда она попросила меня оценить необходимость продолжать анализ. Это было началом крайне трудной фазы.

Я уже давно замечал некую черту, но не нашел подходящих средств, чтобы справиться с ней. Это было то, с каким обожанием она выслушивала мои комментарии. Это обсуждалось среди прочего, например, ее надежд сделать свою мать счастливой и добиться принятия от своей матери – что ей никогда не удавалось. Но обсуждение, похоже, не привело ни к какому прогрессу в анализе. Она сказала мне, что у нее уже давно повторяется сновидение, в котором она вытягивает из своего горла бесконечную веревку. Мой комментарий был, что она, должно быть, чувствует, что ей скормили целый моток лжи. Ее кормил ложью ее отец, она пытается проглотить мою ложь, и ее мать никогда не была с ней правдивой. Ее очень тронула эта интерпретация, она нашла, что это удивительно верно. Сновидение никогда больше не повторялось.

Постепенно Д. начала со все большей яростью обвинять меня в том, что я не на ее стороне, а против нее, что я все время ее обижаю. Она так чувствует по завершении каждой сессии. Вновь и вновь мы анализировали ее задетые чувства, она на время успокаивалась, но приходила на следующую сессию такой же обиженной, как и раньше. Она начала бояться приходить на сессии, и наконец ее мужу пришлось сопровождать ее до дверей моего кабинета. Ее атаки тревоги становились все тяжелее, и наконец она не смогла выходить

из дома. Даже одна дома она паниковала, и ей постоянно нужно было чье-то присутствие. Ее настроение становилось мрачнее, и она была полна горечи. Она обвиняла и своего мужа, и меня в жестокости, недостатке заботы, равнодушии, в том, что мы виноваты в ее нынешнем состоянии. По ночам она осыпала своего мужа обвинениями и не давала ему спать, во время наших сессий она обвиняла меня в том, что я разрушил ее жизнь. Ситуация становилась невыносимой, и ее муж очень устал. Она пришла на очередную сессию трясущаяся и бледная от паники. Она села на краешек кушетки и спросила дрожащим голоском: «Что нам теперь делать, доктор?» Я чувствовал, что сейчас не время для каких-то интерпретаций, что мне следует говорить конкретно о настоящем. Я подумал немножко, что же мне самому кажется как можно более близким к истине, и сказал ей, что я не могу помочь ей теми средствами, которые есть в моем распоряжении. Я предложил договориться о консультации с психиатром, который сможет оценить потребность в госпитализации или лекарствах. Консультант подумал, что достаточно будет принимать антидепрессанты, и мы продолжили наши сессии. Это был случай психотической депрессии. В течение нескольких недель мы только обсуждали практические вопросы: кто позаботится, чтобы она добралась на сессию, кто будет с ней дома, как ей принимать лекарства, как она спала и т. д. Ей также требовалось соматическое лечение запущенной инфекции мочевого тракта. Я наблюдал ее слепые и упрямые саморазрушительные действия с удивлением, смешанным со страхом. Однажды ночью в одурманенном состоянии она приняла несколько дюжин капсул слабительного и думала, что умрет. Это случилось без какого-либо сознательного намерения, а было каким-то автоматическим психотическим самоубийственным жестом. Она только смутно помнила, что она принимала капсулы механически, одну за другой. Я подумал, что удачно, что у нее нет пистолета, чтобы совершить психотическое самоубийство.

В борьбе между волей к жизни и саморазрушением жизнь постепенно победила. Через несколько недель она начала

рассказывать о каких-то старых письмах своей матери, которые она читала. Ее мать пишет бабушке Д. о своем первом ребенке: как малышка сосет пустую грудь и какая жалость, что крохе придется умереть от голода. В своем письме мать Д. просит бабушку спросить специалиста, хорошо известного педиатра, что он посоветует, и они получили совет вскармливать искусственно. Все это происходило через неторопливую переписку, хотя телефон, конечно, уже был изобретен. Совет докармливать спас Д.

Слушая ее историю, я внезапно подумал, что такой же серией эпизодов было то, что мы переживали в этом анализе. Она пыталась сосать пустую грудь – мои бесполезные комментарии, по видимости довольная, пока едва не погибла. Совет специалиста – искусственное вскармливание лекарствами – спасло ситуацию. Мы оба в равной мере удивились моим мыслям. Комментарий Д. был: «Как насчет прекратить это лечение по принципу SOS и вернуться к психоанализу?» После этого снова стало возможно показывать связи между психическими содержаниями, иными словами, продолжить фактическую аналитическую работу. Веревка, которую она проглотила в своих сновидениях, исходно была пустой грудью ее матери. Она глотала слова аналитика, не пытаясь почувствовать, содержат ли они какое-нибудь питание.

Анализ продолжался после этого кризиса. Она все еще переживала состояние паники, но не в той же бесконтрольной манере. Стало возможно проанализировать их бессознательные значения, и они уже не ограничивали ее жизнь так, как раньше. Д. постепенно отказалась от своих антидепрессивных лекарств, и ее тревожность не возрастала.

По мере продолжения анализа ее исходное разочарование и ярость в адрес своей матери были отложены в сторону, и мы начали обсуждать переживания унижения и стыда, которые вызывал ее отец. Во время праздничных событий на нее нападало состояние паники. Однажды ее муж произносил речь во время торжественной процедуры, а она сидела на почетном месте в первом ряду. Внезапно ее муж начал выглядеть пугающе: суровый и старый, лицо у него было

как будто застывшее. На Д. напал ужас, она не могла отвести взгляда, но она смогла контролировать себя и продолжала сидеть. Лицо ее мужа было похоже на лицо ее отца как раз перед тем, как тот умер. Она вспомнила, как ее отец унизил ее на празднике, где он произносил речь. Д. села в переднем ряду, а ее отец рявкнул на нее: «Иди сядь в последнем ряду, здесь не твое место». На свадьбе своего брата Д. с увлечением разговаривала с людьми, рядом с которыми она сидела, и ее отец сказал: «Попридержи язык, это не твоя свадьба!» Эти и многие другие подобные случаи были типичными переживаниями стыда: энтузиазм, беззаботное приближение, ожидание очевидной реципрокности сталкиваются унизительным образом с разочарованием, наказанием или равнодушием. Она переживала как таковые большинство мелких признаков недостатка немедленной симпатии от своих друзей, своего мужа, своих сиблингов или своего аналитика. «Какой стыд! Какая я дура! Какой дурой они будут меня считать! Смерть им!» У нее бывали мысленные образы, что она палестинская девушка-террористка и мстит за унижение массовым убийством. Обсуждение стыда, стыда-ярости, желания смерти и вины за это образовали центральную тему конечных фаз анализа и сильно облегчили ее бремя. Постепенно она выработала способность анализировать свои чувства самостоятельно и отделять их от непропорционального масштаба беспомощности детства и раздавливающего стыда. Тогда она смогла освободиться от чувства угрожающей паники.

ПАНИКА И СТЫД

Меня удивляет, как часто у людей, страдающих от панических симптомов, случаются переживания стыда. Вполне возможно, что парализующий стыд или угроза его часто провоцируют панику.

Анализандка Е., чьи симптомы также включали временами лишающие сил состояния паники, рассказала о недавней панике, с которой она теперь уже справилась. Она была в гостях у своей подруги и ожидала, что та подвезет ее в город. Но подруга сказала ей, что у нее изменились планы и что она

поедет в другое место, на встречу с каким-то человеком. Анализандка решила использовать общественный транспорт, поскольку остановка была рядом. Она сообщила: «…Когда я вышла на улицу, у меня закружилась голова, я все искала остановку, но не могла ее найти… Я не знала, где взять такси, меня охватил ужасный страх… Мои мысли были парализованы, я не могла ничего видеть или как-то планировать свои действия». Она была разочарована в своих ожиданиях, ей было стыдно за свои несбывшиеся надежды, она была парализована, беспомощна и впала в панику, но смогла взять себя в руки и победить эту панику. Позднее она обратила внимание, что не заметила остановку, хотя стояла прямо рядом с ней.

Случай пациентки Ф. был представлен на семинаре по паническим расстройствам. Разочарованная в своей долгой психотерапии, она перешла на лекарства. Ее приступы паники постепенно так усилились, что она не могла перемещаться вне дома, если кто-то не сопровождал ее, или передвигалась только на такси. За год до того, как начались ее приступы паники, она родила своего первого ребенка, у которого был врожденный физический недостаток. В терапии она говорила о чувстве вины, которую этот физический недостаток у нее вызывал. У нее была первая паническая атака, когда она пошла на крестины к родственнице, которая только что родила своего первого ребенка. Когда она подошла к дому этой родственницы, ее охватила паника. Мысль, что она, как мать ребенка-инвалида, стыдится прийти на крестины и встретиться со своими родственниками, была подкреплена дополнительной информацией: ее собственные родители отнеслись к физическому недостатку внука унизительным образом. Стыд не был признан, а был, как это часто бывает, снабжен ярлыком вины (Ikonen, Rechardt, 1994).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одна из причин, почему люди разочаровываются в психотерапии панических симптомов, – это значимость проблемы стыда и характер стыда, который не был в достаточной мере понят.

Недавние экспериментальные исследования детского развития в первый год жизни ребенка открыли новые перспективы, которые изменяют многие существующие взгляды. Младенец уже в утробе имеет многосторонние способности, которые опровергают предположение Маргарет Малер о ранней фазе аутизма. У младенца на момент рождения есть способность наблюдать своими глазами и одушевленные, и неодушевленные окружающие предметы. У младенца есть врожденная способность воспринимать организованный объект. Без какого-либо опыта обучения он способен воспринимать, когда послания от различных органов чувств исходят из одного и того же источника. С этой способностью у него с самого начала есть явное представление об объединенном Другом и об отдельном Я. Все труднее и труднее ответить на вопрос, где кончается психика и что входит в число явлений допсихического биологического порядка. Я говорю о книге Дэниэла Стерна: «Межличностный мир младенца» (Stern, 1985). Он рассматривает многочисленные недавние исследования и убедительно описывает ранее не выявленную многоуровневую природу мира младенческих восприятий. Этот мир является социальным мостиком к питающему окружению. Его развитие в течение первого года формирует основу Я и является базой дальнейшей словесной коммуникации. Помимо Стерна, несколько других исследователей, таких как Роберт Эмде, готовят путь для дальнейшего развития психоанализа. Они показали, как необходим реципрокный другой для развития ребенка. Дефициты в этом отношении проявляются как уязвимые точки в переживании Я на протяжении всей жизни. Недостаток реципрокности – это черта, которая сильнее всего передается от одного поколения к другому (Emde, 1988, 1991). С другой стороны, возможность встретить реципрокность, которая может появиться в психотерапии, в общении с хорошим взрослым в детстве или с подходящим супругом, вероятнее всего, прервет эту цепь.

В течение последних нескольких лет был предложен новый термин – нечто вроде социальной дизлексии, неспособности понимать и быть понятым. Это явление ведет

к нарушениям поведения, асоциальности, аддикциям и т. д. Гедо (Gedo, 1988) представил подобный взгляд на пограничные расстройства и тяжелые нарциссические нарушения. По его мнению, эти пациенты нуждаются в психотерапии, прежде всего в руководстве их социальными взаимодействиями, чтобы научиться понимать как других, так и самих себя. По его мнению, психодинамические проблемы вторичны относительно базовой социальной неспособности. Одна из причин этой неспособности может быть слишком большим дефицитом реципрокности в раннем детстве. Недавние исследования в развитии центральной нервной системы выявили интересные параллели в психологических исследованиях. Синаптические возможности клеток головного мозга в младенчестве значительно шире, чем у активных синапсов в полностью развившемся мозгу. Это развитие есть конкретный процесс выбора и отбрасывания, который руководствуется сенсорными стимулами. Тракты, которые используют более всего, становятся постоянными. С другой стороны, двигательные способности развиваются врожденным образом, не требуя внешних триггеров. Без вопросов, которые поднимает психоанализ, исследователи мозга едва ли пришли бы к следующему выводу: «Головной мозг новорожденного младенца… вероятнее всего… запрограммирован на сложную коммуникацию с родителями» (Lagerkranz et al., 1991).

В какой мере и как можно позднее заполнить пустоты, оставленные дефицитным развитием, в какой мере можно сформировать новые функционирующие психические структуры? Многие разделяют точку зрения, что в более позднем возрасте это невозможно и что задачей психотерапии остается некоторое руководство и консультирование. Это должно, однако, происходить в ситуации, которая раскрывает существование слабых точек. Согласно традиции, которую представляют Ференци, Балинт и Винникотт, реструктурирование возможно, когда в фактической аналитической ситуации возникает контакт с глубинными переживаниями беспомощности, вынудившими клиента отказаться от поиска реципрокности. Этот трудный путь описан в некоторых

примерах, которые я представил. Такую возможность поддерживают также вышеупомянутые исследования, согласно которым восстановление способности к реципрокности может также осуществиться и после окончания раннего детства, если предоставлены благоприятные обстоятельства. Проблемы психодинамики тяжелой панической тревоги вращаются вокруг этих вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

Emde R. (1988). Development terminable and interminable. I. Innate and motivational factors from infancy. Int J. Psychoanal. 69:23–42.

Emde R. (1990). Mobilizing fundamental modes of development: Emphatic availability and therapeutic action. J. Amer. Psychoanal. Ass. 38:881–914.

Gedo J. (1988). The mind in disorder. Hillsdale, N. J.: Analytic Press.

Ikonen P. and Rechardt E. (1993). The origin of shame and its vicissitudes. Scand. Psychoanal. Rev. 16:100–124.

Ikonen P. and Rechardt E. (1994). Thanatos, hapea ja muita tutkielmia. Helsinki: Yliopistopaino.

Lagercrantz H. and Forssberg H. (1994). Hjarnans funktionella utveckling hos fostret och spandbarnet. Nord. Med. 106: 264–268.

Stern D. (1985). The interpersonal world of the infant. New York: Basic Books.

Психоанализ как наука

Эро Рехардт

Данная статья исследует два коперниковских сдвига в истории психоанализа. Первый – это признание Фрейдом мотивов, стоящих за конструкциями психической реальности; вторжение желания в восприятие субъекта. Автор исследует корни такого признания в научной традиции Канта и Гельмгольца и высказывает мысль, что эти мыслители были значимы для Фрейда ввиду их отхода от теории «непорочного восприятия». Другая тема данной работы – это то, что, по мнению автора, является современным коперниковским сдвигом в психоаналитической теории. Этот сдвиг состоит в признании значимости переживания реципрокности. Описывается связь между этим переживанием и переживанием своего Я, высказываются предположения о ее дальнейшем значении для теории психоаналитического процесса.

Статья состоит из двух частей. В первой части описаны первые шаги психоанализа, показано, как мышление Фрейда развивалось в научной среде конца XIX в. В это время Фрейд создал свою теорию бессознательного и переноса, которые все еще являются базовыми теориями психоанализа. Значительная часть этого периода истории стерлась из памяти психоаналитического сообщества. То, как развивалась мысль Фрейда, лишь постепенно встраивают в научное мышление его времени, как в плане сходств, так и в плане его революционных аспектов (Makari, 1994). В этом смысле история содержит сведения, которые могут показать нам некоторые неожиданные и проясняющие аспекты фрейдовского психоанализа.

Вторая часть статьи в основном является попыткой описать важные недавние открытия в области психоаналитического мышления, особенно то, что я бы назвал реципрокностью. У меня нет намерения предлагать изложение статей, развивающих понятие реципрокности, как я делал это в первой части своей работы. Ссылки охватывают статьи по исследованию психологии младенцев и клинические исследования, содержащие новые теоретические взгляды.

О МЫШЛЕНИИ ФРЕЙДА В КОНЦЕ XIX В.

Рождение психоанализа

Фрейд принадлежал к научной традиции, идущей от Иммануила Канта, одним из самых знаменитых представителей которой был немецкий физиолог Гельмгольц. Фрейд восхищался Гельмгольцем и явно считал его своим научным идеалом. Гельмгольц сделал блестящую карьеру в науке, его можно было считать одним из крупнейших ученых той эпохи. Среди его многочисленных научных достижений – основание перцептивной психологии, а в физике – открытие закона сохранения энергии.

Ученики Фрейда не видели связи между Фрейдом и Гельмгольцем, поскольку их в основном интересовало клиническое применение психоанализа. Лишь немногие из них проявили склонность отслеживать мысль Фрейда, по мере того как он закладывал основы психоанализа, основы очень близкие к идеям перцептивной психологии Гельмгольца. Эти параллели, которые в то время не были замечены, были раскрыты только значительно более поздними исследованиями по истории психоаналитической мысли (Makari, 1994).

Происхождение психологии, или научного исследования событий и функционирования человеческой психики, прочно связано с перцептивной психологией и сенсорной физиологией. Традиционным взглядом на функционирование человеческой психики была принадлежащая Аристотелю идея, что наблюдение дает точную репрезентацию реальности. Пробные попытки подвергнуть сомнению эту теорию «непорочного восприятия» (Makari, 1994) ранее делались Кантом,

а его главный труд «Критика чистого разума» (1781) привел к окончательному, необратимому коперниковскому сдвигу, к революции в нашем взгляде на мир, в наших представлениях о человеческой психике и о природе нашего чувственного восприятия. Активный наблюдатель, который сам создает для себя содержание того, что он наблюдает, теперь навсегда вошел в эпистемологию европейской философии. Намерение Канта было не субъективировать реальность, а, скорее, показать, что мы не можем делать наблюдений по поводу реальности, «вещи в себе», но лишь по поводу отражений этой реальности. Эти отражения порождаются всеобщими априорными способами видения мира.

Философам после Канта осталось размышлять о природе этой априорности. Помимо прочих, появилась романтическая школа, утверждавшая, что каждый создает свою собственную, полностью субъективную реальность (Fichte, 1802). Шопенгауэр (1819) поддерживал идею априорности, порождаемой человеческим мозгом. По его мнению, функционирование системы головного мозга определяет, какая форма сенсорного стимула попадает внутрь разума.

Еще более значимой, чем открытия философов, явилась новая область исследований, называемая перцептивной психологией, которая была построена на основе кантовского мышления. Потомки ошибочно полагали Гельмгольца (1821–1894) представителем биологической науки – противником философии, враждебным психологии, механистичным в своих взглядах и чисто физиологичным по ориентации. Люди забыли, что мышление Гельмгольца опирается на философию Канта, так же как мышление многих сегодняшних когнитивистов опирается на компьютерную теорию. Другая широко распространенная ошибка – вопрос о том, какое место занимал Фрейд в науке своего времени. Его изображают противоречивым одиноким гением, оторванным от современной ему научной мысли. На самом деле Фрейд восхищался Гельмгольцем и в своей собственной психологии весьма оригинальным образом расширил перцептивную психологию Гельмгольца, распространив ее на внутреннее восприятие

(Makari, 1994). Знаменитая модель Гельмгольца, касающаяся психологических иллюзий, или галлюцинаций, была основана на ошеломляюще простом наблюдении. Если мы с силой нажмем на яблоко правого глаза, то левым глазом мы увидим определенное световое явление. Переключение сторон вызывается тем, что оптические нервы пересекаются на пути к головному мозгу. Гельмгольц объяснял это световое явление как воспоминание о прежних интенсивных световых стимулах и называл его иллюзией, т. е. галлюцинацией, «бессознательным выводом», когда знакомое прошлое смешивается с незнакомым настоящим (Helmholtz, 1868; см.: Makari, 1994). Память о световом явлении знакома из прошлого; незнакомое настоящее – это то, что на глаз оказывают давление, а не стимуляцию светом. Переживание чувственного восприятия, таким образом, обеспечивает нас только информацией о наличии стимула, но не информацией о его природе. Гельмгольц числил себя учеником Канта и считал, что он разрабатывает взгляды Канта на априорность, заменяя ее памятью.

Точка пересечения посткантианской философии и эмпирической физиологии предлагала венской психологии отправную точку для построения модели мышления, восприятия и памяти. Мышление того времени можно было бы назвать двусторонним монизмом. Оно включало принцип, уже заложенный Кантом, что научное знание о реальности количественно, но при этом считалось, что психологическое, связанное со значениями знание о переживаниях является качественным. Ни количественное, ни качественное знание не ставилось на первое место, вместе же они позволяли ученым быть одновременно биологическими материалистами и психологическим идеалистами, не вступая в противоречие (Makari, 1994). Гельмгольц и его ученики действительно насмехались над романтической посткантианской философией, представители которой считали переживаемое в опыте подобием сновидения, но отнюдь не недооценивали критическую важность личных значений в формировании чувственного переживания. Однако качественные различия считались не универсальными трансцендентными категориями,

а основанными на переживаниях воспоминаниями. Перцептивная психология – новая область исследования, открытая Гельмгольцем, и остальные его научные труды были значительно более важными для научного мира того времени, чем игры философов, которые не очень интересовали Фрейда. Возможно, что пренебрежительное отношение Фрейда к философии было основано на том, что своим идеалом он считал исследования Гельмгольца.

Экспериментальные исследования, проведенные Мюллером (1801–1858), подтвердили взгляд Канта на невозможность «непорочного восприятия». Он показал, что волокно нерва реагирует на стимул по-своему, способом, специфичным для чувственного органа, к которому оно принадлежит, независимо от стимула. «Ощущение состоит из… знания об определенных качествах или условиях не внешних тел, но самих нервов органов чувств» (Müller, 1833; см.: Makari 1994, p. 558). Согласно Гельмгольцу, Мюллер показал, что чувственные восприятия связаны не с причинами, а с тем, что чувственные органы стимулируются причинами; таким образом, чувственное восприятие не предоставляет нам надежных сведений о внешнем мире. Во многих различных контекстах Гельмгольц высказывал мысль, что характеристики, которые мы связываем с объектом, не являются характеристиками самого объекта, а представляют собой воздействие, которое объект оказывает на наши органы чувств. Восприятие есть не непосредственное знание об объекте, а, скорее, психологический процесс, в ходе которого объект облекается внутренними значениями, т. е. качествами наблюдателя.

Психология ошибок

На первой стадии своих психоаналитических исследований Фрейд пытался создать некоторую общую модель психологии нормального человека (Freud, 1895). В своем мышлении он следовал двустороннему монизму Гельмгольца, который рассматривает поддающееся качественной оценке субъективное восприятие и поддающуюся количественной оценке материальную истину как параллельные друг

другу. Французский психологический философ Ипполит Тэн (1828–1893) и немецкий психолог Теодор Липпс (1851–1914) пытались достичь той же цели. Каждый в своей области они опирались на двусторонний монизм и принимали в качестве отправной точки модель иллюзии по Гельмгольцу. Согласно их мнению, восприятия вначале являются иллюзиями, в основном сформированными в результате несовершенного бессознательного рассуждения, а опыт постепенно вынуждает человека исправлять их. Понимание рождается из ошибок.

Влияние Канта, Миллера, Шопенгауэра и Гельмгольца привело к возникновению традиций критической психологии в Европе, отправная точка которой была – подвергнуть сомнению идею непорочного восприятия и сосредоточиться на том, как наша картина мира формируется через иллюзию или ошибки.

По-своему, своеобразно Зигмунд Фрейд также являлся частью этой традиции, и его интерес был в первую очередь сосредоточен на психопатологии. Согласно Канту, «актуальная реальность» внешнего мира, «Ding an sich», есть нечто неведомое. Фрейд расширил эту точку зрения, применив ее также к восприятию внутреннего мира. Внутренний мир вначале точно так же неведом, но путем проб и ошибок, руководствуясь своими неудачами, мы постепенно находим функциональные значения, опирающиеся на воспоминания. Развитие человеческого существа – это процесс медленного расширения нашего видения мира в направлении осознания наших собственных пределов, и это развитие постоянно рискует затормозиться на кажущихся очевидными истинах.

Желания и внутреннее восприятие

В «Толковании сновидений» (1900) Фрейд обсуждал теорию сновидений с точки зрения иллюзорного восприятия Гельмгольца. Вильгельм Вундт (1832–1920), занимавшийся исследованиями под руководством Гельмгольца, утверждал, что сновидения интерпретируют внешние стимулы, подобно тому, как, когда мы бодрствуем, мы переживаем зрительные иллюзии. Фрейд подытожил идеи Вундта следующим

образом: «Разум получает стимулы, которые достигают его во время сна… Сенсорное впечатление узнается нами и правильно интерпретируется, т. е. оно помещается в группу воспоминаний, к которым, в соответствии с нашим прежним опытом, оно принадлежит… Если эти условия не выполнены, значит, мы ошиблись в отношении объекта, являющегося источником впечатления: относительно него у нас формируется иллюзия» (p. 29). Фрейд принял гельмгольцианскую теорию Вундта, в соответствии с которой «сновидения интерпретируют объективные сенсорные стимулы точно так же, как это делают иллюзии», но он добавляет: «Мы нашли мотив, представляющий причину этой интерпретации, причину, не указанную другими авторами» (p. 589).

Фрейд имеет в виду мотивирующую силу в модели иллюзий и сновидений – это причина внутренняя, желание. В книге «Толкование сновидений» Фрейд добавил новое существенное измерение в посткантианскую модель восприятия. Непознаваемой является не только «актуальная» реальность экзогенных стимулов, как показал Кант, но также и эндогенные бессознательные стимулы. Как замечает Фрейд: «В своей глубинной природе оно (бессознательное) настолько же неведомо нам, как и реальность внешнего мира, и оно так же неполно отображается данными сознательного, как внешний мир, сообщениями наших органов чувств» (Freud, 1900, p. 613). Гельмгольц и его последователи использовали идеи Канта, чтобы создать представление о нашем восприятии окружающего мира. Фрейд обратил их вовнутрь, чтобы объяснить восприятие нашего внутреннего мира, и попытался путем аналогий описать то, как бессознательные внутренние события становятся сознательными. Согласно Фрейду, осознание бессознательного «субъективно искажено таким же образом, как не вполне достоверно сенсорное восприятие внешнего мира» – считает Макари (Makari, 1994, p. 568). Макари добавляет: Фрейд полагал, что «бессознательные количества… допускаются в сознательное и воспринимаются лишь как качества удовольствия или неудовольствия» (Makari, 1994, p. 570).

Фрейд провел параллель между системой восприятия и сознательным. Согласно Фрейду, сознательное есть часть перцептивной системы; это орган чувств для психологических качеств. Как объясняет Макари, Фрейд опирался на двусторонний монизм, «объявляя, что бессознательное представляет свои непознаваемые количества сознательному, которое является (по словам Фрейда) «органом чувств для восприятия психических качеств» (Makari, 1994, p. 569). Проведя параллели между сознательным и органом чувств, Фрейд использовал существующую модель, знакомую по теории восприятия Гельмгольца. Это помогло ему описать события бессознательного так, чтобы это было понятно его коллегам.

Перенос

Говоря о проявлении желаний, Фрейд предполагал также существование еще одной формы, через которую бессознательные количества могут быть в контакте с сознательным. Тот же самый базовый принцип теории перцепции Гельмгольца помог Фрейду сформулировать и объяснить явление, которое он назвал переносом. В модели Гельмгольца опыт иллюзии появляется, когда необычный и не идентифицированный стимул ошибочно отождествляется с каким-то знакомым воспоминанием. Фрейд подчеркивал, что его модель отличается от модели Гельмгольца в том, что она выражает мотив, стоящий за иллюзией. Ложное отождествление не присоединяется случайным и «нечаянным» образом к неправильному стимулу: его мотивацией является воспоминание, связанное с желанием. В модели Фрейда бессознательное воспоминание не присоединяется случайным и «нечаянным» образом к ошибочному стимулу: ложное отождествление имеет свою мотивацию. Мотивирующей силой является бессознательное желание, которое ищет возможности быть исполненным. Бессознательное количество находит сознательную форму и косвенное выражение, выплескивая себя в предсознательное психическое содержание.

В «Толковании сновидений» Фрейд назвал это явление переносом. Фрейд объяснил, что «бессознательная

идея как таковая совершенно не способна войти в предсознательное, и … она может оказывать какое бы то ни было воздействие там, только установив связь с какой-то идеей, уже принадлежащей предсознательному, перенеся на нее свою интенсивность и «прикрыв» себя ею. Здесь мы имеем факт «переноса», который позволяет объяснить столько поразительных явлений в психической жизни невротиков (Freud, 1900, p. 562–563). Погрузившись в уже существующее психическое содержание, перенос не проникает в сознательное, подобно галлюцинации, а, скорее, искажает ранее сформированные наблюдения и предлагает впечатления и мысли, которые сами по себе являются нейтральными и безразличными, тем самым одалживая им свою собственную интенсивность и содержание.

Перенос занимал важное место во фрейдовской модели психики, поскольку, по словам Макари, «являлся метапсихологическим понятием, формализующим то, как бессознательные процессы вторгаются и искажают предсознательное психическое содержание, а в результате и сознание, и восприятие» (Makari, 1994, p. 573). Для Фрейда перенос был столь же центральным понятием, каким иллюзия была для Гельмгольца. Это было одно из тех необычных явлений, которые позволяют идентифицировать бессознательные явления в бодрствующих людях, не имеющих психоза.

Понятие переноса важно для формирования всего нашего взгляда на человеческое существо. Оно описывает, как бессознательные психические процессы искажают и субъективируют переживания, впечатления и мысли в состоянии бодрствования. Оно показывает не только то, что люди ошибочно интерпретируют и ошибочно понимают внешние объекты, но и то, как ограниченна их способность наблюдать и знать. Непознаваемое вытесненное внутреннее явление выражает себя только своей способностью искажать предсознательное. Оно пронизывает и мышление, и восприятие внешнего мира, наполняя их приятными и неприятными эмоциями, которые возникли в других контекстах и других взаимодействиях.

Эро Рехардт

ПОСЛЕДНИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Тайна индивидуальности

Психоанализ возник из клинической потребности, из попытки Брейера и Фрейда (Freud, 1895d) найти метод лечения для патологических симптомов истерии. Он был направлен на решение острых реальных вопросов существования, касающихся плоти и крови. В результате был найден подход, характерный для психоанализа, подход, который стремится к соприкосновению с факторами, формирующими восприятие Я и его окружения, несмотря на то, что они находятся вне сознательного самоощущения.

Когда никакой клинической необходимости нет, когда речь не идет о плоти и крови личного существования, поиск цепочки значений, похоже, легко уклоняется прочь от Я. Холланд (Holland, 1986) подчеркнул это, сравнивая интерпретации одного текста, который он послал литературным критикам различных критических школ. Среди прочих, он анализирует интерпретации деконструкциониста, лакановца и «нового критика», сравнивая их с интерпретацией психоаналитического литературного критика. Холланд отметил, что психоаналитическая критика была сосредоточена на Я, поскольку обращала внимание на переживание Я. Для психоаналитического критика задачей текста было охватить те переживания, которые происходят в читателе, когда он чувствует тот поиск собственного Я, что проводит писатель на протяжении процесса создания произведения. Другие интерпретации указывали места, перекликающиеся с другими частями того же самого текста, с другими текстами или культуральные и исторические аллюзии. Они все были сфокусированы вовсе не на Я и не концентрировались на поисках Я, реципрокности или на сложных проблемах, связанных с ними.

Поиск значений, не ставящий своими целями Я и реципрокность, теряется, блуждая бесцельно в джунглях мириадов возможных интерпретаций. В этой ситуации люди пытались обращаться за помощью к общей лингвистике (Makari, Shapiro, 1993) и феноменологической философии, но результаты

этих экскурсов едва ли прояснили клиническое применение психоанализа.

Целью психоаналитического метода в основном является облегчение страданий человеческого Я, помощь тем, кто испытывает чувство беспомощности, трудности со своим телом или его функционированием, чувство угрозы и недостаточного контроля над собственной жизнью. Задача психоанализа – определить наличие изолированных участков психики и помочь интегрировать их с Эго, ожидая, что от этого Эго станет сильнее и сможет существовать в менее опасном состоянии. Согласно традиционной психоаналитической точке зрения, переживание чувства Я возможно, когда граница между Я и другим сформирована и Я дифференцировано от этого Другого. Согласно Кохуту (Kohut, 1971), первое зеркало ребенка – это одобряющий взгляд матери. До некоторой степени мы все продолжаем искать этот одобряющий взгляд Другого на протяжении всей нашей жизни. Этот последний подход подчеркивается в теории Стерна (Stern, 1985). Он размышляет о том, что чувство Я младенца вначале появляется через реципрокное взаимодействие с окружением и что переживание Я является центральным организующим принципом в развитии младенца с самого начала. Он дает широкий обзор последних исследований раннего детского развития. Его книга «Межличностный мир младенца» (Stern, 1985) предлагает также интересный способ взглянуть на развитие переживания Я.

Стерн – исследователь с психоаналитическим образованием, специализирующийся на раннем детском развитии, он представляет самые последние тенденции в этой области. Ему недостаточно просто описывать наблюдаемое поведение младенца, он пытается также понять мир, переживаемый младенцем, и его психические процессы с первых мгновений жизни.

Можно ли увидеть, как младенец переживает мир? У новорожденного есть три способа отклика на стимулы: сосание, поворот головы и взгляд. Отслеживая движения сосания, удалось выяснить, что младенец больше возбуждается от звука человеческого голоса, чем от других похожих звуков.

Отслеживая количество поворотов головы младенца, удалось определить, что младенец узнает запах молока своей матери, отличая его от молока других матерей. Наблюдая, куда младенец смотрит, удалось выяснить, что его больше интересуют паттерны, изображающие лицо, чем любые другие паттерны. Все эти явления демонстрируют способности младенца формировать ранние объектные отношения. Результаты многих таких исследований доказали, что способность стремиться к контакту полностью задействована у младенца с момента рождения.

Младенцы переживают регулярные периоды мирной внимательной бездеятельности, в течение которой они визуально наблюдают свое окружение и ищут чего-то нового для восприятия. Они ищут и перерабатывают визуальные восприятия, согласно определенным врожденным тенденциям. Эти открытия опровергли более ранние гипотезы, что младенцы переживают в своем развитии раннюю аутистическую стадию.

Стерн утверждает (он написал книгу в поддержку этого утверждения), что постоянный поиск реципрокности и постоянно расширяющееся переживание чувства Я являются частью жизни младенца с самых ранних моментов. Переживание чувства Я на такой ранней стадии обычно считалось невозможным, поскольку полагали, что очень маленькие дети не способны дифференцировать себя от своего окружения. Опровержение этого взгляда, осуществленное Стерном, состоит в том, что чувство Я – это переживание как интегрирования, так и дифференцирования в психической активности или процессах. Открытие собственных врожденных способностей, таких как способность наблюдать, воспринимать взаимодействия различных наблюдений и их дифференциация на сенсорные и двигательные паттерны, это переживания, которые ведут к появлению чувства Я. Чувство Я состоит как из опыта «возникающей организации», так и из опыта ее постоянства. Появляющееся Я есть, в первую очередь, опыт достижения и способность функционировать, переживание чувства жизни (Rechardt, 1988).

Реципрокность: новое измерение в психоанализе

Мнение о важности роли переноса разделяют все психоаналитические школы. Это один из краеугольных камней психоанализа, хотя разные школы рассматривают его по-разному, подчеркивают его многочисленные аспекты и используют многообразными способами в психоаналитической ситуации.

Перенос – это широкомасштабное явление, отражающее то, как желания, выработанные в раннем детстве, сталкиваются с реципрокностью, формами, которые реципрокность принимает, или отсутствием реципрокности. Позиция наблюдения, исходящая от реципрокности, постоянно присутствующая с самого раннего детства и далее, добавила новое измерение в психоаналитическое знание и привело к Коперникову сдвигу в парадигме. Врожденные влечения более не являются основной точкой фокуса на психоаналитической сцене, поскольку центр сцены заняла потребность найти одобряющую реципрокность. Эта сосредоточенность на реципрокности формирует то, как мы развиваемся, и как социально функциональные, так и психопатологические формы этого развития.

Развитие в раннем детстве – центральная область современных психоаналитических исследований. Они показали, что возможность найти одобряющую реципрокность является биологической необходимостью, и открыли, что психологические раны, нанесенные ее отсутствием, либо неизлечимы, либо трудноизлечимы.

От младенчества и далее реакция, которую ребенок получает на свои попытки достичь реципрокности, формирует его отношения со значимыми другими таким способом, который влияет на всю его дальнейшую жизнь. Она социализирует или искажает; она может как придавать жизни форму, так и парализовать внутреннюю и социальную жизнь человека. Реакции на нашу потребность реципрокности формируют наш социальный родной язык, после чего можно, так сказать, выучить еще и другие языки, но лишь с большим трудом.

Существуют четкие индивидуальные различия в том, как дети наблюдают одобряющую реципрокность и насколько они склонны откликаться на нее или уходить прочь, или атаковать, когда она отсутствует. Можно также описать эти переживания конкретно и вывести этиологические заключения по поводу их отношения к определенным видам личностных расстройств. Например, было отмечено, что преувеличенное равнодушие со стороны родителей, их заметная неспособность понимать ребенка, физическое и вербальное дурное обращение с ребенком делают его склонным к формированию садомазохистических личностных черт. В своих чувствах, мыслях и действиях такие дети особенно часто обращаются против себя, против других или и против других, и против себя.

Достаточное количество понимающей реципрокности от матери или другого заботящегося о ребенке взрослого наращивает и укрепляет у ребенка чувство Я с младенчества и закладывает фундамент ощущения безопасности, способности сотрудничать и самооценки. Одобряющая реципрокность, переживаемая в достаточном количестве и качестве, проявится позднее в жизни, в психотерапии и психоанализе как способность использовать понимание терапевта и переносить те моменты, когда его недостаточно.

Реакции детей на отказ матери предоставить реципрокность экспериментально изучались в Соединенных Штатах. Например, одна американская телепрограмма показывала матерей и малышей, которые пытаются поймать взгляд матери. Матери получили инструкцию не оглядываться и не улыбаться, как они обычно делают, а оставаться без выражения. Когда это происходит, малыш явно приходит в смятение и на какой-то момент теряется. Однако он быстро собирается и вновь готов попытаться поймать одобряющий взгляд матери. Когда мать продолжает реагировать тем же лицом без выражения, малыши откликаются достаточно одинаково: приблизительно через тридцать секунд их интегрированное Я дезинтегрирует, их движения становятся бесконтрольными, и постепенно дети регрессируют на мучительный

и беспомощный плач. Становится понятно, что если такой опыт повторять часто, то он учит ребенка следующим урокам: не подвергай себя мучительной утрате интегрированности в результате стремления к реципрокности. Не стремись поймать понимающий взгляд и не ожидай, чтобы кто-то понимал тебя, когда твое чувство Я рассыпалось. Если это происходит, «от вас будут бежать, как от чумы, и вам, в свою очередь, следует избегать других», говорит Кьеллквист (Kjellqvist, 1993) в своей книге о стыде.

У новорожденного есть потенциальная возможность научиться говорить на всех языках мира, и точно так же у каждого есть возможность выучить все возможные языки взаимодействия и реципрокности. Язык стыда – это наш врожденный язык морали. Он учит нас – хотим мы того или нет – контролировать и умерять наши ожидания. Если архаический стыд преувеличен, то он может научить нас слепо верить, что всякое желание реципрокности неразумно, и это может привести к безжалостному состоянию внутреннего застоя и утрате воли к жизни (Ikonen, Rechardt, 1993).

Центральные области психоанализа – это различные формы Я и желание реципрокности в жизни анализанда (Stern et al., 1998). Для каждого из нас с самых первых мгновений нашей жизни они связаны с нашим собственным опытом. Воспоминания, связанные с этими переживаниями, могут дать нам достаточно веры в будущее, или они могут в некоторых отношениях запереть нас в мучительные иллюзорные убеждения, которые не поддаются замене никакими новыми переживаниями и которые блокируют нашу способность учиться и развиваться в некоторых существенных областях.

ЛИТЕРАТУРА

Breuer J. & Freud S. (1895). Studies on hysteria. S. E. II.
Fichte J. G. (1802). The Science of Knowledge. Cambridge: University Press, 1982.
Freud S. (1895). Project for a scientific psychology. S. E. 1.
Freud S. (1900). The interpretation of dreams. S. E. IV–V.

Helmholtz H. von (1868). Recent progress in the theory of vision. In: Selected Writings of Hermann von Helmholtz. Middletown: Wesleyan University Press, 1971.

Holland N. (1986). Twenty-five years and thirty days. Psychoanal. Q., 52: 23–52.

Ikonen P. & Rechardt E. (1993). The origin of shame and its vicissitudes. Scand. Psychoanal. Rev., 16: 100–124.

Kant I. (1781). Critique of Pure Reason York: St. Martin's Press, 1965.

Kjellqvist E.-B. (1993). Om skam och skamloshet, Stockholm: Carlsson.

Kohut H. (1971). The Analysis of the Self. New York: International Universities Press.

Lipps T. (1905). Psychological Studies. Baltimore: Williams & Wilkins, 1926.

Makari G. J. (1994). In the eye of the beholder: Helmholtzian perception and the origin of Freud's 1900 theory of transference. J. Amer. Psychoanal. Assn., 42: 549–580.

Makari G. J. & Shapiro T. (1993). On psychoanalytic listening: language and unconscious communication. J. Amer. Psychoanal. Assn., 41: 991–1020.

Muller J. (1833). Elements of Physiology. London: Taylor & Walton, 1838.

Rechardt E. (1988). Uhattu Minuus. In: Lehtonen J. (ed): Unohdettu neu-roosi. Reports of Psychiatria Fennica 85: 38–57.

Schopenhauer, A. (1819). The World as Will and Representation. New York: Dover, 1969.

Stern D. (1985). The Interpersonal World of the Infant. New York: Basic Books.

Stern D. et al (1998). Noninterpretive mechanisms in psychoanalytic therapy: the something more than interpretation. Int. J. Psychoanal., in press.

Taine H. (1870). On Intelligence. New York: Holt & Williams, 1872.

О проблеме интеграции в теории психоанализа

Эро Рехардт

Современная психоаналитическая литература и дискуссии, происходящие на международных психоаналитических конгрессах, демонстрируют нарастающую тенденцию, которая яснее всего видна, когда речь идет о клинических случаях. Эта тенденция акцентирует невербальное содержание взаимодействия между анализандом и аналитиком при работе с различными оттенками аффекта. В результате произошло изменение концепции психоаналитической техники. Прошлое, история детства и объяснение, структурированное на их основе, менее интересно для новой техники, которая делает акцент на ситуации здесь и сейчас. В этих дискуссиях наблюдение материала анализанда с какой-то теоретической точки зрения или как реконструкция прошлого часто считаются устарелой техникой. Оселком, на котором проверяется клиническое умение психоаналитика, считается то, насколько хорошо он схватывает значение ситуации здесь и сейчас.

Сходная тенденция наблюдается в работах, касающихся психоаналитической теории, это попытки сблизить психоаналитическую теорию с непосредственным клиническим опытом. Многие пункты парадигмы, которые Зигмунд Фрейд заложил в основание психоанализа, подверглись сомнению. Теория влечений, понятие психической энергии и вся метапсихология оказались мишенью суровой критики. Было высказано предположение, что при реорганизации всех психоаналитических данных их наблюдение должны заменить,

например, теория коммуникации, теория информации, теория аффекта или теория объектных отношений. Есть признаки некоего романтического направления, согласно которому психоаналитическая теория даже и невозможна, а речь идет лишь о психоаналитическом опыте, уникальном и личном, и его следует рассматривать только как таковой. Теория психоанализа в движении, многие понятия, которые рассматривались как совершенно базовые, теперь подвергаются сомнению, и происходит поиск чего-то нового, чтобы заменить их. Традиционно всегда считалось совершенно естественным, что при формировании паттерна своих наблюдений в собственном своем уме аналитик часто прибегает к паттернам мышления, предлагаемым психоаналитической теорией и метапсихологией, но что возникшие в результате этого идеи он передает анализанду нормальным повседневным языком и легко понятными образами, почерпнутыми из опыта. Похоже, такая практика вызывает все больше неудовольствия. Возникает такое ощущение, что в этой традиции теория и практическая работа отошли слишком далеко друг от друга, происходит поиск такого рода концептуализующего психоанализа, который был бы близок к клиническому опыту. Требуется иная система понятий, чтобы объединить теорию и практику.

Столкнувшись сэтой проблемой, многие традиционные диспуты между различными школами мысли, похоже, утратили свою значимость. Старый спор между школой Мелани Кляйн и традицией Фрейда пошел на убыль, их тезисы стали более умеренными, и они стали ближе одна к другой. В то же время значение историко-генетической точки зрения было отодвинуто на задний план, тогда как ситуация здесь и сейчас завоевывает новую территорию.

Сегодняшнее состояние развития психоанализа радостно и плодотворно. Оно имеет тенденцию стимулировать дискуссию и способствовать исследованиям. Однако это общее возбуждение содержит также глубоко укоренившиеся ошибки и уводящие в сторону пути мышления. Из-за своей особой природы психоаналитическое знание особенно

чувствительно к таким ошибочным понятиям, которым в равной мере подвержены даже лучшие специалисты. Поскольку психоаналитическое знание нелегко передавать, оказывается, что его интеграция очень трудна.

Одной из причин проблем является то, что психический мир как объект исследования сравнительно нов. Мир разума познавался религиями и искусствами в течение столетий, даже тысячелетий, тогда как на изучение психики наука едва потратила сотню лет. Как отрасль науки психоанализ все еще совершенно не проработан. В различных культуральных, лингвистических и географических областях психоанализ обсуждается специфичными для каждой из них способами, такими, которые соответствуют каждой конкретной дисциплине, но которые стороннему человеку было бы трудно постигнуть и в которых ему трудно было бы понятно выразить себя. Психоанализ мощно опирается на богатство и нюансы словесного выражения. Очень часто поэтому непреодолимыми оказываются языковые барьеры. Различие мнений, также как и полное согласие друг с другом, в таких дискуссиях могут быть чисто показными и привязанными к несущественным взглядам.

Другая причина путаницы – это сильная нагруженность языка психоанализа метафорами. Идеи и паттерны мышления выражаются фигурально. Психоаналитическое понятие «влечения» – это не что-то биологическое, а фигуральное выражение для чего-то, что происходит в психике. Психическая энергия является не физически измеряемой энергией, а мыслительным паттерном, необходимым для описания психического события. Структуры психики не являются ни анатомическими, ни нейрофизиологическими, а являются, скорее, описательными для определенного постоянства и повторяемости психических событий.

Использование терминов и моделей мысли, заимствованных из других областей науки, – это совсем неново для языка научного описания. Это не значит, что результаты другой области науки приняты как таковые; заимствуется только внешняя форма или рамки, а не содержание. Это похоже

на переливание нового вина в старую фляжку, чтобы придать содержанию более удобную для употребления форму. Таким понятием является, например, гомеостаз, оно используется в физиологии, биологии, психологии и социологии. Описываемое явление предстает по-разному в каждой из этих областей науки, но его внешние рамки и идеи остаются теми же самыми. Грек Эсхил и русский Крылов сочиняли басни, описывая качества больших и малых животных, имея в виду человека. Определяя общие характеристики человеческой психики, мы не можем обойтись без красочных выражений, без паттернов мысли, выраженных метафорами. Трудность в использовании таких выражений в том, как сделать понятным соотношение между абстрактным и конкретным, между метафорой и наблюдением. Каково соотношение между паттерном мысли и наблюдением? Тут есть искушение слишком акцентировать долю наблюдаемого и конкретного, чтобы создать впечатление переживаемого опыта. Нам нетрудно понять рассказы о лисах, журавлях и медведях. Но если их заменить броненосцем, какаду или лемуром, то понять басню станет непросто.

То, как мы думаем, управляется нашими собственными идиосинкразиями. Это значительный факт в области исследования психики, т. е. в психоанализе с его не слишком долгой традицией. Похоже, что многие понятия в психоаналитической теории постепенно покосились от времени и утратили свое исходное метафорическое содержание. На их место предлагаются новые модели мышления, менее испорченные конкретными образами, но во время выплескивания из ванночки воды вместе с ней в окошко вылетает и ребенок.

Хотя психические события доступны наблюдению и переживанию в опыте, их нельзя измерить или взвесить. Отчасти по этой причине, а отчасти потому, что традиция психических исследований так молода, психоанализ все еще не справился с задачей создания единообразного, достаточно ясного собственного языка. Усилия в этом направлении были предприняты, например, Вилфредом Бионом (Bion, 1977), Карлом Леше (Lesche, 1979) и Роем Шэфером (Schafer, 1975).

Каждая область науки нуждается в собственных парадигмах, идеях и моделях мысли. Для того чтобы дать выражение этим идеям, нужны строительные леса или рамки, которые затем можно разобрать, а сама модель мысли останется. Нужно суметь сделать то, на что способен ядерный физик нашего времени, когда он использует понятие «цвет» при конструировании модели мысли, которая объясняет реальность, а затем отрывает прочь то, что конкретно в выражении, и оперирует идеей неопределенных различий. Многие предложения по улучшению или изменению психоаналитической теории выражают желание найти понятия и модели мысли, которые можно было бы использовать непосредственно в том конкретном значении, которое им придано. Никакая область науки, однако, не может обойтись только таким языком. Понадобились столетия культуры, чтобы естественные науки смогли использовать такие термины, как сила, не имея в виду мышечную силу, энергия без коннотации энергичности, положительный и отрицательный заряд без приложения позитивных или негативных ценностей, и цвет кварков, не имея в виду доступных восприятию цветов. При описании психических событий и исследовании их закономерностей нам нужны басни о животных, хотя мы хорошо знаем, что ни лиса, ни медведь не могут разговаривать. Если осознавать это, то психоаналитические понятия, такие как либидо, эрос, инстинкт смерти, Эго и Супер-Эго, нарциссизм и бессчетные другие, становятся понятны.

Написанное выше должно подтвердить мое мнение о том, что сегодняшнее состояние кипения в психоаналитической науке вытекает в значительной мере из стремления избавиться от путаницы, возникающей из желания, чтобы психоаналитические понятия всегда имели смысл, который термин изначально предназначен был иметь, нечто конкретное и сразу понятное.

Модели мысли не являются сами по себе эмпирическими находками, и требование верификации приложимо не к их существованию, а только к их способности помочь в понимании и объяснении реальности. Модели мысли могут

быть заимствованы из «жестких» наук или даже из мифологии. Они могут содержать сознательные и бессознательные метафизические гипотезы или образы функций человеческого тела, не теряя своей ценности. Их полезность – это все, что важно. Мудро было бы признавать их существование и содержание как можно полнее, для того чтобы можно было использовать их самым продуктивным образом, разрабатывать их и, если нужно, находить более удачные им на смену. Если, например, психическая энергия воспринимается как метафорическая модель, а не как конкретное явление, требующее проверки опытом, это значит, что мы, наконец, пришли к тем вопросам, которые являются осмысленными с точки зрения психоанализа.

Мы все еще пытаемся выудить рыбок, запущенных Фрейдом, и неважно, каким именем мы их называем. Многие из основных парадигм Фрейда были интернализованы, хотя мы этого не осознаем. В этом нет ничего постыдного. Так, в физике парадигмы Ньютона и Эйнштейна просуществовали уже десятилетия и даже века. Международная психоаналитическая наука выигрывает от того, что признает более четко эти общие базовые идеи, для того чтобы обращаться с ними достаточно единообразно. Так можно открыть дорогу к новым, более сложным дискуссиям, новому несогласию, новому развитию.

В последние годы Джозеф Сандлер подходил к этим вопросам с психологической точки зрения. Он указал, что публичная или «официальная» теория, используемая психоаналитиками, и «приватные» привычки мышления, используемые в клинической работе, совершенно различны (Sandler, 1983). Он разработал метод изучения этих приватных внутренних привычек мышления аналитика, в которых часто много больше нюансов и больше пользы, чем в его «официальных теориях». Он уверен, что такого рода исследования будут интегрировать и продвигать вперед психоаналитическое знание.

Одна из самых интересных и многообещающих тенденций сегодняшнего дня, на мой взгляд, – это стремление при перечитывании текстов Фрейда искать самые центральные

идеи, ход мысли, стоящий за всем, что накопилось в реакциях на конкретизированные и неправильно понятые идеи. Многие центральные парадигмы все еще объединяют психоаналитическое мышление в различных частях света значительно прочнее, чем можно было бы судить по различиям в словесном выражении. Такого рода исследования уже показали, что, когда они проходят успешно, они могут интегрировать психоаналитическое знание и соединять понятия и точки зрения, казалось бы, исключающие друг друга.

В качестве примера такого исследования я назову доклад У. Кингстона и Дж. Коэна «Вытеснение в свете теории объектных отношений», который был представлен на Международном психоаналитическом конгрессе в Мадриде в 1983 г. Авторы указывают, что в сегодняшней литературе все реже сталкиваешься с темой вытеснения. Вместо того чтобы представлять общий интерес вытеснение рассматривается как применимое только к конкретным моментам. И это, несмотря на тот факт, что, по мнению Фрейда, вытеснение является одним из краеугольных камней психоаналитической доктрины. Кохут, например, полагает, что вытеснение совершенно бесполезно для понимания психологии нарциссизма. Понятие первичного вытеснения осталось особенно неясным. В целом существует очень мало статей на эту тему, и они склонны отвергать его, за одним только исключением. Хотя понятие вытеснения рассматривается как малоупотребимое клинически, значение других, более примитивных защитных механизмов – как они называются – подчеркивается в недавней литературе. Есть, например, расщепление, отрицание, проекция и проективная идентификация. Кингстон и Коэн относятся со здравой критикой к этим часто достаточно поспешно сделанным предложениям по улучшению. Они стремятся выяснить, что имел в виду Фрейд, когда он использовал такие термины, как первичное вытеснение, вытеснение как таковое, универсальность вытеснения и значимость вытеснения как краеугольного камня психоанализа. И им удалось найти содержание этих понятий, которое придает внутреннюю логику текстам Фрейда. В то же самое время эта точка зрения

удивительно интегрирует сегодняшнее развитие в психоанализе как в теории, так и в практике.

В недавней литературе акцент делается на том, что влечения и нужды приобретают свою форму и психическое выражение только во взаимодействии со средой. Это противоречит традиционно принятой теории, согласно которой влечения суть слепые силы, существующие сами по себе. Эта последняя точка зрения, однако, является неверной интерпретацией Фрейда. У него совершенно явно была в голове мысль о постепенной структурализации психического мира в ходе развития. Фрейд говорил о перипетиях влечений, имея в виду формы, которые так называемые влечения или внутренние устремления приобретают во взаимодействии со средой. Авторы делают дополнение к парадигме Фрейда в виде представления о судьбе тех влечений и нужд, которые не находят сотрудничества во взаимодействии со средой. Эти влечения, устремления и нужды не получают никакой репрезентации в психическом мире. В этой части психики возникает дефицит, структурное повреждение. Нужда не вырастает в желание, которое индивидуум сам мог бы удовлетворить; вместо этого ее удовлетворение или неудовлетворение полностью зависит от среды. Именно это психическое структурное повреждение, недостаток желания, недостаток психического содержания и является проблемой при первичном вытеснении. То, что было первично вытеснено, не может быть заново вызвано в памяти. Вопрос не в том, что какое-то воспоминание было забыто, выкинуто из головы и вытеснено, а затем по кусочкам выявляется в психоаналитической работе. Никакого воспоминания нет, говорят авторы. Психоаналитическая работа в этой области требует медленного процесса структурализации. Такой процесс становится возможен, когда осуществляется понимание того взаимодействия, которое происходит в психоаналитической ситуации, когда аналитик способен принять и переработать у себя в голове невербальные послания анализанда. В этой области нет никаких готовых формул, потому что значения структурализуются долгое время, шаг за шагом. Это соответствует фрейдовскому

понятию *Nachträglichkeit* (последействие, отсроченная психическая работа), значимость которого подчеркивается французской школой.

Что же тогда есть вытеснение как таковое? По мнению У. Кингстона и Дж. Коэна, оно возникат из ригидных позиций, психических функций и содержаний, которыми защищена такая исполненная хаоса область. Контакт с такой неструктурированной областью влечет за собой смятение, хаотичное переживание, настолько пугающее, что приходится искать от него убежища. Авторы подчеркивают тот факт, что первичное вытеснение может появляться на любой стадии жизни. Каждая новая нужда, которая не может найти свою форму во взаимодействии, остается в бесформенном состоянии. Самый острый пример тому – массивное травматическое переживание.

Если взять первичное вытеснение за основу, авторы описывают психопатологию трех функциональных уровней: первый функциональный уровень касается массивных, обширных первичных вытеснений, значительных дефектов взаимодействия по отношению к основным нуждам с великой надобностью в структурировании. Эта группа включает тяжелые нарциссические нарушения в соответствии с классической диагностикой, пограничные случаи и психозы, это зависит от размеров структурного повреждения. Для этих случаев характерна большая затрудненность формирования контактов, боязнь сотрудничества и крайне чуткая уязвимость к травме. В литературе предлаются разнообразные способы структурирования, однако полного согласия по их поводу не существует. Это вопрос, который представляет собой задачу для исследователей.

Второе нарушение функционального уровня – это ограниченное первичное вытеснение. Оно представляет собой узкое, локальное повреждение структуры, которое защищено ригидными защитами, иными словами, вытеснением как таковым. Такого рода нарушенное состояние проявляется как психоневроз, как проблема в какой-то функциональной области, которая блокирует адекватное социальное,

сексуальное или какое-то иное функционирование. Таким образом, в психоневрозе есть некая нарциссическая сердцевина или нарциссическое повреждение. Привержнцы школы Мелани Кляйн говорят о психотической сердцевине. Существует ограниченная, изолированная область, защищенная защитами и вытеснениями, которая переживается как хаотическая; некая «черная дыра», которая всасывает в вытеснение все, с чем она входит в контакт. Эта область нуждается в структурировании, а для этого требуется, чтобы аналитик способен был понимать невербальную коммуникацию, взаимодействие, которое Винникотт описывает словом «держание». Бион называт это контейнированием, а Балинт – прокладыванием пути для нового начала.

Третий уровень функционирования представляет собой психическую норму. Он отличается от других двух тем, что есть готовые психические содержания, так сказать, даже для регрессивного и по-детски переживаемого мира. Если такой человек приходит на психоанализ, то его процесс будет активировать разочарование, муку, неприятные воспоминания и тревогу, но не реальные дефициты структуры и не тенденцию испытывать травмы. Психоаналитический процесс поэтому будет идти с относительной легкостью. Реструктурирования не понадобится; достаточно указывать на содержание и интерпретировать его.

Точка зрения, которую обрисовали У. Кингстон и Дж. Коэн, интегрирует психоанализ замечательным образом. Они выстраивают мостик между Фрейдом и современным психоаналитическим мышлением, показывают связь между теоретическим психоаналитическим мышлением и клинической практикой, включая самые недавние тенденции, демонстрируют, что в нашей психике существует не только одно измерение развития, историческое и горизонтальное, но также и вертикальное измерение «здесь и сейчас», для которого Фрейд использует выражение топографическая регрессия. Смятение может содержаться во вполне сегодняшних переживаниях. Примитивный или, как мы часто говорим, ранний опыт вовсе не обязательно всегда бывает ранним в смысле

времени, он может представлять собой всего лишь неорганизованный уровень сегодняшнего психического события, состояние смятения. Факторы развития естественным образом объясняют нашу подверженность переживанию неожиданных событий как хаотичных, но даже самые здоровые из нас не бывают абсолютно защищены от этого.

Во многих пунктах я согласен с У. Кингстоном и Дж. Коэном. Насколько я могу судить, современная психоаналитическая техника конкретно пытается работать в областях смятения: выискивать их, идентифицировать их и способствовать их структурированию. В такого рода работе акцент делается на происходящем «здесь и сейчас». Работа, на которую я здесь ссылаюсь, предоставляет для этого рамки и интегрирует психоаналитическое знание со времен Фрейда и до нынешнего дня.

Подобным образом мой коллега Пентти Иконен и я рассматривали фрейдовское понятие влечения смерти, критически перечитывая его тексты. Мы представили теоретическое пояснение, которое интегрирует это понятие в клинический опыт и практическую работу (Ikonen, Rechardt, 1978, 1980). Таким образом, мы можем подкрепить работу Уинстона и Коэна утверждением, что структурное повреждение и угроза смятения, описанные ими, приносят с собой великую проблему разрушения и агрессии, которую следует прорабатывать так, чтобы сделать возможным новое структурирование.

Излагая эти соображения, я держу в уме еще одну причину интересоваться ими сегодня. Те из нас, кто знаком с работами, научной деятельностью и лекциями Вейкко Тэхкэ, могут видеть, что его мысль идет по тем же направлениям, что и в вышеупомянутом обзоре. Уже довольно давно Вейкко Тэхкэ говорит о структурах, формирующихся в связи со взаимодействием, и об интернализации взаимодействий как психических паттернов. Он объясняет различные уровни развития и уровни психопатологии, которые зависят от того, чего недоставало во взаимодействии и на какой стадии остановилась интернализация. Он говорит о различных психотерапевтических средствах, которые применимы и необходимы

на этих различных уровнях. Он говорит об интерактивных событиях в психотерапевтических и психоаналитических ситуациях, о центральной роли, которую в них играют перенос и контрперенос. Он пишет о дополнительных реакциях как невербальном измерении в этом взаимодействии. Он предостерегает нас от опасностей, связанных с нашей готовностью ухватить даже примитивное психическое содержание как что-то законченное и завершенное, зная нашу склонность придавать взросломорфические содержания даже примитивным уровням психических событий. В это упирались и те исследователи, которые на сегодняшний день знамениты. В своем мышлении Тэхкэ давно склоняется к направлению, в котором, как можно теперь видеть, продвигаются психологические знания и практика(Tähkä, 1970, 1974, 1984).

Похоже, что психоанализ способен яснее, чем когда бы то ни было, показать, насколько безмерно трудна, бесконечна и легко нарушаема работа по психическому овладению своим телом, его нуждами и функциями. Выполняя эту работу, мы определенно зависим от нашего окружения и от того взаимодействия, которое оно может предоставить.

ЛИТЕРАТУРА

Bion W. (1977). Seven Servants. New York: Jason Aronson Inc.

Ikonen P. & Rechardt E. (1978). The vicissitudes of Thanatos: On the place of aggression and destructiveness in psychoanalytic interpretation. Scand. Psychoanal. Rev. 1: 79–114.

Ikonen P. & Rechardt E. (1980). Binding, narcissistic psychopathology and the psychoanalytic process. Scand. Psychoanal. Rev. 3: 4–28.

Kinston W. & Cohen J. (1983). Repression in the light of object-relation theory. Paper read at the Madrid Congress. To be published.

Lesche C. (1979). The relation between psychoanalysis and its metas-cience. Scand. Psycho-anal. Rev. 2: 17–34.

Sandier J. (1983). Reflexions on some relations between some psychoanalytic concepts and psychoanalytic practice. Int. J. Psychoanal. 64: 35–45.

Schafer R. (1975). Psychoanalysis without psychodynamics. Int. J. Psychoanal. 56: 41–55.

Tahka V. (1970). Psykoterapian perusteet. (Basic principles of psychotherapy). Porvoo & Helsinki: Werner Söderström. (Danish edition, 1983, Viby J.: Centrum).

Tahka V. (1974a). What is psychotherapy? Psychiatria Fennica. 5: 163–170.

Tahka V. (1974b). Mourning work and working through. Psychiatria Fennica. 5: 171–179.

Tahka V. (1979). Psychotherapy as phase-specific interaction: Towards a general psychoanalytic theory of psychotherapy. Scand. Psychoanal. Rev. 2: 113–132.

Tahka V. (1984). Dealing with object loss. Scand. Psychoanal. Rev. 7: 13–33.

Непостижимость полного уничтожения

Эро Рехардт

Больница Лапинлахти, имеющая высокую репутацию и богатую историю, получившая теперь название «Психиатрическая клиника Хельсинкского университета», празднует очередную годовщину. Я испытываю огромное удовольствие от того, что мне выпала честь произнести в этот день пятое Лапинлахтинское обращение. Выражаю мою искреннюю благодарность директору клиники профессору Ахте и его персоналу.

Эти стены были свидетелями полутора веков демонстраций и отчетов о случаях психиатрических пациентов перед аудиторией многих поколений студентов-медиков. Я намерен сейчас продолжить эту традицию и предложить вам некоторую историю случая. Когда история случая в психиатрии описана с достаточным умением и тщанием, она часто затрагивает ответную струну в слушателях: «Что-то здесь можно было бы сказать и обо мне». В данной истории случая мы все в равной мере занимаем роль пациента, который тщетно пытается совладать с почти затопившим его мысли хаосом. Это отчет о попытках человека продолжать жить в термоядерном веке, попытках совладать с непостижимой силой, грозящей тотальным и окончательным хаосом. В наших умах присутствует не поддающаяся пониманию черная дыра, связанная с ядерным уничтожением, видение, общее для каждого из нас.

Книга «Советы войны» Грегга Херкена (Herken, 1985) об истории ядерной стратегии в Соединенных Штатах – документ, исключительно поучительный в отношении того,

сколь неэффективны были усилия даже высочайших экспертов создать стратегически функционирующие и политически разумные способы использования ядерной военной техники.

ДОКТРИНЫ СТРАТЕГИИ ЯДЕРНОГО ВООРУЖЕНИЯ

Сначала бомба была построена, а после этого пришлось решать, как с ней жить. Вскоре после того, как на Хиросиму и Нагасаки была сброшена атомная бомба, в США вышла книга, открывающая дискуссию о ядерной стратегии (Brodie, 1946). Идеи, высказанные в этой книге, указывают, что из-за массовой и иррациональной разрушительной мощи ядерное оружие делает невозможной никакую целенаправленную военную стратегию. Поэтому неизбежно наступит длительный мир. Примерно в то же самое время была издана другая книга (Borden, 1946) с радикально иными выводами, где доказывалось, что США следует немедленно начать подготовку к ядерной войне в ближайшем будущем, чтобы обеспечить сохранение превосходства. Стратегия ядерного вооружения параллельно стала темой исследований нескольких научно-исследовательских институтов, специально созданных для этой цели различными военными ведомствами, а также некоторыми частными предприятиями и университетами. В основном планы, которые возникали на основании этих исследований, были сосредоточены вокруг четырех различных стратегических доктрин.

1) Доктрина равновесия страха. Согласно этой доктрине, ядерная война не имеет никаких стратегически осмысленных целей. Если она разразится, это будет окончательный Армагеддон. Стратегам поэтому остается предотвратить как превосходство, так и отставание в ядерной мощи, так, чтобы ни одна из сторон никак не могла использовать преимущество первого удара.
2) Доктрина локальной ядерной войны. Следует создавать градационные планы в ожидании ядерной войны. Эскалация войны в этих планах растет по степеням, и война может продлеваться даже в течение нескольких лет, пока

одна или другая сторона не сдастся под угрозой тотального уничтожения.

3) Доктрина эффективной защиты. Первые две доктрины представлялись правильными после Второй мировой войны. Создание эффективной ядерной защиты вместо эффективного ядерного нападения было впервые предложено на политическом форуме Косыгиным в начале 1960-х годов.
4) Доктрина пошагового разоружения. Разоружение и демонтаж ядерного вооружения – это самые последние и наименее обсуждаемые вопросы стратегического планирования. Для него почти не оставляет места взаимное недоверие, да и нет абсолютно никакой склонности отказываться от политического и военного превосходства, создаваемого атомным оружием.

Доктрина сбалансированной угрозы

Вскоре после Второй мировой войны идею сбалансированной угрозы приветствовали как благословение. В первый раз в истории человечества войны стали невозможны, поскольку ядерным уничтожением нельзя было достичь никакой стратегически осмысленной цели и победителей в ядерной войне быть не могло. Ядерное оружие, таким образом, можно было использовать как гарантию мира. Вначале, когда Соединенные Штаты были единственными, у кого было атомное оружие, военно-политические отношения основывались более или менее на диктатуре страха. Поддержание равновесия страха стало практической политикой постепенно, по ходу разработки Советским Союзом своих собственных атомных вооружений, и позднее создания водородной бомбы. Равновесие страха означает постоянные подозрения. Не стихает опасение, что это всего лишь обман, и оппонента подозревают в том, что он на самом деле тайно приобретает, или уже приобрел, превосходство и преимущество разрушительного первого удара. Все это время под тенью равновесия страха прогрессирует технология ядерного вооружения и продолжается гонка вооружений. Новые поколения

политиков и ядерных стратегов воспринимают жизнь в состоянии равновесия страха как непереносимую. Это состояние бытия, которое не может продолжаться. Сбалансированная угроза, договор с Советским Союзом о взаимно гарантированном уничтожении (MAD, mutual assured destruction) является «морально непристойным». «Нестерпимо, что правительство сделало граждан заложниками противника» – «это настоящее безумие (MADness)». Планы локальной, победоносной ядерной войны, возможность сдерживающего первого удара и превосходство в технике ядерного вооружения – это все притягательные темы, которые всплывают вновь и вновь, искушая умы политиков и стратегических теоретиков.

Доктрина локальной ядерной войны

Доктрина локальной ядерной войны и возможность достичь какого-то победного конца появилась примерно в то же самое время, что и стратегическая доктрина равновесия страха. Согласно ей, Соединенные Штаты должны заняться подготовкой к веку ядерных вооружений как можно скорее, чтобы обеспечить абсолютное ядерное превосходство. Атомная война будет краткосрочной войной между ракетными базами, для чего требуется обеспечить поддержание технического и количественного превосходства, нужного для первого удара. Предполагается, что это вынудит противника сдаться, чтобы спасти свою страну и ее население от тотального уничтожения.

Когда министром обороны стал Макнамара, представители высшего военного командования познакомили его с тройственной стратегией ядерной войны. На светящихся экранах были нанесены точки целей, указывались цифры предполагаемых потерь и количество ядерного выброса. В первой фазе световая точка появлялась в ряде наиболее крупных населенных пунктов Советского Союза. Во второй фазе точки появлялись десятикратно по всей советской территории. И наконец, в третьей фазе сотни точечных целей покрывали всю карту. Число потерь в Советском Союзе и окружающих странах оценивалось в 350 миллионов. Роковые радиоактивные

осадки распространяются по нейтральным и дружественным странам. Макнамара позднее говорил, что он был в шоке. Неужели у политического руководства США нет никаких вариантов войны, кроме достижения капитуляции или конца света? Для того чтобы найти место для альтернативных подходов, Макнамара отдал приказ провести исследования возможности создания градационной ядерной стратегии, которая будет ограниченной и не приведет к тотальному уничтожению. Это вывело на передний план тех сторонников ядерной стратегии, кто лоббировал более точные дозы ядерных ударов для того, чтобы можно было вести ядерную войну подольше, и так, чтобы избежать завершения ее окончательным Армагеддоном. Но это означало бы угрозу равновесию страха. Вместо него начала выдвигаться на передний план идея такой ядерной войны, которая может произойти реально, войны, которую можно будет держать в узде и которая требует достижения и обеспечения технического и материального превосходства. Политики и исследователи ядерной стратегии, которые придерживались взгляда, что есть только один вид ядерной войны – безумный конец света, – обнаружили, что им все труднее быть услышанными.

После ухода Макнамары со своего поста настала очередь Киссинджера ознакомиться со стратегией ядерных вооружений, созданной его предшественником. Он позвонил Макнамаре напрямую и спросил его, «как он мог быть министром обороны в течение семи лет и оставить после себя такой полный недостатков план?» Макнамара охотно согласился, что военный план «неподходящий», но что причиной тому были обстоятельства, поскольку казалось крайне маловероятным, что этот план когда-либо будет использован. Киссинджер трудился восемь последующих лет над тем же проектом, и в частных беседах с Макнамарой соглашался, что он тоже в конечном итоге не смог придумать никакой осмысленной ядерной стратегии. Ужасающий план конца света, введенный Макнамарой, имел, по крайней мере, какой-то резон в том, что это было неопровержимое напоминание об истинной природе ядерных вооружений, об их абсолютной бесполезности

в какого-либо рода военных действиях. Все другие виды стратегий предлагают зрелище традиционных военных действий; они возрождают воинственные фантазии в равной мере у политиков, солдат и широкой публики таким образом, что это успокаивает. Как будто 100 миллионов собственных потерь против 250 миллионов у противника – это военная победа. Очень часто разговоры специалистов по ядерной стратегии бывают маниакальными и странным образом непоследовательными. Ради простоты миллион тел называют мегателом. Разрушение, созданное локальной ядерной войной, разбавляется вдохновляющими историями о выживании изобретальных фермеров на Диком Западе, которые строят личные убежища от радиоактивных осадков при помощи лопаты и пластиковой пленки на расстоянии мили от эпицентра взрыва. Нет предела энтузиазму, порождаемому превосходством в ядерном вооружении. Преимущество первого удара следует сохранить любой ценой – тут пригодится политическая хитрость. Надо изобрести мощные легкие ядерные вооружения для переноса в тыл врага. Ядерный стратег, похоже, опасным образом клонится к тому психическому состоянию психопатологии, которое можно назвать ядерной манией.

Доктрина эффективной ядерной защиты

В 1962 г., когда ведущие политики Советского Союза и Соединенных Штатов обсуждали ядерное вооружение в первый раз, Косыгин сообщил Конференции, что Советский Союз будет теперь делать вложения в оборонные, а не в наступательные виды вооружения и что оборонная система вокруг Москвы уже строится. Американская сторона заявила, что, с их точки зрения, Советский Союз намерен создать преимущество первого удара путем обессиливания оружия США и что это вынуждает Соединенные Штаты разрабатывать свое наступательное вооружение для того, чтобы поддержать равновесие. Результатом советского плана обороны будет дальнейшая сомнительная эскалация ядерной техники. Было достигнуто соглашение, обеспечивающее как взаимно гарантированное уничтожение (MAD), так и равновесие страха

путем отказа от оборонных мер. Тем не менее угроза неожиданного нападения путем первого удара продолжает витать в умах ядерных стратегов. Эксперименты и вычисления показали, что первый удар, нацеленный на шахты ракет, способен парализовать большую часть ядерного вооружения Соединенных Штатов и что нападение всегда более эффективно, чем защита. Специалисты по стратегическому планированию локальной ядерной войны начали требовать укрепления ракетных шахт, чтобы они могли противостоять близкому попаданию, и создания оборонных ракет, чтобы защитить их. Они подозревали, что Советский Союз в любом случае предпримет такие меры и будет тайком добиваться готовности к первому удару. Фантазия такой угрозы деморализует веру в какое бы то ни было политическое решение. Их место занимают фантазии о ядерной войне, для которой нужны сложные технологии защиты. Согласно любимой идее Рейгана, Соединенные Штаты должны выработать надежную космическую систему обороны, которая будет превосходить орудия нападения. После того как это будет достигнуто, можно начать переговоры о демонтаже бесполезного оружия нападения. Маниакальный памфлетист Ястроу (Jastrow, 1985) приводит возбужденное описание Рейгана как спасителя, чей план освободит мир от ядерного вооружения. Подавляющее большинство ученых рассматривают план космической обороны (космической войны) как полную чушь. С учетом его громоздкого веса и астрономических затрат он совершенно невыполним. Нет никакой гарантии, что его компьютерная система будет надежной. В своем великом самодовольстве Ястроу забывает о невозможности защиты от курсирующих ракет, запускаемых с подводных лодок и летающих на очень низкой высоте.

Доктрина разоружения

Во времена Хрущева Советский Союз наотрез отказался обсуждать вопрос о ядерном разоружении. Постепенно стало очевидно, что это политический покер. Стратеги и политики Соединенных Штатов рассчитывали свои бюджеты на оборону от нескольких сотен советских ракет. Им не было

известно о результатах спутниковой съемки, показавших, что СССР имеет только четыре межконтинентальные ракеты. Позднее ядерное вооружение Советского Союза уже длительное время равнялось американскому. Величайшая польза переговоров по ограничению стратегических вооружений была в том, что это был первый конкретный шаг, сделанный в направлении разоружения. То, что переговоры не смогли прекратить наращивание числа ядерного вооружения, было вызвано тем фактом, что не были учтены создававшиеся в то время разработки MIRV (ракеты с разделяющейся головной частью, с боеголовками индивидуального наведения). Это новое оружие со множественными боеголовками дает возможность умножить разрушительную силу одной ракеты. Вместо того чтобы одна ракета уничтожала одну советскую ракету в ее шахте, MIRV могла уничтожить от 10 до 14 советских ракет в зависимости от количества боеголовок. Запасы ядерного вооружения и их суммарной разрушительной силы на самом деле возросли в ужасающей степени. Ни одна сторона не считала свою позицию достаточно стабильной, чтобы продолжать переговоры о разоружении всерьез. Казалось, сквозь дебри подозрений, страха и фантазий, было не пробиться. Во имя безопасности запасы ядерных вооружений продолжают расти. В эту самую минуту они гарантируют тысячекратный конец света и судный день.

ТУПИКОВОСТЬ ЯДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ

Стратегическое и политическое мышление о ядерном оружии сделало полный круг, не имеющий ни конца, ни какого-либо видимого результата. Старые, знакомые идеи, равновесие страха, локальная ядерная война и вынужденная противоракетная оборона продолжают всплывать снова и снова. Броуди, специалист по ядерной стратегии первого поколения, которого вполне можно рассматривать как отца ядерной стратегии, говорил с отвращением о бесконечно повторяющихся «новых-старых» паттернах мышления.

Ядерное вооружение накапливается, равновесие страха идет к кульминации неизбежного взрыва. Похоже, что

первое же возможное решение ищут, по сути, не в переговорах, политике, совместных действиях людей и более глубоком понимании себя, а в техниках мессианства. В умах младшего поколения стратегов растет подозрение, что до сих пор где-то в стратегическом мышлении кроется фундаментальная ошибка. Херкен, который написал историю ядерной стратегии в США, отмечает в конце своей книги, что нации, имеющие атомную бомбу, стали пленниками теней. Эти тени – образы врага, таящиеся в их собственных душах.

ГЛЯДЯ В БЕЗДНУ

Ницше, великий мастер афоризма, сказал: «Если долго смотреть в бездну, бездна взглянет в тебя».

Если я смотрю на нечто непостигаемое, на что-то, что не имеет вовсе никакого завершенного содержания, я вижу примитивные строительные кирпичики своего Я, самого себя. Согласно новым представлениям о тяжелых психических нарушениях, в них присутствуют психически бесформенные области хаоса, либо обширные, либо ограниченные, которые являют собой невыносимую угрозу нашему Я. С великой беспомощностью, которую они вызывают, можно справляться различными способами. Нарциссическая патология характерным образом откликается тем, что постоянно избегает этих областей, сохраняя иллюзию самодостаточности путем тривиализации собственных чувств и чувств других и путем фантазий превосходства. Человек с пограничными нарушениями менее успешен в избегании и более беспомощен, чем нарциссическая личность, когда оказывается перед лицом угрожающего хаоса. Психотик, по крайней мере, часть времени находится полностью во власти хаоса и смотрит прямо в бездну. Тем не менее, даже самый тяжелый психотический пациент заполняет хаос и бездну своей психики фрагментами самого себя, самыми первичными строительными кирпичиками своего Я. Он может усмотреть в бездне ужасного Сатану, угрожающего ему и всему человечеству аннигиляцией. Он видит свою собственную деструктивность, из которой его Я начинало вырастать, когда стремилось к всемогуществу. Он

может усмотреть там Мессию, ту всемогущую мать, которая утешала его в беспомощных тревогах его детства. Эти переживания были необходимы для формирования его Я. Мир и люди в нем слишком непостижимы для психотика. Вместо того чтобы вступать в человеческие отношения, он не ведает ничего, кроме беспомощности, хаоса и пустоты. В пустоте бездны он может увидеть всесильный зародыш своего Я: все вокруг него, весь мир и люди в нем суть части его Я, продолжения его, находящиеся полностью под его контролем. Там, в пустоте бездны, в ужасном видении, образы могущественных родителей из его фантазий первичной сцены, возможно, бьются друг с другом, решая его судьбу (Ikonen, 1984). Из глубины бездны его беспомощное Я смотрит обратно ему в глаза, то Я, которое верит только в безжалостное, разрушительное превосходство.

Какое все это имеет отношение к обычному человеку? Каким образом здравомыслящие, высочайшего интеллекта специалисты по ядерной стратегии связаны с этим? Связь в том, что каждый человек на короткое или на длительное время неизбежно оказывается лицом к лицу с чем-то, что недоступно уму, чтобы заглянуть в бездну. В число подобного опыта входят, например, незнакомые и ранее не встречавшиеся обстоятельства, чужие люди, культура чуждых стран, неорганизованные группы или группы, ищущие внешних форм, новые жизненные условия, физические изменения тела, новые стадии индивидуального развития (Rechardt, Ikonen, в печати). При таких обстоятельствах каждый из нас склонен более или менее искать самого себя, свое собственное Я в фантазиях превосходства, в маниакальном всемогуществе, в мире фантазий первичной сцены по поводу отношений наших родителей. Нам приходят на ум необходимость что-то уничтожить и угроза быть уничтоженным, и мы уязвимы для мессианских посланий. Возможно, мы попытаемся заполнить непостигаемую бездну чем-то очень конкретным, четко определенным и тривиальным. Мы сможем найти там некоторые знакомые функции нашего собственного тела, которые помогают нам постигать непостижимое. Все они являются также

рудиментарными формами нашего мышления. Основные составляющие физики, такие как сила и скорость, исходно были телесным опытом, который постепенно превратился в абстрактные, математически сформулированные понятия. Из этой не поддающейся пониманию бездны может также возникнуть мир психики.

Чем бездны психики обычного приземленного здравомыслящего человека отличаются от психотического заболевания? Они не предъявляют себя в гигантских и ужасающих формах, они не представляют угрозы функционированию Я, они четко определены, и их легко избежать. Они приводят к некоторого рода повседневному нарциссизму, к близорукости, к узости мышления и к предрассудкам обычного человека.

В ядерном стратегическом мышлении есть некоторые черты, которые заставляют вспомнить нарциссическую личность с нарушением пограничного уровня. Эти черты говорят психоаналитику о том, что психическая работа достигла очень малой ясности и остается крайне незавершенной. Есть данные, выявляющие упрямые попытки достичь абсолютного превосходства, и в то же самое время страх, что кто-нибудь другой этим абсолютным превосходством уже обладает. Ничто, кроме абсолютного, раздавливающего превосходства, не может придать результат моим действиям. Мир ядерных стратегов управляется дьяволами и мессиями, сатанинскими техническими достижениями Другого и моими собственными мессианскими техническими достижениями. Непостигаемо разрушительные возможности бомбы описываются в детально конкретных цифровых выражениях. Разрушительная мощь водородной бомбы воспринимается как СИЛА на моей стороне, в союзе со мной, дающая мне маниакальное чувство, что я представляю ДОБРО и ПРАВО во всем, что я думаю и делаю. Эти взаимопротиворечивые содержания психики проявляют себя одновременно и параллельно, как у человека с нарциссическим нарушением.

Большинство ядерных стратегов вполне осознают, что их работа – неустанно смотреть в бездну непостижимого. Нет никаких прежних решений или обретенных до сих пор

культурных традиций, которые могли бы обеспечить инструменты, необходимые для того, чтобы продолжать жить в век водородной бомбы. Герман Кан, один из самых хорошо известных специалистов по ядерной стратегии, назвал свою книгу «Думая о немыслимом» (Kahn, 1984). Я хотел этими короткими картинками о ядерных ученых пролить свет на тот факт, что они все еще смотрят вниз, в бездну Ницше, в ту самую бездну, в которую ранее всегда заглядывали люди в состоянии психического расстройства и люди здравого ума. Но из БЕЗДНЫ ВОДОРОДНОЙ БОМБЫ НИЧТО НЕ СМОТРИТ НА НАС В ОТВЕТ. Самое непостижимое – это несуществование самого себя, аннигиляция Я.

НЕПОСТИГАЕМОСТЬ НЕСУЩЕСТВОВАНИЯ НАШЕГО СОБСТВЕННОГО Я

Водородная бомба (которую называют также сверхбомбой) открыла совершенно новую эру и новую цивилизацию – цивилизацию несуществования. Создав ядерное оружие, которое гасит возможность осуществления всякого проявления Я, каждого отдельного Я, человек создал ситуацию, для постижения которой и активного реагирования на которую у нас нет инструментов. У нас нет никаких средств, чтобы постичь такого состояния существования, из которого все измерения и продукты наших собственных Я, исчезли. В мире нашей психики формы Я, формы меня продолжают существовать даже после того, как самого меня больше нет. Уничтожение, аннигиляция, когда все, что связано с Я, со мной, сведено к нулю, является немыслимым. Во всех наших фантазиях о ядерной смерти мы все же сохраняем какую-то часть себя, способную действовать. По этой причине любое описание ядерного разрушения неверно: мы – публика ужасающей пьесы, но как зрители мы все же являемся ее частью. Препятствие, заграждающее нам путь к пониманию ядерной катастрофы, – это то, что у нас нет никаких инструментов, чтобы постичь ее смысл. Тотальность несуществования Я, то, что нет меня, – возможности такого в сфере психической работы не предусмотрено. Мы стремимся преобразовать

проблему ядерных вооружений во что-нибудь, что поддается определению, по поводу чего можно действовать; локальная война; великая война, но не окончательная катастрофа; задачка на выживание; борьба между добром и злом; или техническая задача. Вполне может быть, что в настоящий момент, на данной стадии цивилизации только равновесие ощутимого ужаса способно действительно напомнить нам о присутствии безжалостной реальности.

Мы не можем постичь пустоту, из которой даже самые мельчайшие частички Я, частички меня, не откликаются на наш взгляд. Мы не можем понять, что разрушительная сила водородной бомбы не является чем-то для нас знакомым. У нас в уме не укладывается тот факт, что разрушительную мощь ядерного вооружения невозможно использовать для укрепления нашего Я, нашего Эго, как то разрушение и те орудия разрушения, что использовались ранее. У нас нет способности воспринимать ядерное оружие в каком-либо ином смысле, чем как средство чего-то достичь. У нас есть возможность совершить действие, т. е. использовать ядерное оружие для уничтожения, для аннигиляции человечества. У нас есть также возможность играть им в опасные игры, но нельзя все время катить мяч, потому что под конец он взорвется. Мы не обладаем способностью просто быть и просто жить на грани ядерного уничтожения. Мы не можем осознать, что нам следует жить с этой бездной, ничего не делая по ее поводу. Такое поведение не свойственно психике человеческих существ, ни больной, ни здоровой.

Неужели мы действительно не можем понять тотального несуществования Я? В конце концов, нам известно, что мы смертны, что наша собственная смерть – самое достоверное, что есть в нашей жизни. Нам известно, что человеческая жизнь на этой планете придет к концу, когда жар солнца станет остывать. Интеллектуально это достоверные факты в диапазоне от настоящего момента до отдаленного будущего. Психоаналитику хорошо знакомо различие между знанием и пониманием. Ни у кого нет истинной концепции собственной смерти. Все наши фантазии основаны на нашей

концепции жизни и ее символических форм. Плоды нашего труда, наши потомки, нация, материя и идеологии помещены внутри фантазий о нашей собственной смерти. Если возникнет необходимость, мы готовы пожертвовать нашими собственными жизнями за выживание других и в защиту того, что мы ценим, потому что в них часть нашего Я будет продолжать существовать. В каждой фантазии о смерти и уничтожении какая-то часть нашего Я остается жить. Даже в саморазрушении и самоубийстве присутствует опыт сохранения и контролирования Я. Впервые в истории человечества нам в самом деле понадобилось иметь в реальности психическую картину тотального и окончательного уничтожения и, помимо того, абсолютного, но и символического несуществования Я, потому что мы держим в руках возможность такого уничтожения в виде водородной бомбы. Некоторые ядерные стратеги начали подозревать, что что-то есть фундаментально ошибочное в мышлении о ядерной стратегии и что нужно начать все заново, с совершенно новой отправной точки. Здесь, возможно, заложена та ошибка, о которой искренне и убедительно говорил Макнамара. Он чувствовал, что нужно срочно вложить немного жизни и надежды в эту проблему, проблему ядерного взрыва. Похоже, когда до нас начинает доходить, что тотальное уничтожение реально, приходит абсолютно необходимая потребность сказать этой угрожающей реальности «нет»: количество радиации будет не смертельно, аннигиляция будет не тотальной, ядерная зима не наступит, медицинские службы не будут парализованы. Это знакомый психологический механизм защиты, отрицание, которое оберегает нас от беспокоящей и угрожающей реальности, а также не дает нам видеть ее ясно. Тогда становится возможным обратить свои мысли с надеждой к возможности локальной ядерной войны, эффективных оборонных систем и, наконец, Нового Рая, построенного в космосе, где мессианский суперкомпьютер приглядывает за судьбой человечества, словно новое божество. Тогда появляется потребность думать, будто те, кто выживет после ядерной войны, выкарабкаются из своих подземных бомбоубежищ в новую жизнь. Или что группа

спасенных в космосе вернется на Землю, чтобы заново начать историю человечества. Или группа элитных индивидуумов проживет в подземной биосфере на протяжении всей ядерной войны, сохраняя для жизни все, что есть лучшего в человеческой расе. Или, как в мультфильме: могучие роботы, оставленные после себя людьми, будут вести войну с глетчерами ядерной зимы, продлевая существование наследия человеческой цивилизации.

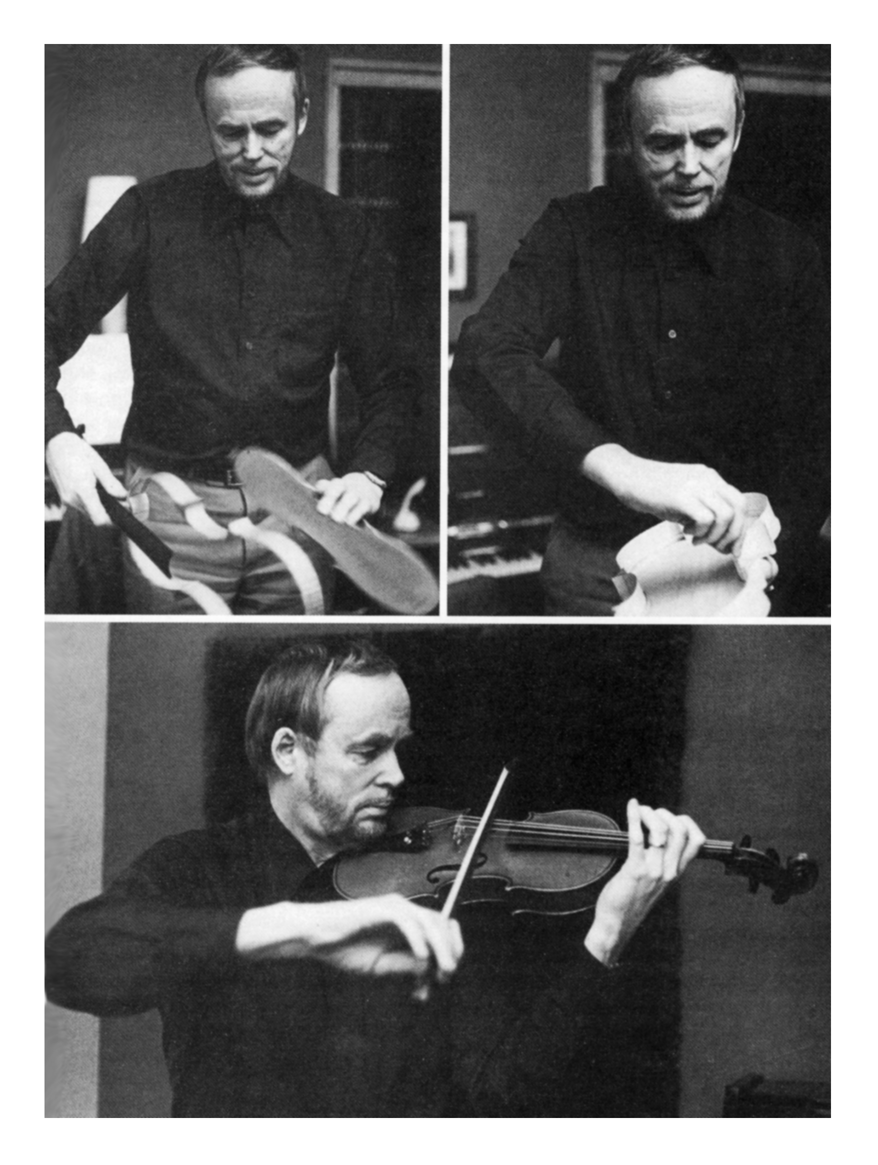
ЭРА КОНЦА

Однако эра водородной бомбы, сегодняшний термоядерный век, нуждается в чем-то совершенно противоположном. В своей хорошо известной работе «Об отрицании» (Freud, 1925) Фрейд утверждал, что первая форма мышления – это отрицание (negation). Первый символ факта наличия в психике какой-либо потребности – это «нет». Младенец овладел понятием «мама», когда у него появилась психическая картина отсутствия матери, «мамы нет». Нам нужна способность говорить «нет» нашим непосредственным нуждам, нашему стремлению действовать и нашим чувствам, для того чтобы получить пространство и свободу думать, что предмет может быть чем-то иным, чем то, чего мы от него хотим. Для того чтобы мы могли думать о ядерном уничтожении, нам нужна способность иметь мысли, которые говорят «нет» нашему желанию жить и надеяться. Мы вынуждены заглядывать в бездну, в которой мы не оставили даже зародыша жизни. Ядерный век требует, чтобы мышление обладало такой ясностью, что его способность сказать «нет» была бы равна абсолютности ядерного холокоста. Бездны Ницше будет недостаточно.

Такую новую эру мышления нельзя создать мгновенно. Равновесие страха, безжалостное взаимное уничтожение – это одна фаза такого мышления. Это напоминание, что ядерная война не дает никакой надежды. Символ несуществования создается, когда физики описывают ядерную зиму. По их словам, климатические изменения, вызванные даже локальной ядерной войной, приведут к наступлению тотального оледенения во всем нашем полушарии. Они говорят,

что не будет НИКАКОЙ жизни. Организация физиков против ядерной войны научно показала, что при любого рода ядерном нападении системы медицинского обслуживания будут парализованы и полностью уничтожены. Они говорят: не будет НИКАКОЙ помощи, лечения, защиты. Симингтон (Syrnington, 1984) высказал такую мысль: людей нужно заставить поверить, что будет ядерная война. Это наша единственная надежда, хотя и очень маловероятная. Что он хочет сказать: надежда НЕ МОЖЕТ преодолеть ядерное уничтожение. Возможно, что нам нужна такая ядерная стратегия, которая исследует каждый возможный способ, при помощи которого ядерное уничтожение может случиться, несмотря на противодействие, чтобы показать, каковы меры, которые нас НЕ спасают.

Наш нынешний век можно назвать эрой конца. Не в апокалипсическом смысле, что конец близок, а в том смысле, что нам отчаянно нужно четкое понятие окончательного конца, чтобы продолжать жить. Мировой взгляд на эту эру может также включать представление о постепенном исчезновении человеческой расы по мере того, как гаснет солнце, так что нет необходимости самим приближать свой конец. Горе по поводу такого взгляда на мир может укрепить желание избежать того конца, который пока еще в наших собственных руках. Возможно, нам нужна какая-то экология аннигиляции человеческой расы. Ее задачей могло бы быть не только изучение того, как можно осуществить ядерное уничтожение, но и того, какими еще способами человек уничтожается либо по собственному желанию, либо несмотря на свои собственные действия. Пока же человечество готовится к своей ожидаемой смерти, которая может произойти различными способами, пусть хотя бы продолжает жить так долго, как позволят силы, неподвластные его контролю.

О музыкальном познании и об архаических схемах значений

Эро Рехардт

ВВЕДЕНИЕ

Психоаналитическая психология искусства, креативности и личности художника – область, достаточно полно представленная в литературе, но доля работ о музыке здесь невелика. Исследование музыки – менее благодарное занятие, с психоаналитической точки зрения, чем исследование других форм искусства. Язык музыки абстрактен, его трудно определить словами. Она создает переживания, которые быстро проходят, не позволяя их остановить и удержать, в отличие от образов литературы и изобразительных искусств.

Музыкальное выражение невербально и не дискурсивно. Однако временами оно, похоже, сообщает нам о чем-то. Все настроения и чувства, через которые прошел Шостакович, так ясно выражены в его симфониях, что в его биографии, написанной Волковым (Volkov, 1979), нет ничего неожиданного. Малер пишет: «Вся моя жизнь содержится в двух моих симфониях. В них я записал свой опыт и страдания, истину и поэзию слов. Любому, кто умеет слушать, вся моя жизнь станет ясна, поскольку мои творческие труды и мое существование столь тесно переплетены, что, если бы моя жизнь текла так же мирно, как ручей по лугу, я думаю, что никогда не смог бы больше ничего написать» (De La Grange, 1973).

Что касается искусств, психоаналитический подход всегда представляет такие методологические проблемы, на которые клиническая психоаналитическая работа не имеет никаких ответов. Попытки приблизиться к музыке имеют

следующие четыре отправные точки (Feder, 1978, 1980, 1981; Friedman, 1960; Mosonyi, 1935; Kohut, 1957; Kohut, Levarie, 1950; Nass, 1971, 1975, 1984; Niederland, 1958; Spitz, 1965; Wittenberg, 1980):

Интроспективное наблюдение впечатлений, порождаемых слушанием музыки. Что может сказать психоанализ об этих впечатлениях?

Психоаналитические биографии музыкантов и композиторов. Автобиографии музыкантов и их повествования о музыкальном опыте.

Переживания, возникшие в психоаналитических ситуациях из ранее бывшего музыкального переживания, и сведения, полученные из психоанализа ценителей музыки.

Психоаналитическое знание и его теоретические формулировки, выведенные из детского развития, которые используются в экстраполяции для создания общей психоаналитической теории музыки.

Для начала в данной статье рассматривается субъективное музыкальное переживание с целью показать, что существует некий изоморфизм (изоморфизм = сходство по форме, сходная кристаллическая структура), который связывает психическое событие (от примитивных уровней психического события до текущих социальных отношений) и музыкальный язык. Этот взгляд стал традиционным в психоаналитической литературе о музыке. В данной работе он является фоном для суждения о том, как музыкальный язык можно встроить в психоаналитическую концепцию когнитивного познания. Наконец, рассматривается музыкальное когнитивное познание в иных областях, помимо области музыкального языка. Эти последние подходы представляют интерес для сегодняшней психоаналитической теории и указывают на возможность ее развития.

ОБ ИЗОМОРФИЗМЕ ЭЛЕМЕНТОВ МУЗЫКИ И РАЗВИТИИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЦИИ

Если рассматривать эту методическую задачу с позиций психоанализа, предполагается перенести на уровень сознательного некоторые элементы музыкального переживания, хотя

музыкальное переживание само по себе не требует целенаправленного сознательного усилия и нельзя считать такое действие необходимым. И потом неясно, что больше выиграет от этого – психоанализ или музыка.

Можно предположить вслед за Мосони (Mosonyi, 1935), что в музыке есть что-то, что соответствует тому, как наша психика справляется с переживаемым миром. Возможно, музыкальное мышление идет по тем же линиям, которые мы используем, когда формируем образ себя, переживаемого нами мира и отношений между тем и другим (Kohut, 1957; Wttenberg, 1980).

В переживании музыки можно найти те же самые элементы, которые психоаналитик находит в том, как человек справляется с психическими содержаниями – чувствами, детскими и более поздними объектными отношениями, раздражающими или приятными стимулами. Это именно то, что способствует притягательности в музыке, тогда как отсутствие этого означает тривиальность. И все же музыка всегда больше похожа на игру, в то время как жизнь может быть беспощадно болезненной. Музыка способна дистанцировать болезненные и ошеломляющие переживания, превращая их в нечто выносимое и даже приятное.

Человек рождается с психикой в бесформенном состоянии и с достаточно ограниченным набором функций, готовых к использованию. Мир переживаний выстраивается лишь постепенно, отчасти вокруг врожденных черт и навыков, но в самой важной своей части – под влиянием внешних воздействий. Психоанализ занимается тем, как человек выстраивает картину себя и окружающего его мира, исходя из своих собственных острых нужд, которые никогда не пребывают в состоянии покоя. Это неспокойствие – отражение давления нашего телесного существования, от которого мы никогда не можем избавиться. Оно представляет собой объект психоаналитической теории влечений. В своей самой продвинутой форме теория влечений Фрейда дуалистична: с одной стороны, есть неспокойное, ненасытное желание жить, Эрос. С другой стороны, есть страстное стремление

к покою, порядку и статическому состоянию безжизненности, инстинкт смерти (Freud, 1920). Врожденные страсти человеческой психики – это ненасытность, с одной стороны, и страстное стремление к покою и порядку, с другой. Вместе они создают бинарную систему, на взаимодействии которой строятся наиболее сложные явления. Порядок есть необходимость, чтобы жизнь могла найти свои рамки (Ikonen, Rechardt, 1984). В самом всеобъемлющем смысле именно такова функция мыслительного процесса. Когнитивное познание – это «ухватывание», «понимание» и «восприятие». Во многих языках, включая финский («käsittää») и шведский («begripa»), конкретная природа понимания выражается похожими терминами. Музыкальное мышление также более, чем какое-либо другое, является, в первую очередь, процессом приведения к порядку некоего хаоса (Кохут, Нидерланд), «схватывания» чего-то бесформенного (Bion, 1977).

ОБ ИЗОМОРФИЗМАХ РАННЕГО РАЗВИТИЯ И РИТМА

В космический хаос мира переживаний младенца уже на стадии плода вторгается ритм: удары сердца матери и ритм ее походки. Для музыковеда нет ничего нового в мысли, что ритм – это первая форма организации переживаемого мира.

Следующий пример взят из жизни одной семьи. В доме этой семьи был не один этаж, и вследствие этого повседневная жизнь беременной матери состояла в том, чтобы весь день передвигаться вверх и вниз по ступенькам. Значимость этого для младенца открылась удивительным образом. Во время первых недель после рождения младенец переставал плакать и неизменно засыпал, как только человек, у которого он был на руках, начинал ходить с отчетливым ритмом. Это явно привносило в хаотическое беспокойство младенца успокаивающий и знакомый порядок.

После рождения начинают формироваться ритмические чередования хороших и плохих чувств. Если младенцу не помогает в его беспокойстве человек, который о нем заботится, он будет успокаивать себя сам, покачиваясь туда-сюда. Ребенок с нарушениями компульсивно стукается головкой, тогда

как здоровый младенец укачивает себя перед сном каким-нибудь приятным способом. Человек в состоянии психотического хаоса производит кататонические ритмичные движения, а для усиления эффекта может начать биться головой о стену. Ритм привносит порядок в хаос. Это начало упорядоченности, ее самая примитивная форма в переживаемом нами мире. После того как в переживаемом мире накопилось достаточно порядка, ритм перестает быть компульсивным явлением, связанным с тревогой, а начинает обретать и другие качества.

Переживание некоторых базовых ритмических элементов у разных слушателей музыки очень похоже. По мере нарастания ритма он ощущается как возбуждающий, вплоть до потери контроля и даже паники в зависимости от темпа ускорения. Знакомый ужасающий тональный фоновый эффект в фильмах – это дающий эхо монотонный звук, повторяемый со все нарастающей скоростью и силой. В то время, когда в качестве наркоза употребляли эфир, многие пациенты на самой границе потери сознания переживали похожий звук и сопровождающее его чувство ужаса. Он часто описывается как колокольный звон с постоянно нарастающим темпом и пронзительностью. Такое переживание может быть связано с потерей когнитивного контроля, отчаянные попытки не утратить контакта с каким-то примитивным порядком, а затем окончательное ускользание контроля. Это, вероятно, явилось причиной тех смертей, от чистого ужаса, которые время от времени происходили на начальных стадиях эфирного наркоза. Лишенное формы неспокойствие, хаос и утрата контроля – это самые ужасающие переживания, через которые человек может пройти (Ikonen, Rechardt, 1980).

Замедление скорости и постепенная остановка переживается как конец возбуждения, как состояние покоя, как пауза и как смерть. Пауза всегда приносит чувство тревоги. Дети, играющие на инструменте, обнаруживают, что очень трудно держать паузу достаточно долгое время, столько, сколько указано в нотах. Не может быть случайным, что музыка подростковой культуры не знает пауз. В примитивной музыке использование таких ритмических эффектов, вероятно, имеет

значение овладения могущественными силами или зачарованности ими. Они используются против духов и стихий, для отвращения злых сил. Похоронная церемония в Новой Гвинее, показанная по телевидению, полностью отличается от западной похоронной службы. Дико бегущая группа людей, пришедших на похороны, с великим возбуждением барабанит и кричит во весь голос. Психология этой церемонии выражает параноидный страх перед духом усопшего и выталкивание этого духа навсегда, чтобы он не нарушал покоя живущих и не мог мстить им. Музыка используется как средство магического контроля.

Музыка может иметь подобное воздействие и на современных образованных слушателей, может создавать примитивный космически-магический настрой; может быть шаловливо бодрящей; может ослаблять напряжение; может внезапной паузой вызывать пугающее чувство ожидания. Она может также успокоить и убаюкать.

ОБ ИЗОМОРФИЗМАХ КАЧЕСТВА ЗВУКА И РАННЕГО РАЗВИТИЯ

Нельзя спастись от звуков путем рефлекторного отдаления, которое всегда помогает от света и боли. Единственная защита – это порог восприятия. Некоторые младенцы имеют более низкий порог, и таким образом у них легче вызвать раздражение громкими или внезапными звуками (Bergman, Escalona, 1949; Greenacre, 1956). Тонкая чувствительность к раздражителю может означать, что требуется особая способность контролировать и упорядочивать сенсорные стимулы и тем самым вызывать развитие художественного таланта. Таким образом, одним из стимулов к развитию музыкальных способностей может быть тот факт, что звуки неприятны, и возникает страстная потребность упорядочить и контролировать их (Niederland, 1958; Kohut, 1957). Психоанализу достаточно знакомо компульсивное повторение, вызываемое травматической беспомощностью: компульсивная потребность создать из слабости всепобеждающую способность контролировать. Возможно, это проявление имеющего биологический

смысл компульсивного желания практиковаться. Желание играть со звуками включает даже и желание получения чистого удовольствия, любовь к звукам. Ласковый и утешительный звук голоса матери, ее гульканье, приговаривание и болтовня являются источником удовольствия. Как и опыт тела матери и своего собственного тела они связаны с холистическими телесными переживаниями, которые Спитц называет коэнестезией. Это психофизическая интеграция за пределами сознательного и свободного волеизъявления, которая имеет значимость на протяжении всей жизни. Ласковые звуки, сопровождаемые ритмическими элементами, вызывают в памяти состояния и настроения, очень похожие на эти. Границы Эго тают, исчезает чувство сепарации, возникают переживания *unio mistica**, даже ощущение блаженства и массового гипнотического внушения. Все это может быть движущей силой, стоящей за ритуалистическими событиями. Пример интегративной власти музыки – это когда человек, страдающий афазией, может пропеть слова песни, которые он не способен произнести без музыки.

По мере того как вырабатывается переживание сепарации, звуки все больше приобретают значение коммуникации. Они становятся дальнейшим средством воздействия, средством требовать, просить и приказывать. Слуховые ощущения особенно сильно воспринимают интонацию повелевания. В психотических эпизодах доминируют именно звуки, голоса, а не зрительные галлюцинации. Музыка наделена тем же самым значением. Средствами музыки могут быть созданы фантазии использования власти, переживания величественного великолепия и приниженной умаленности.

Давайте на минуту остановимся и прислушаемся к музыке, которая состоит в основном из ритма и звука для целей магического контроля. Такого рода музыкой развеивают злые силы; ею создают пугающие эффекты и переживания всемогущества. Она помогает вызывать присутствие могущественных лиц, богов, благотворных сил и всеудовлетворяющей матери. Благодаря этому усиливаются характеристики

* Мистический союз (*лат.*).

церемониальной и ритуальной музыки, как, например, в первобытная музыке, церковной, церемониальной музыке, а также и в современной молодежной музыке, в которой ритм, децибелы и ватты порождают свой мощный, внутренне присущий ей элемент. Сложная симфоническая музыка добавляет эти элементы для создания сильных эффектов. При такой тесной связи с магической и коллективной психологией понятно, почему музыка в Древнем Китае и Древней Греции контролировалась государством. Тот, кто владеет музыкой, держит в руках власть, говорил Платон.

Работа Винникотта (Winnicott, 1974) о переходном переживании и переходном объекте позволила посмотреть по-новому на психологию игры и искусств. Младенец моложе двенадцати месяцев от роду уже способен создать иллюзию присутствия матери путем хнычущих звуков, сосания большого пальца или обнимая мягкий предмет. Ребенок утешает себя звуками, которые он издает сам; он гулит, он играет со звуками и наслаждается ими. Переходный переживаемый мир есть матрица когнитивного мира в уме. Он создает спокойную ничейную землю и защитную дистанцию между субъектом и доступной ощущениям реальностью. Каждый раз, когда мать не присутствует, вместо нее можно вызвать иллюзию ее присутствия. Мир в уме позволяет нам чувствовать себя внутри собственной жизни как дома и дает возможность сохранять психическое здоровье. Разум зависит не только от ощущаемой реальности каждого данного мгновения; он может быть также наполнен тем, что отсутствует. В тяжелых состояниях психического расстройства такая способность часто очень слаба. Один из способов, которым музыка может влиять на психическое здоровье и иметь терапевтическое воздействие, – это, возможно, ее способность создавать переходные переживания и мир воображения и игры. Винникотт писал отом, что законы мира реальности неприменимы в переходном мире: там ничто никогда не разбивается, утрата не причиняет боли, нет никакой надобности бояться ни за себя, ни за других. Переходный объект не нуждается в защите; возможна любая игра. Музыка предоставляет возможность

играть с переходными переживаниями. Звук не «разбивается» насовсем, музыкальная пьеса не разбивается вдребезги, музыка не заканчивается с окончательностью, она не «умирает». С ней не приходится обращаться осторожно, как не приходится и бояться за себя, когда играешь с музыкой.

В том, что говорилось выше, рассмотренные изоморфизмы между психоаналитическими парадигмами развития и элементами музыки охватывают всего лишь первые два года жизни. Это показатель того, насколько глубоки корни музыкального когнитивного постижения. Начиная с настоящего момента наш предмет становится все более и более сложным и обширным и, наконец, поневоле исчезает в собственной множественности. Так бывает, когда фокус внимания переносится со строительных материалов на законченное здание. То, что можно использовать как первые, ограничено несколькими видами, тогда как разнообразие форм последнего безгранично.

ОБ ИЗОМОРФИЗМАХ СТРУКТУРЫ МУЗЫКИ И СОЦИОКУЛЬТУРАЛЬНЫХ КОНСТЕЛЛЯЦИЙ

По ходу продолжающегося процесса индивидуации возрастает доля игры. Даже болезненные переживания могут трансформироваться в игру, чтобы затем с ними справляться в игре. То, что мать уходит и возвращается, радость и печаль, одиночество и присутствие близких, нарастание напряжения и его разрядка, страх и успокаивающая безопасность – все это может переживаться в игре. Важные элементы в переживании музыки содержат такую игру, в которой дают и берут, в которой что-то исчезает и вновь появляется, кто-то теряется и вновь благополучно находит путь домой. Промежуток времени такой игры может быть коротким, как игры в безопасности двора родного дома. Для многих слушающих музыку она может быть слишком долгой, раздражающей или непонятной. Музыкальное переживание требует родной материнской руки, чтобы было пространство для переживания. В музыке игра может происходить и горизонтально, и вертикально: перераспределяя и замыкая последовательные

или одновременные элементы музыки, такие как ритм, гармония и темп (Friedman, 1960). Средний слушатель жаждет этого игрового элемента в тщательно отмеренных дозах, чтобы доминировало то, что знакомо. Аранжировка классической музыки в популярные формы делается путем усиления или добавления знакомых мелодических, ритмических и гармонических элементов и, например, убирается начисто все развитие и усложнение.

Удовлетворение от того, что успешно справился с непростыми и даже пугающими элементами, есть часть музыки, как оно есть часть игры вообще. Она не должна быть слишком трудной, а вместо того должна давать удовольствие и вызывать желание продолжать, так, чтобы даже трудные моменты, возникающие в игре, представлялись привлекательными. Равновесие умения и удовольствия, любви и ненависти различно в различных видах музыки. Композитор стремится создать разнообразие состояний равновесия между ними посредством формы. «Легкой» и немедленно удовлетворяющей музыке нужно придать такой элемент, который сделает ее достаточно увлекательной. Трудной музыке нужен элемент, приглашающий слушателя присоединиться и следовать за ней.

По мере продолжения процесса индивидуации границы Я и сепарация Я становятся более отчетливыми. Переживаемый мир начинает включать в себя чувства, желания, разочарования и страсти индивидуума. Могучие силы не находятся более в нашей власти, мать не всегда доступна для общения и игры. Наши собственные способности и пределы их очерчены яснее. Мы осознаем существование своего мира эмоций и их калейдоскопичность. В музыкальном опыте это коррелирует с новыми элементами. На достаточно ранней стадии в истории западной музыки светская музыка начала заниматься индивидуально личными чувствами: любовью, страстью, стремлением и разочарованием. Это вначале выражалось скорее в выборе слов, пока позднее не возобладало музыкальное выражение. В музыке барокко собственно музыкальный язык как таковой содержит многие элементы,

изображающие капризные настроения в сетке сложных правил. Это отражение той стадии, в ходе которой индивидуальность и ее отношение к основным властным фигурам стали одной из тем в сфере музыки. Сложные социальные наборы правил еще не ищут музыкального выражения, но аффективное выражение музыкальными средствами уже развивается: это восходящие и нисходящие мелодии, тональности, модуляции, ритм и использование пауз, гармонических сочетаний и динамических нюансов. Они представляют собой опыт внутреннего мира: возбуждение и успокоение, конфликт и гармонию, напряжение и разрядку; контролируемые бунты в мире эмоций. Это уже происходит не как коллективное событие, не как игра с родителями и товарищами, а как внутреннее событие. Работа с аффектами имеет целью по большей части контролирование нарушений гармонии, которое в начале жизни и на первых стадиях музыкального опыта было связано со средой. Можно сказать, что задача, которую взяла на себя музыка барокко, состояла в попытке контролировать сложность эмоциональной жизни в рамках уравновешенного порядка, верховенства и управления миром Ид на радость себе и во славу Божию.

При попытках достичь внутреннего контроля, по мере того как развивались формы музыки, приняты были новые задачи. Пытаясь справиться с беспокойством внутреннего мира во все более сложных связях, нужно было, однако, избегать обрубания нитей, тянущихся к его происхождению, подобно тому как переживаемый человеком мир никогда не был отделен от его самой ранней матрицы.

Классическая венская музыка явно занималась вопросом того, какое положение человеческие эмоции, страсти и влечения получили в рамках и формах, установленных для них обществом. Отношения с родителями и Богом уже не были прямыми, поскольку двор и чиновничество приняли на себя роль посредников.

Монархи были свержены демократией, и стала остро ощущаться ответственность человека как индивидуума. Это, в свою очередь, привело к подъему романтизма с его

иконоборчеством, к вызову принятым наборам правил и поиску новых, более универсальных законов. Этот переходный кризис продолжается по сегодняшний день. На рубеже веков психоанализ создавал трагическую картину человека, чья судьба состояла из конфликтов и из попыток разрешить их на протяжении всей его жизни. Основные линии нашего собственного времени труднее различить, чем линии прошлого. Приобретет ли трагический образ человека вскоре уже глобальные формы? Содержит ли он антагонизм между волей к жизни и силами разрушения, которым позволено сегодня вырваться на волю? Отражается ли он в музыкальном когнитивном восприятии современности?

ОБ ИЗОМОРФИЗМАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА И ТВОРЕНИЙ КОМПОЗИТОРА

Тщательные и основательные психоаналитические исследования жизни и трудов Густава Малера были произведены Федером (Feder, 1978, 1980, 1981), на работы которого я ссылаюсь. Малер был всесторонне одаренным музыкантом, он проявил себя во многих видах практической деятельности. Как художник он был трагической личностью, родственной душой Фрейду и экспонентом эры психоанализа. В своих композициях он отражал глубинную интимную суть своей личности. Выбор стихов для песен, которые он писал, помогает понять его психологически. Многие сведения о перипетиях его жизни можно получить из его личной переписки. Временами рукописи его нотных записей раскрывают проблемы, с которыми он сталкивался в моменты написания музыки, проблемы, вызванные чувством тревоги. После сорока лет Малер прошел через кризис среднего возраста. Это было на рубеже веков, наступила осень его жизни, и в этом столетии ему предстояло умереть. Его отношения с отцом были очень трудными, полными ненависти, и он мучился, страстно желая отцу смерти. Чувство вины усиливалось неудачами и болезнями его сиблингов и самоубийством брата. Жизнь близкого друга и соученика по консерватории Хуго Вольфа катилась под откос, к нищете и деградации. Сам Малер достиг

блистательных успехов в своей карьере. Его чувство вины проявлялось многими способами. Он не давал себе труда беспокоиться о своем здоровье, пренебрегая своими болезнями вплоть до риска для жизни. У него было слабое сердце, и он едва не умер от приступа аритмии. Придя в сознание, он набросал сам себе некролог: «Густав Малер наконец встретился с судьбой, которой заслуживают многие его преступления».

В этот период его жизни великая волна творческой продуктивности привела к созданию оркестровых пьес «Tambourg'sell» и «Um Mitternacht». В последней речь идет об ожидании смерти, утешение дает Отец наш небесный. «Tambourg'sell» рассказывает о барабанщике, который каким-то образом провинился и ожидает повешения. Стихотворные тексты передают собственные переживания Малера: чувство вины, кризис среднего возраста и ожидание смерти.

Оркестровый аккомпанемент песни «Um Mitternacht» содержит нисходящие мрачные мелодические пассажи. В строфе «Я чувствую удары моего сердца…» есть пауза в оркестровой части, остановка музыки, контролируемая остановка сердцебиения, страх умереть от сердечного приступа. Этот фрагмент был связан с техническими трудностями и отразил тревогу, которую испытывал композитор. Федер указывает, как озабочен был Малер темпом и завершениями произведений. 8-я симфония заканчивается, затем продолжается вновь. Это повторяется несколько раз. Сочиняя музыку, он способен был увеличивать срок жизни. Во время кризиса среднего возраста его жизнью правил страх смерти, но он был способен держать этот страх под контролем, в этот период он женился и стал отцом.

МУЗЫКА КАК ВЫЗОВ ПСИХИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

Для того чтобы понять музыку Малера, разумеется, не нужно ничего знать об интимных подробностях его личной жизни. Близость музыки Малера со смертью, стремление назад в идиллическое детство, ее отчаянная модернистская героика впечатляюще трогательны. Нет необходимости знать причин отчаяния Малера, для того чтобы быть способным следовать

за ним в его музыке. Музыка не несет послания или сведений, которые нужно переводить и интерпретировать. Джон Гейдж в телевизионном интервью рассказывал, как он постепенно осознавал, что суть творчества композитора в том, чтобы стремиться к душевному покою. Музыка предлагает некую взаимную задачу, которой можно поделиться, некий внутренний мир, в который можно погрузиться, испытать полностью и достичь спокойствия духа своим собственным способом. Нет конца формам психической работы и возникающим в результате ее решениям. Малер представляет одно из них. Он был современником Фрейда и евреем; и он просто бросает себя в бурю интроспекции собственных проблем и выводит на открытое место свою внутреннюю трагедию во всей ее обнаженности. Он современный, невротичный мужчина западной культуры, и это мы ощущаем в его музыке. Антон Веберн увел внутреннюю трагедию дальше по пути к равновесию абсолютного напряжения посредством своей пуантилистической музыки. Стравинский вложил свою оторванность от корней и тоску по дому в космополитическую иронию, для которой он сочетал славянские мелодии. Борьба, через которую прошел Шостакович и которая отражается в его музыке, совершенно очевидно связана с трагическими обстоятельствами его личной жизни. Его музыка вызывает у слушателей трагический отклик. Неважно, является ли сознательная интерпретация его музыки слушателем индивидуальной или идеологической, отображает ли она индивидуальную трагедию или непокорство и революционный отклик угнетенного народа на вселенском языке музыки.

Формы доступных средств бессчетны, но музыка всегда должна содержать внутреннюю задачу, чтобы она не останавливалась на стадии пустяков, технических этюдов. Внутренней задачи нет и в том случае, когда музыкальное выражение строится на моде текущего дня и на клише. Количество клише достаточно ограниченно, тогда как количество внутренних форм безгранично, это и составляет разницу между механистическим и живым.

Властное свойство некоторых музыкальных переживаний может отражаться в невротических симптомах. Молодая женщина, чей анализ раскрыл повторяющееся переживание интенсивного присутствия при первичной сцене, не могла выносить массивное тутти оркестра без обмороков. Она была совершенно не способна справиться с передаваемым через слух возбуждением. Люди, которые находят музыку невротически невыносимой и несносной, – отнюдь не редкость.

Естественно, экскурсия в изоморфизм музыки, а также в стадии и процессы психического мира, с точки зрения психоанализа, была поверхностной и предвзятой. Цель была просто показать на примерах, что язык музыки может отражать не только примитивный и телесный переживаемый мир детства, но и сложные формы культуры. Последние затем понимаются как рамка и литейная форма, которая предлагает предпочитаемые формы психической работы и ее различные разрешения. Таким образом, возможно, мир музыки может передавать всю картину жизни человека.

ЗАГАДОЧНАЯ ПРИРОДА МУЗЫКАЛЬНОГО КОГНИТИВНОГО ПОЗНАНИЯ

Подход к тому, чтобы показать изоморфизм музыкального выражения и психических процессов на различных уровнях развития по линиям психоанализа, несомненно, что-то добавляет к нашему пониманию психологии музыки. Тем не менее, в некоторых отношениях он оставляет ощущение неудовлетворенности. Возможно, что психоанализ по самой своей природе лучше оснащен для того, чтобы обсуждать различные способы обработки психических конфликтов, и вот этот-то аспект музыкального опыта психоанализ в лучшем своем проявлении способен осветить. Следует ли нам примириться с тем, что в этом и сила, и ограниченность психоаналитического подхода, или же с помощью психоаналитического знания возможно будет пойти на шаг дальше для постижения сложного языка музыки?

Переработка внутренних конфликтов в форме игры, несомненно, есть один из существенных элементов подлинного

музыкального переживания, но не единственный. Композиторы способны передавать в музыкальном выражении огромное разнообразие переживаний. Описывая самих себя, они склонны думать обо всем в терминах музыки (Nass, 1975). Как, например, возможно перенести мысли и чувства, и физические ощущения от различных модальностей, такие как мышечные, зрительные и принадлежащие внутренним органам, в слуховую сферу? Необычайная изменчивость структур этих переживаний представляется загадкой и вызовом психоаналитическому пониманию.

МУЗЫКА И АРХАИЧНЫЕ СХЕМЫ ЗНАЧЕНИЙ

При более близком рассмотрении на самом деле существуют связи этого явления с психоаналитическим знанием. Как пример невербального телесного понимания реальности можно процитировать то, что написал Шекели (Szekely, 1962): «Ребенок чуть моложе двух лет смотрит в окно. Снаружи идет снег, и по подоконнику прыгает птичка, клюющая хлебные крошки. Ребенок смотрит на все это с интересом. Внезапно птичка что-то роняет. Ребенок подходит ближе и видит в снегу белое пятнышко. „Птичка сходила по-большому!" – выкликает ребенок. В этом нет ничего особенно примечательного. Но возникает вопрос: как ребенок обнаруживает или знает, что именно сделала птица?.. Этот продукт, экскремент птицы, похож на снег, поскольку он белый, а не на собственный продукт ребенка, который бывает коричневым. Более того, ребенок никогда не видел акта дефекации и коэнестетически не имеет никакого зрительного следа в памяти, которым мог бы воспользоваться. У него есть только соматические и коэнестетические следы в памяти от дефекации, потому что ребенок переживал ее только как приятный телесный процесс в нем самом, а не как зримое событие. Как, таким образом, он определил то, что видел? Давайте вспомним тезис Фрейда, цитировавшийся ранее, что для того, чтобы понять перцептивный комплекс, необходимы наши собственные телесные ощущения и двигательные образы, а если они отсутствуют, то прорабатывающая часть перцептивного комплекса

не может быть понята. Поначалу, вероятно, может показаться удивительным, что младенческий механизм срабатывает с такой крайней точностью и уверенностью и что ребенок делает свои открытия и понимает свое окружение столь верно. Фактически реакция не так уж точна. На этой стадии ум ребенка работает строго в соответствии с определенными схемами. Если ребенок увидит, как на улице из машины выпадает сверток, он тоже воскликнет: „Машина сходила по-большому“, т. е. он считает, что машина совершает акт дефекации. Иными словами, ребенок склонен на этой стадии интерпретировать как экскремент любой небольшой предмет, выпадающий из более крупного предмета… То, что делает птичка или сверток, упавший из проезжающего автомобиля, или любой маленький предмет, отделившийся от более крупного предмета, воспринимается и обрабатывается ребенком в свете телесных переживаний, с которыми он знаком; или, чтобы выразить это иначе, ребенок воспринимает зримый мир путем воплощения своих зрительных впечатлений в свои телесные схемы. Поскольку это воплощение происходит по поддающимся четкому описанию линиям, я предлагаю называть результаты этих процессов понимания архаическими схемами значения» (Szekely, 1971). Шекели здесь дает нам конкретный пример того, что понимание на самом деле происходит без какого-либо словесного содержания, просто через форму, форму, которая берет начало в телесных функциях, но, тем не менее, практика подтверждает ее полезность вне самого человека до определенного предела. До какого предела? Шекели приводит еще один пример: это молодой физик, проводящий творческое исследование. Он описывает, как творческое вдохновение приходит к его анализанду в связи с определенным конфликтом. Он размышляет о движении физических частиц как о движении собственного тела и способен прийти к определенным новым идеям путем этого коэнестетически-интуитивного мышления. Результат этого телесного мышления он затем способен формализовать математически. Мы обнаруживаем, что путем невербального телесного мышления возможно справиться не только

с реальностями собственного тела и некоторыми реальностями жизни, но также и с реальностями квантовой физики! Модель рассуждения для упорядочения физических научных наблюдений в новую объясняющую теорию явно выбирается из обширного набора коэнестетических телесных кинестетических схем значений. После этого ее полезность при объяснении реальности подвергается проверке. Именно это делает двухлетний ребенок, наблюдая за птичкой и позднее менее успешно наблюдая проезжающие автомобили. Именно это делает с большим или меньшим успехом ученый в своей работе.

Музыкальная идиома уже не кажется такой непонятной. Она предоставляет формы, свободные от содержания, и схемы значений, истоки которых – в невербальном телесном понимании. А уж затем слушателю остается только самому применить эти формы к переживаемому в данный момент миру, наполнить их собственным содержанием.

Однако если присмотреться ближе, возникает вопрос, как это возможно, что разум оперирует описанным способом? Примитивные телесные схемы значений не только представляют собой какие-то архаические предварительные формы мышления, которые отбрасываются позднее по ходу развития новых когнитивных операций. Наоборот, эти схемы подвижны, гибки и абстрактны и способны даже переходить с одной сенсорной модальности на другую, со зрительной на мышечную, на слуховую и т. д. Такая активная маневренность лучше всего объясняется существованием символического процесса, который, однако, нуждается в собственном более подробном объяснении.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ЯЗЫК ТЕЛА

В психоаналитической литературе существует некоторая неопределенность в трактовке значения термина «символический». Символический и языковой обычно объединяют вместе. Понятие «языковой», однако, применяется к области значительно более узкой, чем понятие «символический». Сьюзен Лангер основывает свои построения на первичной символической способности человека, которая отражается повсюду

(Langer, 1951, 1953, 1967). Ее высказывания о природе музыкального опыта столь же современны, как и 30 лет назад, и поддерживаются недавними психоаналитическими работами о невербальном когнитивном познании. Она понимает символическое в широком смысле: «Художественный замысел… является некой окончательной символической формой для откровения истин о реальной жизни». «Недискурсивная форма… выражает такое знание, которое не может быть дискурсивным, поскольку оно относится к переживаниям, которые формально не поддаются дискурсивной проекции. Такими переживаниями являются ритмы жизни, органические, эмоциональные и психические… которые не просто периодичны, но бесконечно сложны и чувствительны ко всевозможным воздействиям. Все вместе они составляют динамический паттерн чувств. И этот паттерн могут выражать только недискурсивные символические формы, для чего, собственно, и существует художественное отображение» (Langer, 1967). Лангер утверждает: «Реальное могущество музыки заключается в том, что она может быть „истинной“ в выражении жизни чувства, такого эффекта языковая речь достичь не может; значимые формы музыки обладают той амбивалентностью содержания, которой нет у слов» (Langer, 1951).

Выводы Лангер нашли подтверждение в психоаналитической концепции архаических телесных схем и их использования в самых различных связях: от художественных творений до научного рассуждения. Вместо понятия, введенного Лангер, – «амбивалентность содержания» – я предложил бы другое – «свободный от содержания», т. е. готовый принять разнообразные содержания, подобно математическим формулам, с которыми Лангер также сравнивает музыкальное выражение. Это отчасти равно термину «изоморфизм», который я использовал выше. Музыкальный язык является символическим, но не дискурсивным. Он предлагает структуры, но не содержания.

Наблюдения Винникотта над переходным явлением были связаны с теми моментами, когда ребенок овладевает своей врожденной способностью применять символический

процесс. Он создает иллюзию присутствия матери, когда она отсутствует, передавая это значение чему-то другому, например своему собственному голосу, своему большому пальцу или какому-то мягкому предмету. Самым фундаментальным в символической способности является способность обращаться с отсутствующим так, как если бы оно присутствовало. Таким способом человек отделяется от непосредственности воспринимаемого мира, и на этой способности держится мир разума, который есть только у человека. Вторичные производные этой способности – это, например, способность использовать произвольно выбранные обозначающие знаки, делать и использовать орудия труда и создавать общие для всех языки.

Научные исследования до сих пор не смогли прояснить вопрос: в какой момент в развитии ребенка возникает символическая способность? Традиционно эту способность связывают с развитием речи и помещают между восемнадцатью месяцами и тремя годами. Это, конечно же, слишком поздно. Открытие Винникотта показывает, что этот навык проявляет себя клинически во второй половине первого года. Возможно, однако, что символическая способность еще более первична. В любом случае совершенно ясно, что мир разума уже появляется ранее, чем дифференциация между субъектом и объектом. Следовательно, архаические схемы значений содержат много типов взаимодействия, в которых роли объекта и субъекта абсолютно перепутаны. Понятие раннего довербального начала символической способности, таким образом, в некоторой мере поддерживает кляйнианскую теорию ранних младенческих фантазий. Самые последние исследования, помимо прочего, показали, что новорожденные младенцы способны воспринимать и повторять выражения лица, придавая некоторое примитивное «значение» своим зрительным восприятиям. Филд с соавт. (Field et al., 1982) отмечают: «Существует врожденная способность сравнивать сенсорную информацию со зрительно воспринимаемыми выражениями… с проприоцептивной обратной связью движений, необходимых, чтобы повторить это выражение…»

Более того, ясно, что когнитивное познание уже начинается до появления навыков речи, значительное когнитивное познание происходит без каких-либо словесных форм как на более ранних стадиях развития, так и позднее (Basch, 1976). На какой стадии развития эти события переплетаются с символическим процессом и тем самым обретают свою абстрактную оперативную природу, которая не зависит от фактических восприятий, еще предстоит выяснить. Хомский (Chomsky, 1975), говоря о формировании и использовании понятий, утверждает: «Техники исследования улучшились… и видимая нам сложность младенческой перцептивной системы тоже».

Довербальные символические схемы значений помогают понять, как музыкальный человек, используя слуховое когнитивное познание, способен думать в музыкальных терминах всегда, когда ему хочется. Помимо схем слуховых значений, можно также использовать другие схемы значений, например двигательные, зрительные, проприоцептивные и т. д. Ученый может подобным же образом заставить язык тела представлять сложные современные проблемы. Он ищет возможные модели, общие абстрактные формы реальности в этом коэнестетическом языке, экспериментируя с их способностью функционировать в описании и объяснении фактической проблемы. Пока я писал окончательный текст этой статьи, я познакомился со статьей Насса (Nass, 1984). В этой работе Насс приводит множество клинических примеров таких явлений. И композиторы, и математики, и ученые (среди них Эйнштейн) очень часто, многие говорят, что почти всегда, используют невербальное телесное когнитивное познание, например мышечную подвижность, когда пытаются разрешить проблему.

МУЗЫКА, СОДЕРЖАЩАЯСЯ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Различие между наукой и искусствами состоит в том, что науке присуще стремление создать общее звено связи, свободное от конфликтов, от описательных моделей, с явлениями,

которые нужно описать на основе многочисленных возможностей, предлагаемых архаическими когнитивными схемами. Различные области науки находятся на разных стадиях в этом стремлении. Чем дальше они находятся от абстрактной формализации, тем важнее, чтобы специалисты в данной области находились в коммуникации друг с другом, чтобы способствовать пониманию используемых ими идеосинкратических метафор.

Создание звена связи с реальностью схем общего значения в искусствах оставляется на попечении каждого индивидуального участника от мгновения к мгновению. Схемы телесных значений затем поднимаются, походя на уровень переживаемой реальности. В науке же постоянно делаются попытки поднять их на уровень теории.

Процесс формализации психоаналитической теории находится на той же самой стадии, на какой была физика несколько столетий тому назад, когда понятие, например, «силы» все еще было неясным и спорным. В некотором смысле психоаналитическое мышление находится на ничейной земле между искусством и и наукой. Непротиворечивые паттерны еще не достигнуты, и еще со времен Фрейда в психоаналитическом языке традиционное употребление тех или иных терминов возникает на региональной основе. Кроме того, у всех и вся имеется склонность, или, возможно, следует сказать, способность, использовать идеосинкратические схемы значений, подсознательные теории более или менее собственного производства, которые могут функционировать лучше, чем «официальная» теория (Sandler, 1983). Если психоаналитические тексты читать со слишком строгими ожиданиями формализации значения терминов, легко может оказаться, что это уводит далеко от истины. Для того чтобы их понимать, нужно найти «музыку».

Леше (Lesche, 1981) показал, что биологические и физические модели, часто встречающиеся в психоаналитической теории, необходимо использовать исключительно как пустые модели, или, как он их называет, «голые модели». Им следует придавать некое строго психоаналитическое содержание.

Фрейд также говорил о неизбежности фигурального мышления в психоанализе (S. E., XVIII, p. 60). Фрейд говорил также, что даже при создании психоаналитической теории, когда мы прибегаем к языку химии и физики, который так нам знаком, мы делаем это в фигуральном смысле. Его последователи, похоже, часто об этом забывают.

Шэфер (Shafer, 1976) критикует психоаналитическую метапсихологию за то, что она использует термины, описывающие телесные функции. По его мнению, это архаичный телесный язык, который не подходит для использования в научном дискурсе. Однако очевидно, что именно эти архаические схемы телесных значений нужны нам в нашем когнитивном процессе, когда мы пытаемся справиться с чем-то неведомым. И это основная задача психоаналитика в его работе. Эти схемы даже предлагают более разнообразный выбор различных абстрактных моделей, если они используются в том же самом смысле, что голые модели Леше, которые можно получить из моделей, заимствованных из других областей науки.

Возможно, что, рассматривая довербальные, архаические схемы значений, можно открыть путь для обсуждения проблемы невербальной коммуникации и проективной идентификации. Это может помочь нам понять, что в нашей работе и практике все еще не имеет словесного выражения. Возможно, мы все еще находимся в том же самом положении, что и дети в эксперименте Пиаже (Piaget, 1973), которые на практике способны были понять больше, чем они могли объяснить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автор начинает с парадокса, что музыка – это самое не дискурсивное из всех искусств, и все же говорят, что она содержит «всю человеческую жизнь» или любую тему, которая может быть выражена музыкальными средствами. Затем он иллюстрирует многочисленные изоморфизмы, которые существуют между ранними младенческими переживаниями, раскрываемыми через психоанализ, и средствами музыкального выражения. Эти изоморфизмы существуют по отношению к различным аффективным и эмоциональным состояниям

и способам, которыми с ними справлялись в различные эпохи и в различных социальных условиях.

Затем автор исследует предмет с точки зрения Сьюзен Лангер: музыка представляет собой абстрактные формы чувств без какого-либо конкретного содержания. Эти формы, по мнению автора данной работы, основаны на довербальных телесных переживаниях, которые Лайош Шекели назвал «архаические схемы значений». Автор полагает, что эти телесные схемы постепенно интегрируются в символический процесс. Это интегрирование, видимо, начинается очень рано и создает почти неисчерпаемый запас аффективно-когнитивных операций, которые используются, в частности, как в научной работе, так и в художественном творчестве. Формы, представляемые искусствами, слушатель/получатель должен связывать со здесь-и-сейчас своей психической жизни в индивидуальном порядке и таким образом находить их «истину». Задача наук – использовать эти архаические схемы значений для того, чтобы строить формализованную модель, свободную от противоречий и, таким образом, по-иному истинную. Психоанализ находится где-то посередине между этими двумя позициями. В нем есть и «музыка», и попытки формализации теорий.

ЛИТЕРАТУРА

Basch F. M. (1976). The concept of affect: a re-examination. J. Am. Psychoanal. Assn. 24: 759–778.

Bergman P. & Escalona S. (1949). Unusual sensitivities in very young children. Psychoanal. Study Child. 3–4: 333–352.

Bion W. (1977). Seven servants. New York: Jason Aronson Inc.

Chomsky N. (1975). Reflections on language. New York: Pantheon.

De La Grange H. (1973). Mahler, vol. 1. New York: Doubleday.

Feder S. (1978). Gustav Mahler, dying. Int. Rev. Psychoanal. 5: 125–148.

Feder S. (1980). Gustav Mahler urn Mitternacht. Int. Rev. Psychoanal. 7: 11–26.

Feder S. (1981). Gustav Mahler: the music of fratricide. Int. Rev. Psychoanal. 8: 257–284.

Field T., Woodson R., Greenberg R. & Cohen D. (1982). Discrimination and imitation of facial expressions by neonates. Science, 218: 179–181.

Freud S. (1920). Beyond the pleasure principle. S. E. 18.

Friedman S. (1960). One aspect of the structure of music. J. Am. Psychoanal. Assn. 8: 427–449.

Greenacre P. (1956). Experiences of awe in childhood. Psychoanal. Study Child. 11: 9–30.

Ikonen P. & Rechardt E. (1980). Binding, narcissistic psychopathology and the psychoanalytic process. Scand. Psychoanal. Rev. 3:4–28.

Kohut H. & Levarie S. (1950). On enjoyment of listening to music. Psychoanal. Q., 16: 64–87.

Kohut H. (1957). Observations on the psychological functions of music. J. Am. Psychoanal. Assn. 5: 389–407.

Langer S. (1951). Philosophy in a New Key. New York: Mentor Books.

Langer S. (1953). Feeling and form. New York: Charles Scribner's Sons.

Langer S. (1967). Mind: an essay of human feeling. Baltimore: John Hopkins Press.

Lesche C. (1981). The relation between metapsychology and psychoanalytic practice. Scand. Psychoanal. Rev. 4: 101–109.

Mosonyi M. (1935). Die Irrationalen Grundlagen der Musik. Imago. 21: 207–228.

Nass M. (1971). Some considerations of a psychoanalytic interpretation of music. Psychoanal. Q., 40: 303–316.

Nass M. (1975). On hearing and inspiration in the composition of music. Psychoanal. Q., 44: 431–449.

Nass M. (1984). The development of creative imagination in composers. Int. Rev. Psychoanal. 11: 481–491.

Niederland W. (1958). Early auditory experiences, beating fantasies, and primal scene. Psychoanal. Study Child. 13: 471–504.

Piaget J. (1973). The affective unconscious and the cognitive unconscious. J. Am. Psychoanal. Assn. 21: 249–261.

Sandler J. (1983). Reflexions on some relations between some psychoanalytic concepts and psychoanalytic practice. Int. J. Psychoanal. 64: 35–45.

Schafer R. (1976). A new language for psychoanalysis. New Haven and London: Int. Univ. Press.
Spitz R. (1965). Evolution of dialogue. In Drives, affects and behaviour, ed. M. Schur. New York: Int. Univ. Press.
Szekely L. (1962). Meaning schemata, and body schemata of thought. Int. J. Psychoanal. 43: 297–305.
Szekely L. (1971). Uber den Beginn des Maschinenzeitalters. Psychoanalyse in Berlin. Beitrage zur geschichte, Theorie und Praxis. Meisenheim am Glan: Verlag Anton Hain KG.
Winnicott D. (1974). Playing and reality. Harmondsworth: Penguin Books.
Wittenberg R. (1980). Aspects of the creative process in music: a case report. J. Am. Psychoanal. Assn. 28: 439–460.
Volkov S. (1979). Testimony. London: Hamilton.

Переживание музыки

Эро Рехардт

В психоаналитической психологии искусства доля работ, посвященных музыке, невелика. Исследование музыки – менее благодарное занятие, с психоаналитической точки зрения, чем исследование других форм искусства. Ее язык абстрактен, и его трудно определить словами. Она создает переживания, которые быстро проходят, не позволяя их остановить и удержать, в отличие от образов литературы и изобразительных искусств.

Музыкальное выражение невербально и недискурсивно. Однако временами оно, похоже, сообщает нам о чем-то. Все настроения и чувства, через которые прошел Шостакович, так ясно выражены в его симфониях, что в написанной Волковым (Volkov, 1979) биографии нет ничего неожиданного. Малер пишет: «Вся моя жизнь содержится в двух моих симфониях. В них я записал свой опыт и страдания, истину и поэзию слов. Любому, кто умеет слушать, вся моя жизнь станет ясна, поскольку мои творческие работы и мое существование столь тесно переплетены, что, если бы моя жизнь текла так же мирно, как ручей по лугу, я думаю, что никогда не смог бы больше ничего написать» (De La Grange, 1973).

Что касается искусств, психоаналитический подход всегда представляет такие методологические проблемы, на которые клиническая психоаналитическая работа не имеет никаких ответов. Попытки приблизиться к музыке имеют следующие четыре различные отправные точки (Feder, 1978, 1980, 1981; Friedman, 1960; Mosonyi,1935; Kohut, 1957; Kohut, Levarie, 1950;

Nass, 1971, 1975, 1984; Niederland, 1958; Spitz, 1965; Wittenberg, 1980): 1) интроспективное наблюдение впечатлений, порождаемых слушанием музыки: что может психоанализ сказать об этих впечатлениях? 2) психоаналитические биографии музыкантов и композиторов; автобиографии музыкантов и их повествования о музыкальном опыте; 3) сведения, полученные из анализа ценителей музыки; психоаналитическая теория детского развития, которые используются в экстраполяции для создания психоаналитической теории музыки.

В данной статье я рассматриваю субъективное музыкальное переживание с целью показать, что существует некий изоморфизм (сходство по форме, сходная кристаллическая структура), который привязывает психическое событие и музыкальный язык друг к другу: от примитивных уровней психического события до текущих социальных отношений. Этот взгляд является традиционным в психоаналитической литературе о музыке. Он формирует фон для суждения о том, как музыкальный язык можно встроить в психоаналитическую концепцию когнитивного познания. Наконец, я рассматриваю также ту роль, которую когнитивное познание в том виде, как оно представлено музыкой, имеет в иных областях искусств и наук. Эти последние подходы интересны для сегодняшней психоаналитической теории и указывают на возможность ее развития.

ОБ ИЗОМОРФИЗМЕ ЭЛЕМЕНТОВ МУЗЫКИ И РАЗВИТИИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЦИИ

Можно предположить вслед за Мосони (Mosonyi, 1935), что в музыке есть что-то, что соответствует тому, как наша психика справляется с переживаемым миром. Возможно, музыкальное мышление идет по тем же линиям, которые мы используем, когда формируем образ себя и переживаемого нами мира, и отношений между тем и другим (Kohut, 1957; Wittenberg, 1980).

В переживании музыки можно затем найти те же самые элементы, которые психоаналитик находит в том, как человек

справляется с психическими содержаниями – чувствами, детскими и более поздними объектными отношениями, раздражающими или приятными стимулами. Это именно та характеристика, которая способствует притягательности в музыке, тогда как отсутствие заставляет ее звучать бесцветно. И все же музыка всегда похожа на игру, тогда как жизнь может быть беспощадно болезненной. Музыка способна превращать болезненные и ошеломляющие переживания в нечто выносимое и даже приятное.

Человек рождается с психикой в бесформенном состоянии и с достаточно ограниченным набором функций. Мир переживаний выстраивается лишь постепенно, отчасти вокруг врожденных черт и навыков, но в самой важной своей части – под влиянием внешних воздействий. Психоанализ изучает то, как человек выстраивает картину себя и окружающего его мира, исходя из своих собственных острых нужд, которые никогда не пребывают в состоянии покоя. Это неспокойствие, отражение давления нашего телесного существования, от которого мы никогда не можем избавиться, представляет собой объект психоаналитической теории влечений. В своей самой продвинутой форме теория влечений Фрейда дуалистична: с одной стороны, есть неспокойное, ненасытное желание жить – Эрос; с другой стороны, есть страстное стремление к покою, порядку и статическому состоянию безжизненности – инстинкт смерти (Freud, 1920). Вместе они создают бинарную систему, на взаимодействии внутри которой строятся наиболее сложные явления. Порядок есть необходимость, чтобы жизнь могла найти свои рамки (Ikonen, Rechardt, 1984). В самом общем смысле именно такова функция мыслительного процесса. Когнитивное познание – это «ухватывание», «понимание» и «восприятие». Во многих языках, включая финский (käsittää – «делать что-то руками») и шведский (begripa, gripa – «хватать»), конкретная природа понимания выражается похожими терминами. Музыкальное мышление также более, чем какое-либо другое, является в первую очередь процессом приведения к порядку некоего хаоса (Кохут, Нидерланд), «схватывания» чего-то бесформенного (Bion, 1977).

ОБ ИЗОМОРФИЗМАХ РАННЕГО РАЗВИТИЯ И РИТМА

Уже на стадии плода в космический хаос переживаний младенца вторгается ритм: удары сердца матери и ритм ее походки. Для музыковеда нет ничего нового в мысли, что ритм – это первая форма организации переживаемого мира.

Например, в доме одной семьи был не один этаж, и вследствие этого повседневная жизнь беременной матери состояла в том, чтобы весь день перемещаться вверх и вниз по ступенькам. Значимость этого для младенца открылась удивительным образом. Во время первых недель после рождения младенец переставал плакать и неизменно засыпал, как только человек, у которого он был на руках, начинал ходить с отчетливым ритмом. Это явно привносило в хаотическое беспокойство младенца успокаивающий и очень знакомый порядок.

После рождения начинают формироваться ритмические чередования хороших и плохих чувств. Если младенцу не помогает в его беспокойстве человек, который о нем заботится, он будет успокаивать себя сам, покачиваясь туда-сюда. Ребенок с нарушениями компульсивно стукается головкой, тогда как здоровый младенец укачивает себя перед сном каким-нибудь приятным способом. Человек в состоянии психотического хаоса производит кататонические ритмичные движения, а для усиления эффекта может начать биться головой о стену. Ритм привносит порядок в хаос. Это начало упорядоченности в ее самой примитивной форме. После того как переживаемый мир становится более упорядоченным, ритм перестает быть связан с хаосом и болью, а начинает обретать и другие качества.

Переживание некоторых базовых ритмических элементов разными слушателями музыки весьма похоже. В зависимости от нарастания ритма он ощущается как возбуждающий вплоть до потери контроля и даже как паника. Знакомый ужасающий тональный фоновый эффект в фильмах – это дающий эхо монотонный звук, повторяемый со все нарастающей скоростью и силой. Во времена, когда в качестве наркоза

употребляли эфир, многие пациенты на самой границе потери сознания слышали похожий звук и переживали сопровождающее его чувство ужаса. Он часто описывается как колокольный звон с постоянно нарастающим темпом и пронзительностью. Такое переживание может иметь отношение к потере когнитивного контроля. Возможно, оно связано с отчаянными попытками не утратить контакта с каким-то примитивным порядком. Иногда бывало, что на начальных стадиях эфирного наркоза наступала необъяснимая смерть. Возможно, причиной являлся переживаемый травматичный ужас. Лишенное формы неспокойствие, хаос и утрата контроля – это самые ужасающие переживания, через какие человек может пройти (Ikonen, Rechardt, 1980). И даже это переживание имеет акустическое отражение.

Замедление скорости ритма и его остановка переживается как конец возбуждения, как состояние покоя, как пауза и как смерть. Пауза всегда приносит чувство тревоги. Дети, играющие на инструменте, обнаруживают, что очень трудно держать паузу так долго, как указано в нотах. Неслучайно музыка подростковой культуры не знает пауз. Для молодых смерти не существует. В примитивной музыке использование таких ритмических эффектов, вероятно, несет значение овладения могущественными силами или зачарованности ими. Они используются против духов и стихий, для отвращения злых сил. Похоронная церемония в Новой Гвинее, показанная по телевидению, отличалась полностью от какого-либо западного представления о похоронной службе. Дико бегущие люди, пришедшие на похороны, с великим возбуждением барабанили и кричали во весь голос. Эта церемония выражала параноидный страх перед духом усопшего. Это была попытка совладать со страхом, напугав духа навсегда, чтобы не нарушал покоя живущих и не мстил им. Музыка использовалась как средство магического контроля.

Музыка может иметь похожее воздействие и на современного образованного слушателя. Музыка может создавать примитивный космически-магический настрой; она может

быть пугающей или шаловливо бодрящей; она может ослаблять напряжение; а внезапной паузой она может вызывать пугающее чувство ожидания. Она может также успокоить и убаюкать.

ОБ ИЗОМОРФИЗМАХ КАЧЕСТВА ЗВУКА И РАННЕГО РАЗВИТИЯ

Нельзя спастись от звуков путем рефлексов отдаления, которые всегда срабатывают от света и боли. Единственная защита – это порог восприятия. Некоторые младенцы имеют более низкий порог, и таким образом у них легче вызвать раздражение громкими или внезапными звуками (Bergman, Escalona, 1949; Greenacre, 1956). Тонкая чувствительность к раздражителю может означать, что требуется особая способность контролировать и упорядочивать сенсорные стимулы и тем самым вызывать развитие художественного таланта. Одним из стимулов к развитию музыкальных способностей может быть тот факт, что звуки ненавистны; возникает страстная потребность упорядочить и контролировать их (Niederland, 1958; Kohut, 1957). Психоанализу достаточно знакомо компульсивное повторение, вызываемое травматической беспомощностью: компульсивная потребность создать из слабости всепобеждающую способность контролировать. Возможно, это проявление имеющего биологический смысл компульсивного желания практиковаться. Желание играть со звуками включает желание получения чистого удовольствия, любовь к звукам. Ласковый и утешительный звук голоса матери, ее гульканье, приговаривание и болтовня являются источником удовольствия. Вместе с опытом тела матери и своего собственного тела они связаны с холистическими телесными переживаниями, которые Спитц называет коэнестезией. Это психофизическая интеграция за пределами сознательного и свободного волеизъявления, которая имеет значимость на протяжении всей жизни. Ласковые звуки, сопровождаемые ритмическими элементами, вызывают в памяти состояния и настроения, очень похожие на эти. Границы Эго тают, исчезает чувство сепарации, возникают

переживания *unio mistica**, даже ощущение блаженства и массового гипнотического внушения. Все это может быть движущей силой, стоящей за ритуалистическими событиями. Пример интегративной власти музыки: человек, страдающий афазией, может спеть слова песни, которые он не способен произнести без музыки.

По мере того как вырабатывается переживание сепарации, звуки все больше приобретают значение коммуникации. Они становятся дальнейшим средством воздействия, средством требовать, просить и приказывать. Повелевающее качество слуховых ощущений особенно сильно. В психотических эпизодах доминируют именно звуки, голоса, а не зрительные галлюцинации. Музыка наделена тем же самым значением. Фантазии использования власти, переживания величественного великолепия и приниженной умаленности могут быть созданы средствами музыки. Такого рода музыка, которая создается в основном для целей магического контроля, развеивает злые силы и создает переживания всемогущества. Она помогает вызывать всемогущих лиц, богов, благотворных сил и всеудовлетворяющей матери. Характеристики церемониальной и ритуальной музыки усилены, например, первобытная музыка, церковная музыка, церемониальная музыка, а также и современная молодежная музыка с ее ритмом, децибелами и ваттами. При такой тесной связи с магической и коллективной психологией понятно, почему музыка в Древнем Китае и Древней Греции была институтом, контролируемым государством. Тот, кто владеет музыкой, держит в руках власть, говорил Платон.

Работа Винникотта (Winnicott, 1974) о переходном переживании и переходном объекте позволила взглянуть по-новому на психологию игры и искусств. Младенец моложе двенадцати месяцев от роду уже способен создать иллюзию присутствия матери путем хнычущих звуков, сосания большого пальца или обнимая мягкий предмет. Ребенок утешает себя звуками, которые он издает сам; он гулит, играет со звуками и наслаждается ими. Переходный переживаемый мир

* Мистический союз (*лат.*).

есть матрица когнитивного мира в уме. Он создает спокойную ничейную землю и защитную дистанцию между субъектом и доступной ощущениям реальностью. Когда мать не присутствует, вместо нее можно вызвать иллюзию ее присутствия. Мир в уме позволяет нам чувствовать себя внутри собственной жизни как дома и дает возможность сохранять психическое здоровье. Разум зависит не только от ощущаемой реальности каждого данного мгновения; он может быть также наполнен тем, что отсутствует. В тяжелых состояниях психического расстройства такая способность часто очень слаба. Один из способов, которым музыка может влиять на психическое здоровье и иметь терапевтическое воздействие, – это, возможно, ее способность создавать переходные переживания и мир воображения и игры.

Лехтонен (Lehtonen, 1986) показал, как музыка может создавать психоаналитические рабочие отношения с очень сильно нарушенными подростками. Его клиенты были помещены в больницу за антисоциальное или сильно нарушенное поведение. Их социальная предыстория включала многие очень тяжкие травматические обстоятельства. Их выбрали для эксперимента по музыкальной терапии, поскольку работники больницы чувствовали полную беспомощность при их лечении. Как средство установления контакта Лехтонен ставил пластинки (в основном рок-музыку и поп-музыку), просил их нарисовать свои переживания, играл вместе с ними на различных инструментах или сам играл им. Некоторые из них ранее интересовались музыкой, некоторые – нет. Музыка стимулировала мир фантазии и чувств. Она пробуждала внутренний мир, который до этого был недоступен. Музыка, возможно, функционировала в создании переходных переживаний, стимулируя символические процессы и действуя как хороший Я-объект, который способен разделять с ними их внутренний мир. Музыка создавала необходимые условия для психотерапии, раскрывая способность делиться миром психики.

Винникотт показал, что законы мира реальности неприменимы в переходном мире: там ничто никогда

не разбивается, утрата не причиняет боли, нет никакой надобности бояться ни за себя, ни за других. Переходный объект не нуждается в защите; возможна любая игра. Музыка предоставляет возможность играть с переходными переживаниями. Звук не «разбивается» насовсем, музыкальная пьеса не разбивается вдребезги, музыка не заканчивается с окончанием игры, она не «умирает». С музыкой не приходится обращаться осторожно; и нет нужды бояться за себя, когда играешь с музыкой.

ОБ ИЗОМОРФИЗМАХ СТРУКТУРЫ МУЗЫКИ И СОЦИОКУЛЬТУРАЛЬНЫХ КОНСТЕЛЛЯЦИЙ

По ходу процесса индивидуации возрастает доля игры в музыке. Даже болезненные переживания могут трансформироваться в игру, чтобы затем справляться с ними. То, что мать уходит и возвращается, радость и печаль, одиночество и присутствие близких, нарастание напряжения и его разрядка, страх и успокаивающая безопасность – все это может переживаться в игре. Важные элементы в переживании музыки содержат такую игру, в которой дают и берут, в которой что-то исчезает и вновь появляется, кто-то теряется и вновь благополучно находит путь домой. Промежуток времени такой игры может быть коротким, как при игре в безопасном дворе родного дома. Музыкальное переживание требует родной материнской руки, чтобы было пространство для переживания. Игра может происходить и горизонтально, и вертикально: перераспределяя и замыкая последовательные или одновременные элементы ритма, гармоники и тем (Friedman, 1960). Средний слушатель жаждет этого игрового элемента в тщательно отмеренных дозах, чтобы доминировало то, что знакомо. Аранжировка классической музыки в популярные формы осуществляется путем усиления или добавления знакомых мелодических, ритмических и гармонических элементов, убираются все развития и усложнения.

Умение успешно справляться с непростыми и даже пугающими элементами музыки дает такое же удовлетворение, как игра в целом. Она не должна быть слишком трудной,

а должна давать удовольствие и вызывать желание продолжать, так чтобы даже трудные повороты игры представлялись привлекательными. Равновесие умения и удовольствия, любви и ненависти различно в различных видах музыки. Композитор стремится создать разнообразие состояний равновесия между ними посредством формы. «Легкой» и немедленно удовлетворяющей музыке нужно придать такой элемент, который сделает ее достаточно увлекательной. Трудной музыке нужен элемент, приглашающий слушателя присоединиться к ней и следовать за ней.

По мере продолжения процесса индивидуации границы Я становятся более отчетливыми. Переживаемый мир начинает включать в себе чувства, желания, разочарования и страсти индивидуума. Могучие силы не находятся более в нашей власти, мать не всегда доступна для общения и игры. Наши собственные способности и их пределы очерчены яснее. Мы осознаем существование своего мира эмоций и их калейдоскопичность. В музыкальном опыте это коррелирует с новыми элементами. На достаточно ранней стадии в истории западного искусства светская музыка обратилась к личным чувствам: любви, страсти, стремлениям и разочарованиям. Это вначале выражалось скорее в выборе слов, пока позднее не возобладало музыкальное выражение. В музыке барокко собственно музыкальный язык как таковой содержит многие элементы, изображающие капризные настроения в сетке сложных правил. Развертывается аффективное выражение музыкальными средствами: восходящие и нисходящие мелодии, тональности, модуляции, ритм и использование пауз, гармонических сочетаний и динамических нюансов. Они представляют собой опыт внутреннего мира: возбуждение и успокоение, конфликт и гармонию, напряжение и разрядку; контролируемые бунты в мире эмоций. Это уже происходит не как коллективное событие, не как игра с родителями и товарищами, а как внутреннее событие. Работа с аффектами имеет целью, по большей части, контролирование нарушений гармонии, которое в начале жизни и на первых стадиях музыкального опыта входило в обязанности

среды. Можно сказать, что задача, которую взяла на себя музыка барокко, – это попытка контролировать сложность эмоциональной жизни в рамках уравновешенного порядка, управлять миром влечений на радость себе и во славу Божию.

Когда монархи были свержены демократией, остро встала проблема ответственности человека как индивидуума. Это привело к подъему романтизма, что означало иконоборческие деяния, вызов принятым кодексам правил и поиск новых, более универсальных законов. Этот переходный кризис продолжается еще и сегодня. На рубеже веков психоанализ создавал трагическую картину человека, чья судьба состояла из конфликтов и из попыток разрешить их на протяжении всей его жизни. Основные черты нашего собственного времени труднее различить, чем черты прошлого. Приобретет ли вскоре трагический образ человека глобальные формы? Содержит ли он антагонизм между волей к жизни и силами разрушения, которым позволено сегодня вырваться на волю? Отражается ли он в музыкальном когнитивном восприятии современности?

МУЗЫКА КАК ВЫЗОВ ПСИХИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

Джон Гейдж в телевизионном интервью рассказывал, как он постепенно осознавал, что суть творчества композитора в том, чтобы стремиться к душевному покою. Музыка предлагает средство по-своему достичь спокойствия духа. Нет предела формам психической работы и возникающим в результате ее решениям. Разные композиторы представляют разные способы производить психическую работу и разные задачи для нее. Густав Малер, современник Фрейда и еврей, просто бросал себя в бурю интроспекции и выводил на свет свою внутреннюю трагедию во всей ее обнаженности. Он был современный, невротичный человек западной культуры, и это мы ощущаем в его музыке.

Антон Веберн увел внутреннюю трагедию дальше по пути к равновесию абсолютного напряжения посредством своей пуантилистической музыки. Стравинский вложил свою

оторванность от корней и тоску по дому в космополитическую иронию, которую он сочетал со славянскими мелодиями. Борьба, через которую прошел Шостакович и которая столь ясно отражается в его музыке, совершенно очевидно связана с трагическими обстоятельствами его личной жизни. Его музыка порождает у слушателей трагический отклик. Неважно, является ли сознательная интерпретация его музыки слушателем индивидуальной или идеологической: отображает ли она индивидуальную трагедию или непокорство и революционный отклик угнетенного народа на вселенском языке музыки.

Содержание и формы задач для работы психики бессчетны, но музыка всегда должна содержать внутреннее задание, чтобы не остаться на стадии пустяков, технических и интеллектуальных игр. Внутреннего задания нет и в том случае, когда музыкальное выражение строится на моде текущего дня и на клише. Количество клише весьма ограниченно, тогда как количество внутренних форм безгранично.

Властное качество некоторых музыкальных переживаний может отражаться в невротических симптомах. Молодая женщина, чей анализ раскрыл повторяющееся переживание интенсивного присутствия при первичной сцене, не могла выносить оркестровой музыки без обмороков. Она не могла справиться с передаваемым через слух возбуждением. Люди, которые находят музыку невротически невыносимой и несносной, – отнюдь не редкость.

Этот краткий экскурс в изоморфизм музыки, в стадии и процессы психического мира, с точки зрения психоанализа, был поверхностным и предвзятым. Я хотел просто показать на примерах, как язык музыки может отражать не только примитивный и телесный переживаемый мир детства, но и сложные формы культуры. Последние затем понимаются как рамка и литейная форма, которая предлагает предпочитаемые формы психической работы и ее различные разрешения. Вероятно, мир музыки может содержать всю картину жизни человека.

ЗАГАДОЧНАЯ ПРИРОДА МУЗЫКАЛЬНОГО КОГНИТИВНОГО ПОЗНАНИЯ

Попытка показать изоморфизм музыкального выражения и психических процессов на различных уровнях развития по линиям психоанализа, несомненно, что-то добавляет к нашему пониманию психологии музыки. Тем не менее, в некоторых отношениях он оставляет ощущение неудовлетворенности. Возможно, психоанализ по самой своей природе лучше оснащен для того, чтобы обсуждать различные способы работы с психическими конфликтами, и вот этот-то аспект музыкального опыта психоанализ в лучшем своем проявлении способен осветить. Следует ли нам примириться с тем, что в этом состоит и сила, и ограниченность психоаналитического подхода, или же с помощью психоаналитического знания можно будет продвинуться на шаг дальше в постижении сложного языка музыки?

Переработка внутренних конфликтов в форме игры, несомненно, есть один из существенных элементов подлинного музыкального переживания, но не единственный. Композиторы способны передавать в музыкальном выражении огромное разнообразие переживаний. Они склонны думать обо всем в терминах музыки (Nass, 1975). Как это возможно, например, перевести мысли, чувства и физические ощущения от различных модальностей, такие как мышечные, зрительные и принадлежащие внутренним органам, в слуховую сферу? Необычайная изменчивость структур этих переживаний представляется загадкой и вызовом психоаналитическому пониманию.

МУЗЫКА И АРХАИЧНЫЕ СХЕМЫ ЗНАЧЕНИЙ

При более близком рассмотрении на самом деле существуют связи этого явления с психоаналитическим знанием. Как пример невербального телесного понимания реальности можно процитировать Шекели (Szekely, 1962):

«Ребенок чуть моложе двух лет смотрит в окно. Снаружи идет снег, и по подоконнику прыгает птичка, клюющая

хлебные крошки. Ребенок смотрит на все это с интересом. Внезапно птичка что-то роняет. Ребенок подходит ближе и видит в снегу белое пятнышко. „Птичка сходила по-большому!“ – выкрикивает ребенок. В этом нет ничего особенно примечательного. Но возникает вопрос: как ребенок обнаруживает или знает, что именно сделала птица?..

Этот продукт, экскремент птицы, похож на снег, поскольку он белый, а не на собственный продукт ребенка, который бывает коричневым. Более того, ребенок никогда не видел акта дефекации, и коэнестетически не имеет никакого зрительного следа в памяти, которым мог бы воспользоваться. У него есть только соматические и коэнестетические следы в памяти от дефекации, потому что ребенок переживал ее только как приятный телесный процесс в нем самом, а не как зримое событие. Как, таким образом, он определил то, что видел? Давайте вспомним тезис Фрейда, цитировавшийся ранее, что для того, чтобы понять перцептивный комплекс, необходимы наши собственные телесные ощущения и двигательные образы, а если они отсутствуют, то прорабатывающая часть перцептивного комплекса не может быть понята. Поначалу, вероятно, может показаться удивительным, что младенческий механизм срабатывает с такой крайней точностью и уверенностью и что ребенок делает свои открытия и понимает свое окружение столь верно. Фактически реакция не так уж точна. На этой стадии ум ребенка работает строго в соответствии с определенными схемами. Если ребенок увидит, как на улице из машины выпадает сверток, он тоже воскликнет: „Машина сходила по-большому“, т. е. он считает, что машина совершает акт дефекации. Иными словами, ребенок склонен на этой стадии интерпретировать как экскремент любой небольшой предмет, выпадающий из более крупного предмета.

…То, что делает птичка, или сверток, упавший из проезжающего автомобиля, или любой маленький предмет, отделившийся от более крупного предмета, воспринимается и обрабатывается ребенком в свете телесных переживаний, с которыми он знаком; или, иными словами, ребенок

воспринимает зримый мир путем воплощения своих зрительных впечатлений в свои телесные схемы. Поскольку это воплощение происходит по поддающимся четкому описанию линиям, я предлагаю называть результаты этих процессов понимания архаическими схемами значения» (p. 302f).

Шекели здесь дает нам конкретный пример того, как понимание на самом деле происходит без какого-либо словесного содержания, просто через форму, форму, которая берет начало в телесных функциях, но тем не менее практика подтверждает ее полезность вне самого человека, до определенного предела. До какого предела? Шекели приводит нам еще один пример: молодого физика, проводящего творческое исследование (Szekely, 1971). Он описывает, как творческое вдохновение приходит к его анализанду в связи с определенным конфликтом. Он думает о движении физических частиц как о движении собственного тела. Он бежит по лесу, воображая себя одной из частиц и пытаясь поймать другую частицу, которую он обозначил именем своей девушки. Он способен придти к определенным новым выводам путем этого коэнестетически-интуитивного мышления. Затем он способен математически формализовать результат этого телесного мышления. Мы обнаруживаем, что путем невербального телесного мышления возможно справиться не только с реальностями собственного тела и некоторыми реальностями жизни, но также и с реальностями квантовой физики! Модель рассуждения для упорядочивания физических научных наблюдений в новую объясняющую теорию явно выбирается из обширного набора коэнестетических, кинестетических схем значений. После этого ее полезность при объяснении реальности подвергается проверке. Именно это делает двухлетний ребенок, наблюдая за птичкой, и позднее менее успешно, наблюдая проезжающие автомобили. Именно это делает с большим или меньшим успехом ученый в своей работе.

Музыкальная идиома уже не кажется такой непонятной. Она предоставляет формы, свободные от содержания, и схемы значений, истоки которых – в невербальном телесном понимании. А затем слушателю остается только самому

применить эти формы к переживаемому в данный момент миру, наполнить их собственным содержанием.

Однако если присмотреться ближе, возникает вопрос, как это возможно, что разум оперирует описанным способом. Примитивные, телесные схемы значений не только представляют собой какие-то архаические предварительные формы мышления, которые отбрасываются позднее по ходу развития новых когнитивных операций. Наоборот, эти схемы подвижны, гибки и абстрактны, и способны даже переходить с одной сенсорной модальности на другую, со зрительной на мышечную, на слуховую и т. д. Такая активная маневренность лучше всего объясняется существованием символического процесса, который, однако, нуждается в более подробном объяснении.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ЯЗЫК ТЕЛА

Существует некоторая неопределенность в психоаналитической литературе относительно значения термина «символический». Символический и языковой обычно объединяют. Понятие «языковой», однако, применяется к области значительно более узкой, чем понятие «символический». Сьюзен Лангер основывает свои построения на первичной символической способности человека, которая отражается повсюду (Langer, 1951, 1953, 1967). Ее высказывания о природе музыкального опыта столь же современны, как и 30 лет назад и поддерживаются недавними психоаналитическими работами о невербальном когнитивном познании. Она понимает символическое в широком смысле: «Художественный замысел… является некой окончательной символической формой для откровения истин о реальной жизни» (1967, p. 81). «Недискурсивная форма… выражает такое знание, которое не может быть дискурсивным, поскольку оно относится к переживаниям, которые формально не поддаются дискурсивной проекции. Такими переживаниями являются ритмы жизни, органические, эмоциональные и психические… которые не просто периодичны, но бесконечно сложны и чувствительны ко всевозможным воздействиям. Все вместе они составляют динамический паттерн чувств. И этот паттерн могут

выражать только недискурсивные символические формы, для чего, собственно, и существует художественное отображение» (1953, p. 240f). Лангер (1951) утверждает: «Реальное могущество музыки заключается в том, что она может быть „истинной“ применительно к жизни чувства так, как языковая речь не может, потому что ее значимые формы обладают той амбивалентностью содержания, которой у слов быть не может» (p. 206).

Выводы Лангер нашли подтверждение в психоаналитической концепции архаических телесных схем тела и их использования в самых различных связях: от художественных творений до научного рассуждения. Вместо выражения Лангер «амбивалентность содержания» я предложил бы другое – «свободный от содержания», т. е. готовый принять разнообразные содержания, подобно математическим формулам, с которыми Лангер также сравнивает музыкальное выражение. Это отчасти равно термину «изоморфизм», который я использовал в тексте ранее. Музыкальный язык является символическим, но не дискурсивным; он предлагает структуры, но не содержания.

Наблюдение Винникотта над переходным явлением были связаны с теми моментами, когда ребенок овладевает своей врожденной способностью применять символический процесс. Он создает иллюзию присутствия матери, когда она отсутствует, передавая это значение чему-то другому, например, своему собственному голосу, своему большому пальцу или какому-то мягкому предмету. Самым фундаментальным в символической способности является способность обращаться с отсутствующим так, как если бы оно присутствовало. Таким способом человек отделяется от непосредственности воспринимаемого мира, и на этой способности держится мир разума, который отличает человека как вид. Вторичные производные этой способности – это, например, способность использовать произвольно выбранные обозначающие знаки, делать и использовать орудия труда и создавать общие для всех языки.

Научные исследования до сих пор не смогли ответить на вопрос: в какой момент в развитии ребенка возникает

символическая способность? Традиционно эту способность связывают с развитием речи и помещают между 18 месяцами и 3 годами. Это, конечно же, слишком поздно. Открытие Винникотта показывает, что этот навык проявляет себя клинически во второй половине первого года. Возможно, однако, что символическая способность еще более первична. В любом случае совершенно ясно, что мир разума уже появляется ранее, чем дифференциация между субъектом и объектом. Следовательно, архаические схемы значений содержат много типов взаимодействия, где роли объекта и субъекта абсолютно перепутаны. Понятие раннего довербального начала символической способности, таким образом, в некоторой мере поддерживает кляйнианскую теорию ранних младенческих фантазий. Самые последние исследования показали, помимо прочего, что новорожденные младенцы способны воспринимать и повторять выражения лица, придавая некоторое примитивное «значение» своим зрительным восприятиям. Филд с соавт. (Field et al., 1982) отмечают: «Существует врожденная способность сравнивать сенсорную информацию со зрительно воспринимаемыми выражениями… с проприоцептивной обратной связью движений, необходимых, чтобы повторить это выражение…» (p. 181). Более того, ясно, что когнитивное познание уже начинается до появления навыков речи и значительное когнитивное познание происходит без каких-либо словесных форм как на более ранних стадиях развития, так и позднее (Basch, 1976). Хомский (Chomsky, 1975), говоря о формировании и использовании понятий, утверждает: «Техники исследования улучшились… и видимая нам сложность младенческой перцептивной системы тоже» (p. 8).

Как первичная автономная способность символический процесс, таким образом, кажется более первичным, чем использование слов и дифференциация между Я и объектом. Следуя за этой линией мысли, можно даже рассмотреть вероятность некоторого количества внутриутробного когнитивного познания. Ваухконен (Vauhkonen, 1986) представил провоцирующую гипотезу, что внутриутробная активность попыток сунуть большой палец в рот может быть первой

формой психической работы плода, что делает ее самой первой телесной когнитивной схемой решения проблем.

Слуховые схемы происходят из самого раннего детства, возможно, начиная с внутриутробных переживаний сердцебиения и ритма ходьбы матери, как это описано в первой части данной работы. Существуют даже переживания близости, шаловливого, покорного, испуганного или бунтарского взаимодействия с заботящейся средой, связанные со слуховыми стимулами. Переведенные в музыкальную форму, они приобретают нежные, возбужденные, величественные или религиозные качества. Однако в музыке есть не только слуховые схемы. Есть аффективные схемы и схемы, относящиеся к движению, которые достаточно легко поддаются музыкальному выражению и которые слушатель может наполнить своим личным содержанием. Когда телесные схемы переплетаются с символическим процессом, исходная граница, которая привязана к различным сенсорным схемам, исчезает. Таким образом они становятся взаимозаменяемыми. Например, зрительные впечатления могут быть выражены в звуковой форме путем создания с помощью музыкальных образов пейзажа или различных вариантов климата. Наконец, музыкальное когнитивное постижение состоит из телесных схем от различных источников, не только от слуховых.

Исследование музыкального мышления приводит к пониманию того, что мыслительный процесс имеет телесную основу; когда телесные переживания переплетаются с символическим процессом, они также дифференцируются в абстрактные когнитивные схемы очень ранней стадии развития. Их можно затем использовать как когнитивные инструменты в различных ситуациях.

Довербальные символические схемы значений помогают понять, как музыкальный человек, используя слуховое когнитивное познание, способен думать в музыкальных терминах всегда, когда ему хочется. Можно использовать другие схемы значений, например, двигательные, зрительные, проприоцептивные и т. д. Ученый может подобным же образом заставить язык тела представлять сложные современные проблемы.

Он ищет возможные модели, общие абстрактные формы реальности в этом коэнестетическом языке, экспериментируя с их способностью функционировать в описании и объяснении фактической проблемы. Насс (Nass, 1984) приводит клинические примеры таких явлений. Композиторы, математики и ученые, в том числе Эйнштейн, очень часто – говорят, что почти всегда – используют невербальное телесное когнитивное познание, например, мышечную подвижность, когда пытаются разрешить проблему.

МУЗЫКА, СОДЕРЖАЩАЯСЯ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Различие между наукой и искусством состоит в том, что науке присуще стремление создать общее звено связи, свободное от конфликтов, от описательных моделей, с явлениями, которые нужно описать на основе многочисленных возможностей, предлагаемых архаическими когнитивными схемами. Различные области науки находятся на разных стадиях в этом стремлении. Чем дальше они находятся от абстрактной формализации, тем важнее, чтобы специалисты в данной области находились в коммуникации друг с другом, чтобы способствовать пониманию используемых ими идеосинкратических метафор.

Создание звена связи с реальностью схем общего значения в искусстве оставляется на попечении каждого индивидуального участника от мгновения к мгновению. Схемы телесных значений затем поднимаются на уровень переживаемой реальности. В науке же постоянно делаются попытки поднять их на уровень теории.

Процесс формализации психоаналитической теории находится на той же самой стадии, на какой была физика несколько столетий тому назад, когда понятие, например, «силы» все еще было неясным и спорным. В некотором смысле психоаналитическое мышление находится на ничейной земле между искусством и наукой. Непротиворечивые паттерны еще не достигнуты; еще со времен Фрейда в психоаналитическом языке традиционное употребление тех или иных

терминов возникает на региональной основе. Кроме того, у всех и вся имеется склонность или, возможно, следует сказать – способность использовать идеосинкратические схемы значений, подсознательные теории более или менее собственного производства, которые могут функционировать лучше, чем «официальная» теория (Sandler, 1983). Если психоаналитические тексты читать со слишком строгими ожиданиями формализации значения терминов, легко может оказаться, что это уводит далеко от истины. Для того чтобы их понять, нужно найти их «музыку».

Леше (Lesche, 1981) показал, что биологические и физические модели, часто встречающиеся в психоаналитической теории, необходимо использовать исключительно как пустые модели, или, как он их называет, «голые модели». Им следует придавать некое строго психоаналитическое содержание. Еще Фрейд говорил о неизбежности фигурального мышления в психоанализе (S. E., XVIII, p. 60), а также о том, что даже при создании психоаналитической теории, когда мы прибегаем к языку химии и физики, который так нам знаком, мы делаем это в фигуральном смысле. Его последователи, похоже, часто об этом забывали.

Шэфер (Shafer, 1976) критикует психоаналитическую метапсихологию за то, что она использует термины, описывающие телесные функции. По его мнению, это архаичный телесный язык, который не подходит для использования в научном дискурсе. Однако очевидно, что именно эти архаические схемы телесных значений нужны нам в нашем когнитивном процессе, когда мы пытаемся справиться с чем-то неведомым. И это основная задача психоаналитика в его работе. Эти схемы даже предлагают более разнообразный выбор различных абстрактных моделей, если они используются в том же самом смысле, что голые модели Леше, которые можно получить из моделей, заимствованных из других областей науки.

Рассматривая довербальные, архаические схемы значений, можно открыть путь для обсуждения проблемы невербальной коммуникации и некоторые подобные телепатии

явления, описываемые в связи с проективной идентификацией. Это может нам помочь понять то, что в нашей работе и практике все еще не имеет словесного выражения. Мы все еще часто находимся в том же самом положении, как те дети в эксперименте Пиаже (Piaget, 1973), которые на практике способны были понять больше, чем они могли объяснить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я начал с парадокса, что музыка – это самое недискурсивное из всех искусств, и все же говорят, что она содержит «всю человеческую жизнь» или любую тему, которая может быть выражена музыкальными средствами. Затем я показал примеры многочисленных изоморфизмов, которые существуют между ранними младенческими переживаниями, раскрываемыми через психоанализ, и средствами музыкального выражения и переживания. Эти изоморфизмы существуют по отношению к различным аффективным и эмоциональным состояниям и способам, которыми с ними справлялись в различные эпохи и в различных социальных условиях.

Затем я исследовал предмет с точки зрения, представленной Сьюзен Лангер: музыка представляет собой абстрактные формы чувств без какого-либо конкретного содержания. Эти формы основаны на довербальных телесных переживаниях, которые Лайош Шекели назвал «архаическими схемами значений». Эти телесные схемы постепенно интегрируются в символический процесс. Это интегрирование, видимо, начинается очень рано и создает почти неисчерпаемый запас аффективно-когнитивных операций, которые используются, в частности, как в научной работе, так и в художественном творчестве. Формы, представляемые искусствами, слушатель/получатель должен связывать со здесь-и-сейчас и таким образом найти свою «истину». Задача наук – использовать эти архаические схемы значений для того, чтобы строить формализованную модель, свободную от противоречий. Психоанализ находится где-то посередине. В нем есть и «музыка», и попытки формализации теорий.

ЛИТЕРАТУРА

Basch F. M. (1976). The concept of affect. J. Amer. Psychoanal. Assn., 24: 759–778.
Bergman P. & Escalona S. K. (1949). Unusual sensitivities in very young children. Psychoanal. Study Child, 3–4: 333–352.
Bion W. (1977). Seven Servants. New York: Aronson.
Chomsky N. (1975). Reflections on Language. New York: Pantheon.
De La Grange H. (1973). Mahler, vol. 1. New York: Doubleday.
Feder S. (1978). Gustav Mahler. Int. Rev. Psychoanal., 5: 125–148.
Feder S. (1980). Gustav Mahler urn Mitternacht. Int. Rev. Psychoanal., 7: 11–26.
Feder S. (1981). Gustav Mahler. Int. Rev. Psychoanal., 8: 257–284.
Field T., Woodson R., Greenberg R. & Cohen D. (1982). Discrimination and imitation of facial expressions by neonates. Science, 218: 179–181.
Freud S. (1920). Beyond the pleasure principle. S. E., 18: 3–64.
Friedman S. (1960). One aspect of the structure of music. J. Amer. Psychoanal. Assn., 8: 427–449.
Greenacre P. (1956). Experiences of awe in childhood. Psychoanal. Study Child, 11: 9–30.
Ikonen P. & Rechardt E. (1980). Binding, narcissistic psychopathology and the psychoanalytic process. Scand. Psychoanal. Rev., 3: 4–28.
Kohut H. (1957). Observations on the psychological functions of music. J. Amer. Psychoanal. Assn., 5: 389–407.
Kohut H. & Levarie S. (1950). On the enjoyment of listening to music. Psychoanai. Q., 19: 64–87.
Langer S. (1951). Philosophy in a New Key. New York: Mentor Books.
Langer S. (1953). Feeling and Form. New York: Scribner's.
Langer S. (1967). Mind. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
Lehtonen K. (1986). Musiikki psyykkisen tyoskentelyn edistajana. Turku: Annales Universitatis Turkuensis.
Lesche C. (1981). The relation between metapsychology and psychoanalytic practice. Scand. Psychoanal. Rev., 4: 101–109.
Mosonyi M. (1935). Die irrationalen Grundiagen der Musik. Imago, 21: 207–228.

Nass M. L. (1971). Some considerations of a psychoanalytic interpretation of music. Psychoanai. Q., 40: 303–316.

Nass M. L. (1975). On hearing and inspiration in the composition of music. Psycho-anal. Q., 44: 431–449.

Nass M. L. (1984). The development of creative imagination in composers. Int. Rev. Psychoanai., 11: 481–491.

Niederland W. G. (1958). Early auditory experiences, beating fantasies, and primal scene. Psychoanai. Study Child, 13: 471–504.

Piaget J. (1973). The affective unconscious and the cognitive unconscious. J. Amer. Psychoanai. Assn., 21: 249–261.

Rechardt E. (1986). Die Interpretation des Todestriebs. Psychoanalyse Heute. ed. Hans Lobner. Wien: Orac, pp. 45–61.

Sandler J. (1983). Reflections on some relations between psychoanalytic concepts and psychoanalytic practice. Int. J. Psycho-Anal., 64: 35–45.

Schafer R. (1976). A New Language for Psychoanalysis. New Haven & London: Yale. Univ. Press.

Spitz R. A. (1965). The evolution of dialogue. In Drives, Affects, Behavior, ed. M. Schur. New York: Int. Univ. Press, pp. 170–190.

Szekely L. (1962). Meaning, meaning schemata, and body schemata in thought. Int. J. Psychoanal., 43: 297–305.

Szekely L. (1971). Über den Beginn des Maschinenzeitalters. In Psychoanalyse in Berlin. Meisenheim: Anton Hain, pp. 106–115.

Vauhkonen K. (1986). Presented at the meeting of the Finnish Psychoanalytical Society.

Volkov S. (1979). Testimony. London: Hamilton.

Winnicott D. W. (1971). Playing and Reality. Harmondsworth: Penguin Books.

Wittenberg R. (1980). Aspects of the creative process in music. J. Amer. Psychoanal. Assn., 28: 439–460.

Вклад Эро Рехардта в психоаналитическое обучение в Восточной Европе

Хенрик Энкель, Лена Клокарс, Айра Лайне

Эро Рехардт выполнял обширную клиническую, теоретическую, преподавательскую работу, помимо этого, он был одним из зачинателей обучения психоанализу в Восточной Европе. Сорок лет назад Эро пришлось на собственном опыте почувствовать, каково это – не иметь возможности обучаться в своей стране. Он знал, что те, кто должен уезжать из дома для обучения, оказываются в нелегком положении – приходится идти на многие жертвы и испытывать значительную неустроенность. Эти факты сами по себе не объясняют выдающихся усилий Эро в помощи народам Восточной Европы в получении психоаналитического образования. Однако Эро понимал, чего обучение за границей требует от тех, кто за него берется, и он был готов делиться своим энтузиазмом в отношении открытий психоанализа. Щедрость Эро, как и его исключительная жизненная энергия, естественно, образуют фон для этих проектов.

Эро начал две финские психоаналитические программы обучения для кандидатов из Восточной Европы. В 1987 г. Хан Гроэн Праккен получила письмо от нескольких литовских коллег, которые хотели создать контакт с Европейской психоаналитической федерацией, президентом которой была Хан. Хан связалась с Эро, и 7 октября 1988 г. (в день объявления независимости Литвы) они оба приехали в Вильнюс. На пресс-конференции Эро попросили дать определение психоанализа, и его ответ «Свобода разума!» вызвал спонтанные аплодисменты. Уже в той поездке Эро высказал мысль об организации

психоаналитического обучения для литовцев в Хельсинки. Это, по-видимому, демонстрирует черту, типичную для Эро: когда, кажется, перекрыты все прочие пути, он брался за работу сам.

Три литовских кандидата приехали в Хельсинки в феврале 1990 г., позднее приехали еще двое. Эро затратил колоссальные усилия, чтобы уладить все, что нужно: он вел переговоры с финскими властями, нашел жилье, помог кандидатам и их семьям обзавестись мебелью и всем остальным, что нужно для дома, нашел работу и для кандидатов, и для их жен или мужей и т. д. Помимо этого, Эро организовал личный анализ для кандидатов, организовал супервизию и семинары; он работал также как аналитик, супервизор и руководитель семинаров для обучаемых.

Пятеро литовских кандидатов закончили курс и стали членами Финского психоаналитического общества. Но на этом усилия Эро не закончились. Во второй половине 1990-х годов несколько коллег из Санкт-Петербурга и балтийских стран проявили интерес сначала к тому, чтобы получить личный анализ, а затем к обучению психоанализу. На этот раз решено было организовать обучение, при котором кандидаты не будут переезжать в Хельсинки, вместо этого они должны были приезжать каждую вторую неделю, для того чтобы проходить так называемый концентрированный анализ, супервизию и семинары. Эта группа была вдвое больше, чем первая, и это, естественно, выдвинуло совершенно новые требования: нужно было найти много личных аналитиков и супервизоров, организовать место, где кандидаты могли остановиться на ночь, и – не в последнюю очередь – организовать само обучение. Сделать все это было определенно нелегко, но Эро не сдавался. Помимо энтузиазма и колоссальной работоспособности, это, по-видимому, демонстрирует третью черту Эро – личную цельность, которая помогла ему завершать начатое, несмотря на трудности, которые, возможно, заставили бы сдаться любого другого.

Вторая финская программа обучения психоанализу для восточных европейцев началась в 1999 г. Семинары были

завершены в 2004 г., но в момент, когда пишутся эти строки, многие кандидаты еще продолжают свой личный психоанализ и супервизии. Первые кандидаты из этой группы (из Таллинна, Санкт-Петербурга) уже стали действительными членами IPA (Международной психоаналитической ассоциации).

Эро помогал восточным европейцам на международной сцене. В 1995–1998 гг. Эро был председателем Восточно-Европейского комитета EPF; кроме того, множеством разных способов (например, путем организации летних школ и других семинаров) он помогал ряду восточноевропейских групп и индивидуумов, интересующихся психоанализом.

Вклад Эро Рехардта в психоанализ значителен. Его научная деятельность была плодотворной и являлась идеалом для многих. Его преподавание было весьма вдохновляющим для всех тех, кто имел честь у него учиться. Помимо этого, Эро много работал в психоаналитических организациях как в финских, так и в международных. То, что Эро сделал для восточных европейцев, составляет лишь часть его деятельности, в которой в целом он сполна проявлял энтузиазм, жизненную энергию, трудоспособность, отсутствие эгоизма, щедрость и личную целостность. Без его участия никакого психоаналитического обучения восточных европейцев в Хельсинки не проводилось бы.

Благодарности русских коллег

Для тех из нас, кто учился непосредственно у Эро Рехардта, издание его избранных трудов – это большое событие. Однако и для более широкого круга российских читателей это событие огромной важности. Эро Рехардт внес значительный вклад в развитие психоанализа не только в Финляндии и в Восточной Европе, но и в мире в целом. Его книги изданы на многих языках в ряде стран, они известны всему международному психоаналитическому сообществу. В данном сборнике читатель встретится с разнообразными трудами, посвященными содержанию психики человека, и отметит нетривиальный угол зрения, разнообразие тематики, специфику теоретического видения, основанного на глубокой эрудиции, и богатый клинический материал, который иллюстрирует статьи.

М. Ромашкевич выражает отдельную благодарность Э. Рехардту как своему ментору в процессе аналитического тернинга.

Нина Васильева
действительный член Международной психоаналитической ассоциации, доктор психол. наук, Санкт-Петербург

Михаил Ромашкевич
действительный член Международной психоаналитической ассоциации, профессор, Москва

Научное издание

Серия «Библиотека психоанализа»

Рехардт Эро

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОАНАЛИЗА

Избранные труды

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Обложка – *П. П. Ефремов*
Оригинал-макет и верстка – *С. С. Фёдоров*
Корректор – *Л. В. Бардина*

ИД № 05006 от 07.06.01
Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
www.cogito-centre.com

Сдано в набор 12.02.09. Подписано в печать 02.03.09
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура ITC Charter. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 15
Тираж 2000 экз. Заказ .

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати – Вятка»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

В издательстве «КОГИТО-ЦЕНТР»
в серии «БИБЛИОТЕКА ПСИХОАНАЛИЗА»
вышли в свет

Терапевтические факторы в психоанализе. Специфичность и неспецифичность процессов трансформации / Под ред. А. В. Казанской. 2006. 206 с.

Уроки французского психоанализа / Под ред. П. В. Качалова, А. В. Россохина. 2006. 560 с.

Макдугалл Дж. Театры тела. Психоаналитический подход к лечению психосоматических расстройств. 2006. 216 с.

Хиншелвуд Р. Д. Словарь кляйнианского психоанализа. 2006. 566 с.

Лох В. Основы психоаналитической теории. Метапсихология. 2006. 153 с.

Гринберг Л., Сор Д., де Бьянчеди Э. Т. Введение в работы Биона: группы, познание, психозы, мышление, трансформация, психоаналитическая практика. 2007. 158 с.

Крис А. Свободные ассоциации. Метод и процесс. 2007. 159 с.

Саммерс Ф. Л. За пределами самости. Модель объектных отношений в психоаналитической терапии. 2007. 287 с.

Сандлер Джозеф, Дэр Кристофер, Холдер Алекс. Пациент и психоаналитик: Основы психоаналитического процесса. 2-е изд. 2007. 254 с.

Грин А. и др. Терапевтические отношения в психоанализе. 2007. 236 с.

Килборн Б. Исчезающие люди: Стыд и внешний облик. 2007. 269 с.

Шарфф Д. Э. Сексуальные отношения: Секс и семья с точки зрения теории объектных отношений. 2007. 304 с.

Шарфф Д. Э., Шарфф Дж. Э. Терапия пар в теории объектных отношений. 2008. 384 с.

Шарфф Дж. С., Шарф Д. Э. Основы теории объектных отношений. 2008. 304 с.

Кинодо Жан Мишель. Приручение одиночества. Сепарационная тревога в психоанализе. 2008. 254 с.

Бион У. Р. Научение через опыт переживания. 2008. 128 с.

Бион У. Р. Элементы психоанализа. 2008.127 с.

ИНСТИТУТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОАНАЛИЗА (ИППП)

г. Москва
Существует с 1991 г.
Гос. лицензия № 7024, от 23 мая 2006 г.
Гос. аккредитация № 0171 от 3 июля 2006 г.

Диплом открытого конкурса вузов России от Министерства образования в 2002 г. за вклад в методическое обеспечение подготовки психологов

www.psychol.ru

Ректор – профессор Елена Спиркина, тренинг-терапевт ОПП, кандидат МПО

Зав. психоаналитической кафедрой – Елена Смирнова, член ОПП, кандидат МПО

Зав. курсом специализации по психоаналитической психотерапии – профессор Михаил Ромашкевич, тренинг-терапевт ОПП, действительный член МПО

Адрес: Москва, м. ВДНХ, ул. Ярославская, 13, оф. 229

Обращаться по вопросам обучения или сотрудничества вы можете по телефону: (495) – 682-11-14

Записаться на консультацию к специалисту вы можете по телефонам:

(495) 682-11-14, 8-906-716-16-82

МОСКОВСКОЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО (МПО)

г. Москва
Существует с 1988 г.
www.psychoanalysis-mps.ru

Стади-группа МЕЖДУНАРОДНОЙ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ (МПА)
www.ipa.org.uk

Президент – Марина Арутюнян, кандидат психологических наук, тренинг-аналитик МПО-МПА

Председатель тренингового комитета – Игорь Кадыров, кандидат психологических наук, тренинг-аналитик МПО-МПА

Разработка учебных программ – Екатерина Калмыкова, кандидат психологических наук, тренинг-аналитик МПО-МПА

Контактный телефон МПО: (495) 790-89-74

ОБЩЕСТВО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ (ОПП)

г. Москва
Существует с 1994 г.
www.spp.org.ru

Действительный коллективный член взрослой и групповой секций ЕВРОПЕЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ (ЕФПП)
www.efpp.org

Президент – Ксения Корбут, тренинг-терапевт ОПП, кандидат МПО

Вице-президент – Евгений Райзман, доктор медицинских наук, тренинг-терапевт групповой секции ОПП, тренинг-аналитик ЕГАТИН (Европейская сеть институтов групп-анализа)

Председатель тренингового комитета – Виталий Зимин, тренинг-терапевт ОПП, кандидат МПО

Председатель правления –Михаил Ромашкевич, профессор, тренинг-терапевт ОПП, действительный член МПО

Ученый секретарь – Элина Зимина, тренинг-терапевт ОПП, кандидат МПО

Обращаться по вопросам обучения, членства или сотрудничества вы можете по телефону или по электронной почте:

Ученый секретарь ОПП – Элина Зимина
8-910-438-15-88, elzimina@hotmail.com

Записаться на консультацию к специалисту вы можете по телефону или по электронной почте:

Секретарь ОПП – Людмила Антонова
(495) 314-18-77, antonova-8@yandex.ru

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЕТСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

г. С.-Петербург
Существует с 1994 г.
www.childanalysis.ru

Действительный коллективный член детско-подростковой секции ЕВРОПЕЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ (ЕФПП)
www.efpp.org

Президент – Наталья Антипова, действительный член Международной Психоаналитической Ассоциации (МПА), действительный член ЕФПП

Председатель правления – Нина Васильева, экс-президент, доктор психологических наук, действительный член МПА, действительный член ЕФПП

Председатель тренингового комитета – Алла Головчанская, действительный член ЕФПП

Электронный адрес для контактов: childconfspb@mail.ru